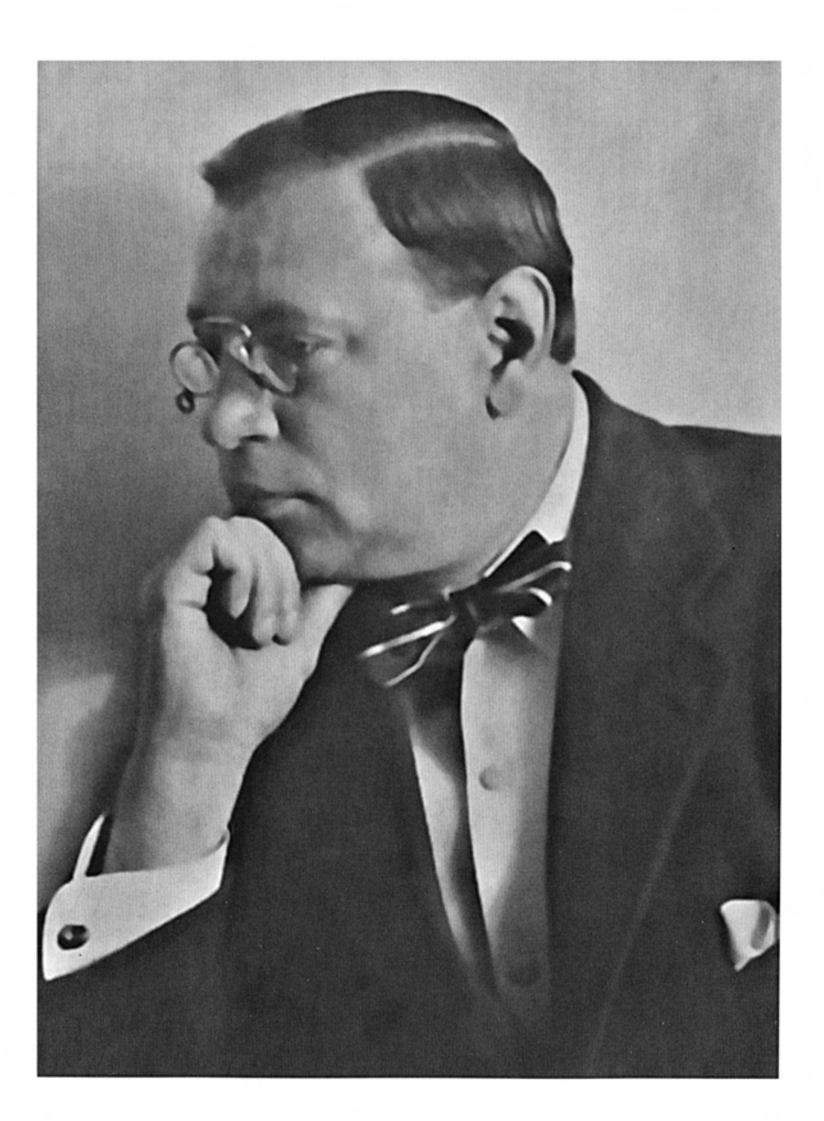
Сочинения

Аркадий Аверченко

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

собрание сочинений

ЧУДАКИ НА ПОДМОСТКАХ

издательство

МОСКВА 2013

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1
А19

Составление, подготовка текста и комментарии
С.С. Никоненко

Аверченко А.Т.

А19 Собрание сочинений: В 13 т. Т. 8. Чудаки на подмостках / сост., подг. текста и комментарии С.С. Никоненко. — М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. — 336 с.

ISBN 978-5-904962-26-5

В восьмой том собрания сочинений входят сборники пьес писателя «Под холщевыми небесами» (1916) и «Чудаки на подмостках», впервые вышедший в 1918 г. (текст дается по софийскому изданию 1924 г.). Кроме того впервые на русском языке публикуется пьеса «Игра со смертю» и несколько одноактных пьес эмигрантского периода.

ISBN 978-5-904962-11-1 (Общ.)
978-5-904962-26-5 (Т. 8)

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1

ПОД ХОЛЩЁВЫМИ НЕБЕСАМИ (1916)

чудаки на подмостках

ДВОЙНИК

Пьеса в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зайцев, инженер (одет в форму).
Колесакин, проезжий молодой человек в штатском платье, очень похожий лицом и фигурой на Зайцева.
(Эти две роли играет одно и то же лицо)
Шишигин, подрядчик.
Валя, молодая девушка.
Жена Зайцева.
Пальцев.
Сергей, слуга Зайцева, старик.
Слуга в ресторане.
Прохожие в городском саду.

Действие происходит летом, в провинциальном городе. Между первым и вторым действием проходит несколько часов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит в пустынном углу городского сада; налево вход в садовый ресторан, перед входом столики. За одним из столиков сидит Колесакин. *Перед ним стакан чаю.*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Колесакин — один. Он одет в светлый пиджак, темные брюки. На голове соломенная шляпа-канотье.

Колесакин (*задумчиво*). Вот я уж и не знаю: удрать ли мне сейчас от стакана чаю или потребовать чего-нибудь покрупнее и удрать от большого счета. Гм! За стаканом чаю могут и не погнаться, а если большой счет... Гм!.. Да... положение. А впрочем — черт с ним, рискнем. Все равно: сегодня утром приехал, сегодня вечером уезжаю — ни одна собака меня в этом паршивом городе не знает... Никогда я тут не бывал, никогда больше и не буду. Во всяком случае, это забавно. Колесакин не пропадет. Эй, человек! Че-ло-ве-ек!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Выбегает ресторанный слуга.

Слуга. Сию минуту. Здравствуйте, Юрий Николаич! Изволили вернуться, Юрий Николаич?.. Каково съездили, Юрий Николаич?

Колесакин (*с веселым удивлением*). Чучело ты гороховое! Какой я тебе Юрий Николаич!

Слуга. Как же-с. Хе-хе... Шутить изволите. Неужто ж нам господина инженера Зайцева не знать. Слава Богу — кажется, не впервой вам служим.

Колесакин. Пьян ты, братец, вероятно... На незнакомых людей бросаешься.

Слуга (*смущенно*). Посмеяться хотите, Юрий Николаевич... Конечно, вы сейчас не в инженерной форме, а в штатском, но все-таки... (*другим тоном*), прикажете что-нибудь подать, Юрий Николаич?

Колесакин. Постой, постой... По твоему — кто я такой?

Слуга (*утирая салфеткой лоб*). Ах ты ж, Господи. Юрий Николаевич вы, инженер, господин Зайцев. На Большой Дворянской в своем доме живете... неужто ж нам не знать?

Колесакин (*отходит лицом к публике, что-то соображает. Лицо лукавое, себе на уме. Вдруг начинает смеяться,*

оборачивается к слуге). А? Что, братец, ловко я тебя разыграл? Ну, Бог с тобой. (*Садится, развалившись, на стул.*) Принеси ты мне, братец, бутылочку вина получше, да закуску собери посолиднее. Понял? Да скажи там, чтобы сделали все так, как я люблю — понял? (*Слуга уходит.*)

Колесакин (*один, весело подмигивая*). Колесакин вам не нужен? Хорошо. Зайцев вам нужен — хорошо. Получи́те.

Проходит сначала один господин, потом другой. Оба кланяются Колесакину и скрываются направо. Колесакин первый раз удивлен, второй раз — кланяется с преувеличенной радостью.

Колесакин. А-а-а! Мое почтение. Драсте!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Колесакин и Шишигин.
К столику, за которым сидит Колесакин, подходит подрядчик Шишигин.

Шишигин (*с почтительной радостью*). А-а! Юрий Николаич! Сколько лет, сколько зим... Хорошо ли съездили? С приездом вас.

Колесакин (*сначала смущается, потом сразу берет другой тон*). Простите... я... А-а! Здравствуйте, здравствуйте. Ну, как поживаете? Садитесь, пожалуйста.

Шишигин. На минутку присяду (*садится, утирая лицо платком*). Ну, ваши как... здоровеньки?

Колесакин (*недоуменно*). Чего?..

Шишигин. Ваши, говорю, как? Все хорошо?

Колесакин. Наши? А-а! Да, конечно, ничего. Спасибо, слава Богу. Гм... да... (*Молчание.*) Слушайте! Этого... Отчего вас так давно не было видно?

Шишигин. Да ведь вы уезжали. Так как же...

Колесакин. Да, конечно... Положим, уезжал, но все-таки... (*Пауза.*) Погоды у вас тут были хорошие?

Шишигин. Хорошие. А у вас там?

Колесакин. Там? Да как вам сказать. Ни то, ни се. (*Пауза.*)

Шишигин. Ах, да! Вспомнил, черт возьми... Ведь вы меня, наверное, втайне ругаете?

Колесакин. Я? Что вы! Ей-Богу, никогда вас не ругал. Зачем же ругать...

Шишигин (*добродушно*). Да, знаем. А за те-то триста рублей... Курьезно, ведь. Хе-хе. Вместо того, чтобы инженер брал у подрядчика, инженер дал подрядчику!! Я уж даже жалею, что вы мне тогда встретились в клубе... Верьте, батенька, в тот вечер, признаться, все и продул дотла. Да своих полтораста доложил.

Колесакин. Неужели?

Шишигин. Уверяю вас! Кстати, что вспомнил... Позвольте рассчитаться. Большое мерси (*вынимает бумажник, дает Колесакину деньги*).

Колесакин (*прячет, заглянув предварительно в бумажник Шишигина*). А у вас там еще есть деньги.

Шишигин. Да. С дороги получил.

Колесакин. Там много денег.

Шишигин. Да, много.

Колесакин. Все новенькие сторублевки.

Шишигин. Да, новенькие.

Колесакин. Я очень люблю, когда новенькие.

Шишигин. Еще бы... Шуршат, хрустят — сердце радуется.

Колесакин (*после паузы; неожиданно*). Дайте!

Шишигин (*не понимая*). Чего-с?

Колесакин. Вот этих самых дайте, которые шуршат.

Шишигин (*радостно*). Да, Господи... да я... (*отсчитывает из бумажника*). Да я бы и раньше... Сколько раз я вам предлагал. А вы, помните, еще обругали меня и сказали, что пожалуетесь начальнику дороги.

Колесакин. Да, я теперь совсем другой человек. Жизнь, знаете... Ничего не поделаешь. Дороговизна.

Шишигин (*смущенно глядя в сторону, барабанит пальцами по столу*). Так точно (*Пауза.*) А кстати: куда девать те рельсы, о которых я вам писал? Чтоб не стояли зря на станции...

Колесакин. Куда? Гм! Куда... Вот, ей-Богу, странный вопрос — куда? (*Развязно.*) Да свезите их ко мне, что ли. Пусть во дворе полежат.

Шишигин (*отшатнувшись в чрезвычайном удивлении*). Что вы! Шутить изволите, батенька... Это три-то вагона?

Колесакин. Э? (*С неожиданной твердостью.*) Да! Пожалуйста, сделайте так. У меня есть некоторые соображения, которые...

Шишигин. Но ведь три же вагона! Что за смысл! Мы вам весь двор завалим... И затем обратно перевозить их — ведь это все такая возня.

Колесакин (*решительно*). А я вас прошу все-таки сделать так, как я сказал — и баста!

Шишигин. Как угодно. Ну, я пойду (*встает*). Прощайте. Да, кстати: что Четвериков?

Колесакин. Что?

Шишигин. Я говорю: Четвериков. Как он?

Колесакин. Четвериков? Да ничего. По-прежнему все.

Шишигин. Чертит все.

Колесакин. А?

Шишигин. Говорю: чертит все?

Колесакин. Ого!

Шишигин. А она что?

Колесакин. Что ж она... Она... Странный вопрос — она. Ведь вы же сами знаете, что своего характера ей не переделать.

Шишигин. Положим, что так. Но он-то... как к этому относится?

Колесакин. Он? Да ведь и ему своего характера тоже не переделать.

Шишигин. Золотые слова. К Игнатию Федоровичу собираетесь?

Колесакин. Обязательно, как же. Первым долгом. Это уж будьте покойны. Ну, прощайте. Кланяйтесь там вашим.

Шишигин. Почту за честь (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Колесакин — один.

Колесакин. Вам Колесакин не нужен? Пожалуйста. Зайцев вам нужен — нате!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Слуга приносит вино и закуску; Колесакин пьет и ест.

Колесакин. А вино хорошее?

Слуга. Самое лучшее. Мы ваш вкус очень хорошо знаем, Юрий Николаич.

Колесакин. То-то. Я, брат, люблю, чтобы у меня все было начеку. Понял? (*Проходит мимо господин. Кланяется. Колесакин посылает ему воздушный поцелуй, потом вслед грозит кулаком.*) Послушай, я забыл, как тебя зовут?

Слуга. Как же-с, Никита.

Колесакин. Так вот, «как же-с, Никита», скажи ты мне: у вас хор какой-нибудь тут есть?

Слуга. Как же-с. Дамский оркестр. Только их еще нет, рано. Однако можно за ними и послать.

Колесакин. (*пьет вино*). Ага? Пошли, Никитушка, пошли, милый. Скажи: инженер Зайцев просил. Да кабинетик там сооруди — понял?

Слуга. Так точно (*убегает*).

Колесакин (*пьет вино; задумчиво*). Чувствую я: большой свиньей этот инженер Зайцев сегодня будет...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Справа показывается молодая девушка — Валя. Она задумчива, идет, опустив голову. Вдруг, увидев Колесакина, вскрикивает...

Валя. Юрий! Ты... Вы?.. Вот не думала, что вы уже приехали... Как будто немного изменились. Почему не в форме?

Колесакин (*вскакивает, смотрит на нее, держа в руке вилку с огурцом. К публике*). Хорошенькая... (*К ней.*) А-а, здравствуй, детка. Ну, какая приятная встреча... (*К публике.*) Ей-Богу, этот инженер Зайцев большой пройдоха!

Валя. Юрий... Почему вы не в форме?

Колесакин. Да так, знаешь ли... Жарко, да и надоело. Да и вообще... форма сушит. Ну, пойди сюда, детка. Сядь рядом (*усаживает ее*). Хочешь вина?

Валя. Юрий... Вы... Ты пьешь? Но ведь ты мне дал слово не пить.

Колесакин (*с пьяным удивлением*). Что ты говоришь? Когда?

Валя. Какой ты странный... Я прямо не узнаю тебя... Тебе нельзя пить. Помнишь, когда ты был у меня, так сам сказал: «Валя, даю тебе слово»...

Колесакин. Валя? (*неожиданно*). Эх, Валя! Не знаешь ты всего, что происходит здесь, в этой груди (*бьет себя в грудь... Сидит, мрачно, подпершись рукой. Неожиданно другим тоном.*) Ну, иди сюда, Валечка. Поцелуй меня.

Валя. Ка-ак? Поцелуй? (*Встает.*) Но разве тогда... ты говорил, что нам самое лучшее и честное расстаться.

Колесакин. Говорил? (*Прижимая руку к сердцу.*) О, Валя. Я много передумал с тех пор и решил, что... ты должна быть моей... Постой... Тут, кажется, никого нет? (*Подходит к ней, обнимает, осыпает ее дождем поцелуев.*) Ф-фу!

Валя. Сумасшедший! Что вы! Увидят.

Колесакин. Валя! Я много передумал с тех пор... Сокровище! (*Целует.*) А знаешь что? Плюнем на все это — переезжай сегодня ко мне, а?

Валя (*изумленно*). Как... к тебе?

Колесакин. Ну да; ко мне, домой. Очень просто.

Валя. К... тебе... домой?.. А жена?

Колесакин (*растерянно*). Какая жена?

Валя. Твоя жена!

Колесакин. Жена? Да, да. А-а... Чудак ты человек... Гм!.. Она не жена мне.

Валя. Как не жена?!

Колесакин. Да так. Ты не удивляйся, милая... Здесь чужая тайна, которую я не могу открыть. Она не жена. Нет, что ты!

Валя. Кто же она тебе, в таком случае?

Колесакин. Она? Моя сестра.

Валя. Но ведь у вас же двое детей?!

Колесакин. Приемные. Остались после одного нашего друга. Старый морской волк... Понимаешь — утонул в Индийском океане. Ей-Богу... Гм! Горю обезумевших родителей не было предела. Одним словом — чего там

долго разговаривать — собирай свои вещи и переезжай ко мне! Прямо в мой дом!

Валя. А... сестра?

Колесакин. Она будет очень рада... Будем воспитывать вместе детей... Научим уважать их память отца... В долгие зимние вечера, у камина... Ну иди, я тебя еще поцелую...

Валя (*трет рукой лоб*). Господи!.. Я, право, не могу опомниться... Ты сегодня какой-то чужой... Ты говоришь такие странные вещи...

Колесакин. Ну чего там, странные! Ничего не странные. Самые обыкновенные! Иди и укладывайся — чего там!

Валя (*уходя*). Боже, Боже!.. Что же это будет?.. С ума я схожу что ли. Голова кругом идет (*Уходит.*)

Колесакин (*обращаясь к публике с пьяной задумчивостью*). Чего-то, кажется, оно не совсем складно вышло, а?..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Слуга (*выбегая, суетливо*). Пожалуйте, Юрий Николаич... Все готово. Оркестр в кабинете.

Колесакин (*берет бутылку, стакан, шагает за слугой*). Тореадор, смеле-е-е-е в бой, тор-реа-дор...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сцена несколько мгновений пустая. За кулисами слышны звуки оркестра. Затем слева показывается Пальцев. Вид у него решительный, суровый.

Пальцев (*стуча палкой по столику*). Человек! Эй, человек!

Показывается слуга.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Слуга. Чего изволите?

Пальцев. Скажи, ты знаешь инженера Зайцева?

Слуга. Так точно, знаем.

Пальцев. Мне сказали, что он сейчас здесь, у вас.

Слуга. Действительно. В кабинет прошли.

Пальцев. Это действительно инженер, у которого дом на Большой Дворянской?..

Слуга. Те самые.

Пальцев. А ну-ка позови его сюда.

Слуга. Да оне заняты.

Пальцев. Начихать мне, что он занят. Скажи, чтоб пришел!

Слуга. Оне там... с дамами.

Пальцев. Тоже важность — дамы! Съем я их, что ли? Пусть сюда выйдет!

Слуга. Как о вас доложить прикажете?

Пальцев. Скажи просто: знакомый Заварзеевых; он тогда выйдет.

Слуга. Сию минуту (*Убегает.*)

Из ресторана доносится сначала неясный шум, потом шум делается слышнее. В эту неясную симфонию говора и увещания вдруг врывается звон разбиваемой посуды, какой-то крик... Выбегает Колесакин без пиджака, с бутылкой в руке, за ним слуга.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Колесакин, слуга, Пальцев.

Слуга. Юрий Николаевич, так же невозможно... Вы уху в рояль вылили, а рояль шестьсот целковых стоит.

Колесакин. Черт с ним, поставь в счет; счет пришлешь ко мне домой на Большую Дворянскую.

Слуга. Потом вот пианиста изобидели, нехорошо...

Колесакин. А почему он мужского рода. Раз оркестр дамский — почему пианист разного пола, а? И потом Чайковского не знает — разве можно? Чайковский, брат, был композитор — его уважать надо... Мы, брат, перед ним — хамы! Пон-нял? Впрочем, поставь и пианиста в счет. И Чайковского поставь. Все поставь. А кто тут меня спрашивает? Врешь, поди.

Слуга. Зачем мне врать. Вот они спрашивали.

Колесакин (*увидев Пальцева*). Здравствуйте. Гм!.. Чем могу?.. (*Покачивается на ослабевших ногах.*)

Пальцев (*мрачно*). Вы инженер Зайцев?

Колесакин. Я. А... что?

Пальцев. Вы не отказываетесь от того, что говорили обо мне на вечеринке у Заварзеевых?

Колесакин. У Заварзеевых?

Пальцев. Да.
Колесакин. А что у Заварзеевых?
Пальцев. Вы не отказываетесь от того, что у них говорили?
Колесакин. У Заварзеевых?
Пальцев. Ну, да, да? У кого же еще?
Колесакин. Так-с-с. А что вам, собственно, угодно?
Пальцев. Вы не отказываетесь от вашего разговора у них?
Колесакин. Ни капельки.
Пальцев. Так вот же вам это!! (*Дает ему пощечину.*) Так я буду бить всякого, кто скажет, что я нечестно играю в карты... Мерр-рзавец! (*Быстро уходит.*)
Колесакин (*падает на стул, сидит, потирая щеку*). Вот тебе... (*Пауза.*) Бедный Зайцев!.. Получил.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Действие происходит в кабинете инженера Зайцева. Первый этаж. Направо одно открытое окно на улицу. Сцена пуста.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Слуга инженера Зайцева, старый Сергей; он в белом фартуке.

Сергей (*идет через сцену*). Анютка! А-ню-тка! А-ню-тка-а-а!..
Голос из дверей. Чиво-о-о?!
Сергей. Ты чего же это, дуреха, до сих пор баринова халата не почистила?! Барин через полчаса приехать должон, а она не почистила...
Голос из дверей. Да я почистила.
Сергей. А коли почистила, так почему же мне не сказала?
Голос из дверей. Да я вам давеча говорила.
Сергей (*ворчливо*). «Говорила, говорила»... Мало ли ты что говорила... Ежели всякую чепуху слушать, что ты говорила... А мыла почему на рукомойник не положила?

Голос из дверей. Вы же давеча говорили, что у барина свое есть в чемодане.

Сергей. И говорил. А чего ж мне не говорить? Рот, брат, мне не замажешь.

Голос из дверей. Так зачем же его класть, раз у барина свое есть.

Сергей. То-то, что незачем.

Голос из дверей. Так я и не положила.

Сергей. Еще бы ты положила. Вы такая публика, что рады весь рукомойник мылом завалить.

Голос Колесакина (*из открытого на улицу окна*). Эй! Эта квартира инженера Зайцева?

Сергей. Так точно.

Голос Колесакина. Он сам дома?

Сергей. В Москве уехамши, да сегодня ожидаем. Вот-вот должны приехать. Уж и телеграмма получена.

Голос Колесакина. Ага... Ну, хорошо.

Сергей. Анютка! А фартук мой куды засунула?

Голос из дверей. Да он на вас же, Сергей Акимыч.

Сергей (*осматривая себя*). Еще бы не на мне. Посмотрел бы я, как он не на мне... (*Во дворе слышен звонкий заливчатый лай, голос Колесакина: «Пошла прочь дрянь этакая... Вот я тебя ногой в брюхо!.. Пошла». Собачий визг, шум... Сергей смотрит в окно, выходящее во двор.*) Что же это — никак барин приехал? Эко, Шарик заливается... не узнал, поди, отвык... (*Убегает.*)

Сцена пуста. Через несколько секунд появляется Колесакин, за ним Сергей.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Колесакин, Сергей.

Сергей. С приездом честь имею проздравить. Каково съездилось? Кабыдто с лица малость похудели? Господи, Боже ты мой... Да с чего же вы это в штатском? Даже Шарик не признал.

Колесакин. Да, да, это все после! Ладно. Все у нас благополучно?

Сергей. Так точно, все. А вещи ваши где же, барин?

Колесакин. На вокзале оставил. Спешил. Да... а где же мои ключи от письменного стола?

Сергей. Помилуйте, как же... Сюда вы их положили, в эту вазочку. Я их и карточками прикрыл, чтобы кто не утянул. (*Достает из вазочки на этажерке ключи.*)

Колесакин. Ага! Ну, теперь ступай. Мне нужно подзаняться. Умоюсь потом. Да скажи, чтоб никого ко мне не пускали — понял?

Сергей. Слушаю-с, Юрий Николаич, понимаю-с; понимаю-с... (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Колесакин — один.

Колесакин. Да... много ты там понимаешь, действительно... Черта с два ты понимаешь! (*Быстрым взглядом осматривает стол, берет портсигар, ножик для разрезания книг, прячет в карман; открывает ключом ящик письменного стола, рассовывает по карманам какие-то вещи. Ключи бросает под диван.*) Ну, а теперь — кажется, все сделано, что можно... (*Лукаво.*) Бедный инженер Зайцев; кроме всего, еще и по физиономии получил. И пребольно. Ей-Богу. Который час? (*Берет со стола маленькие настольные часы.*) Ого! Уже на поезд спешить надо. (*Кладет часы в карман, быстро, на цыпочках уходит.*) *За сценой во дворе опять заливчатый злобный лай. Голос Колесакина: «Тиш-ше ты, проклятая! Убью! Вот анафемская собачонка!» Потом тишина. На улице слышны в открытое окно голоса: «Тпррр. Приехали, барин, пожалуйте» — «Сколько тебе?» — «Да что ж... рублевку пожалуете — и хорошо. С вокзала, небось, не ближний свет». — «Ладно, ладно. Давай сдачу с трех... Есть?» — «Так точно. Вещи прикажете снести?» — «Ничего, тут легкие; я сам». — «Но-о-о, ты! Рыжая, но!». Топот копыт. Тихий собачий визг, голос: «А, Шарик... узнал, шельма, обрадовался. Ну, здравствуй, здравствуй. Да постой ты! Всю тужурку лапами измазал. Экий, ей-Богу. Ну, ступай, ступай. Нельзя тебе, брат, в комнату. Не комнатная ты собака. Пошла прочь. Эко как прыгает шельма»).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В дверях показывается инженер Зайцев. Он в инженерской тужурке и фуражке; в руках небольшой саквояж и портплед... Брюки того же темного цвета, что и на Колесакине. (NB. Актер, играющий Колесакина, должен успеть во время разговора с извозчиком и собакой переменить пиджак на тужурку и соломенную шляпу на фуражку...)

Зайцев (*тон у него другой, по сравнению с Колесакиным. И вообще держится он солиднее, положительнее...*). Фу-фу! Ну, и дорога анафемская... Ехал сутки, а как будто неделю (*Сбрасывает тужурку, фуражку, засучивает рукава.*) Помыться бы теперь... Сергей! Сергей-й!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Зайцев, Сергей.

Сергей. Изволили звать Юрий Николаич?
Зайцев. «Изволил, изволил!» А ты отчего не вышел вещей взять... Ослеп, что ли?
Сергей. Никак нет... Я думал — раз вещи на вокзале...
Зайцев. «Думал». Думают, братец мой, индюки. Дай мне умыться...
Сергей. А работать что ж... уже не будете?
Зайцев. Чего?
Сергей. Работать, говорю, не будете, али как?
Зайцев (*пристально на него смотрит*). Из ума ты стал выживать, старик... А барыня где?
Сергей. А в будуаре. Хотела прийти к вам поздороваться, так я сказал, что нельзя.
Зайцев. Что?! Почему нельзя?
Сергей. Да работать-то вы хотели, али нет?
Зайцев (*с сердцем*). Тьфу! Возьми тужурку почисть.
Сергей. Слушаю-с (*берет тужурку; с недоумением.*) А пиджачок где?
Зайцев. Какой пиджачок?!!
Сергей. В котором приехали.

Зайцев. Постой, постой... А ну: дыхни на меня... (*Сергей дышит.*) Нет, не пьян. Ну, значит, из ума выжил. Давай умываться! Живо!! (*Оба уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входит жена Зайцева.

Зайцева. Юрик. Ты здесь? Что за странное существо: то сказал, что сядет прямо с дороги заниматься, то — ушел... Юрик!!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Из двери, ведущей в переднюю, входит слуга из ресторана — Никита. В руках у него бумажка.

Зайцева. Вам что нужно, голубчик? Прежде всего, нельзя входить в комнату без доклада...

Слуга. Извините, барыня; в передней никого не было... Я со счетиком.

Зайцева. Какой там еще счетик? От кого?

Слуга. Из ресторана «Анпир». Господину Зайцеву.

Зайцева. Что такое? А ну, дай... Это, наверное, какой-нибудь старый счет...

Слуга. Никак нет. Сегодня изволили быть... Приказали прийти.

Зайцева. Что-о-о? А ну дай-ка, дай... Дай его сюда! (*Быстро выхватывает счет.*) Что т-такое? Полдюжины шампанского? Хору сто рублей?! За платье 120... Это за какое такое платье?..

Слуга (*смущенно*). Это так себе платье... Обнаковенное.

Зайцева. Нет, ты говори — что это за платье... Слышишь? Говори!!

Слуга. Так что они нечаянно... вином залили... на мадмазель Вере...

Зайцева. Что-о? Ага, хорошо... А это что? За рояль 250... Почему это, а?

Слуга. Так что... немножко попорчен (*смущенно почесывает затылок*). Оне, рояль, то есть, ухи не любят... Так что очень не переносят. Опять же клавиш, больше палец обожает... От ноги его на сторону, как говорится, воротит...

Зайцева (*схватившись за голову*). Боже, Боже... Какой ужас... Сделал вид, что приехал только что, а сам... Скажи, он был один?

Слуга. Так точно, одни-с.

Зайцева. Может быть, это был не он? Ты его знаешь?

Слуга. Помилуйте... как же. С вами они сколько раз были... Только что нынче в штатском изволили быть, а то они — как же-с. Мы знаем.

Зайцева. Ах, даже в штатское переоделся!! Ну, ладно же...

Входит Зайцев, умытый, в бархатной тужурке.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Зайцев.

Зайцев. А-а... Маруся! Здравствуй, голубка... Соскучилась? (*Хочет ее обнять.*)

Зайцева. Постой, постой (*отталкивает его*). Одну минутку... Ты этого человека знаешь?

Зайцев (*только сейчас заметив слугу*). А-а, Никита! Что тебе?

Слуга. Со счетом, Юрий Николаич.

Зайцев. С каким счетом?

Слуга (*подмигивает ему, делает разные знаки*). Так что счетик тут один — за сегодня. Приказали зайти. Да вы не изволите беспокоиться. Если сегодня нельзя — я завтра зайду...

Зайцев. Что за ерунда! Дай-ка счет... (*Берет, читает.*) С ума ты сошел, что ли... Какой рояль, какое платье? Когда это было?

Слуга. Нынче же, Юрий Николаич... Как же-с. Я вам и служил. Сегодня-с.

Зайцев. Что-о-о-? Ах ты, мошенник!.. Ты шантажировать вздумал? Вот, я тебя сейчас... (*взволнованный подходит к телефону, звонит*), ах, свинья какая. Я это не вам барышня! Центральная? Дайте участок. Как? Благодарю вас. Алло! Это господин околоточный? Говорит инженер Зайцев с Большой Дворянской... Послушайте... тут явился слуга из бульварного ресторана «Ампир». А? Явный шантаж... Какой-то счет. Прошу вас... Что? Какой протокол? На кого? (*Пауза.*) Да позвольте!

за что? Ка-ак? Пианиста поколотил? Да протокол-то этот у вас? Что? Подписан? Мною? Когда?!! Сегодня?!! (*Падает в изнеможении в кресло, роняет трубку.*) Ф-фу! Со мной делается что-то нехорошее (*К слуге.*) Вот что, братец... Ты счет оставь, я сам зайду к хозяину. Мы это все разберем. А ты — ступай.

Слуга. Так точно... (*подмигивает ему, делает фамильярные знаки*). Я, конечно, понимаю. Хи-хи. Оно, может быть, действительно ошибка... Бывает-с, бывает-с. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Зайцев, Зайцева.

Зайцева (*хватая его за руку, смотрит ему в глаза*). Юрий!.. Что все это значит?

Зайцев (*нервно*). Убей меня, если я понимаю. Ведь ты же видишь, что я только что приехал...

В это время со двора доносится шум, лязг железа, который все растет и растет.

Очевидно слуга хотел просто слегка пошантажировать... Что это там за шум, черт возьми?

Лязг на мгновение затихает.

Зайцева. Ну, а протокол в участке? Как ты это объяснишь?

Зайцев. Вот поеду немного погодя, выясню...

Лязг железа становится оглушительным.

Зайцев (*только шевелит губами — слов не слышно.*) Что за черт!! (*Подходит к окну, выходящему во двор, распахивает его; кричит.*) Эй, вы там во дворе!! Что вы делаете?

Голос со двора. Рельсы привезли.

Зайцев. Какие рельсы?!

Голос со двора. Господину Зайцеву. Три вагона...

Зайцев. Да кто вам велел?

Голос со двора. Подрядчик Шишигин. Он сказал, чтобы к вам во двор все три вагона свезти.

Зайцев. Ослы! Вы мне весь двор завалили... (*Слышен лязг.*) Постойте! Черррт вас передери!! Подождите минутку, я по телефону поговорю... (*Звонит.*) Что за хамство! Я

не вам, барышня. Барышня: 33–18. Спасибо. Алло! Это Николай Саввич? Здравствуйте. Послушайте... Какие вы рельсы мне прислали. (*Пауза.*) Что? Я приказал? Когда? Сегодня? В ресторане? Да вы кого видели? Меня самого? (*Пауза.*) Триста рублей?.. И пятьсот? За что? (*Пауза.*) Тьфу! (*Роняет трубку, падает без сил в кресло. Во дворе шум и лязг продолжаются, потом все стихает.*)

Зайцева. Юрий! Что все это значит?..

Зайцев. Матушка! (*Становится на колени, бьет себя в грудь.*) Вот видишь: клянусь тебе жизнью наших детей, что я только что приехал и ничего не знаю...

Зайцева. Да ведь подрядчик тебя видел? И слуга видел...

Зайцев (*встает, шатаясь*). Матушка, я не могу. Я пойду прилягу. Я... того... кажется, болен... (*уходит, ослабевший, пошатываясь*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Зайцева — одна.

Зайцева. Клянется жизнью детей... Предположим. Ну, а откуда же этот счет? Неужели, шантаж? И зачем бы ему приехать и скрываться в городе? Неужели, только из-за глупейшего дневного кутежа в ресторане? Или у него тут была женщина, ради которой он приехал раньше...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сергей, Зайцева.

Сергей (*выглядывая из дверей*). Барыня, там барышня, госпожа Зеленцова пришли; прикажете принять?

Зайцева. Что? Зеленцова? Какая Зеленцова? Ну, проси. (*Сергей уходит.*) Что это за Зеленцова? Портниха, что ли? Не помню.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Показывается сначала Сергей, нагруженный корзинками, коробками и чемоданами; потом Валя — с картонкой в руках и свертком.

Зайцева глядит на Валю в немом изумлении. Сергей, разгрузившись, уходит).

Валя. Вы госпожа Зайцева?

Зайцева. Да, я. Что это значит? (*Указывает на вещи.*)

Валя. Вы можете мне поверить, что я вас буду любить, как родную сестру. Позвольте мне вас поцеловать! (Ц*елует ее.)*

Зайцева. Простите, я не знаю даже, кто вы...

Валя. Как? Неужели вам Юрий ничего обо мне не говорил?

Зайцева. Ни слова... Виновата, с кем имею честь?..

Валя. Валентина Михайловна Зеленцова. Но вы называйте меня просто Валей.

Зайцева. За... зачем... Валей?..

Валя. Но ведь раз мы будем вместе все жить... Неужели вам брат ничего не сказал?

Зайцева. Чей... брат...

Валя. Господи! Ваш же!

Зайцева. Как же он мог мне что-нибудь сказать, когда он умер.

Валя (*схватывая ее за руки*). Умер!!! Он умер?!! И вы об этом так легко говорите? Отчего он умер?!! (*Закрывает лицо руками.*)

Зайцева. Почему вас это так расстраивает? Он умер от разрыва сердца.

Валя (*истерически*). Он умер?!. От разрыва? Это оттого, что он пил! Еще сегодня в саду я ему сказала, что нельзя пить... Где он лежит?!. Пустите меня к нему!

Зайцева. Сударыня! Он не здесь лежит! Он лежит на Вознесенском кладбище. Он уже одиннадцать лет, как умер!..

Валя (*остолбенев*). Кто?!

Зайцева. Мой брат — я думаю.

Валя. Значит, у вас другой есть? А Юрий?

Зайцева. Мой муж? Он совершенно здоров.

Валя. Ваш муж... Но Юрий мне во всем признался... Он сказал, что вы ему не жена, а сестра. Уверяю вас, со мной вы можете быть совершенно откровенны...

Зайцева (*отчеканивая).* Он вам сказал, что я его сестра?

Валя. Да. Сегодня признался; в ресторане, в саду.

Зайцева. Ага... Так, так. Теперь многое делается понятным. Это он не вам ли платье вином залил?

Валя. Вином? Платье? Что вы! Я Юрия Николаича знаю уже около года и он никогда...

Зайцева. Так он сказал, что любит вас, — так?

Валя. Я подозревала это и раньше. Но сегодня он признался окончательно. Он мне все рассказал. И что дети эти не ваши, а одного капитана, который утонул... Он говорил, что мы будем вместе с вами их воспитывать...

Зайцева (*вставая с кресла*). Знаете что?.. Мне вас очень жаль... Но — однако — насильно мила не будешь (*кричит в среднюю дверь, куда скрылся муж*). Юрий!.. ты спишь... Нет?!! Тем лучше. Слушай же: я ухожу! И ухожу совсем!.. Детей заберу потом — я их буду сама воспитывать — слышишь? Сама!! А тебя оставляю на попечение твоей новой жены — зови ее Валей! А я ее так звать не могу... Негодяй!!!

Зайцева проходит мимо Вали в переднюю. Валя, отшатнувшись, изумленно смотрит ей вслед.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Зайцев, Валя.

Зайцев (*выходит, протирая глаза*). Что тут еще? В чем дело? Почему... (*Увидев Валю с картонками и узлами.*) Вы?!. Тут?.. Что случилось?..

Валя. Юрий!.. Я теперь ничего не понимаю... Ты меня позвал, я пришла... Но тут происходит что-то такое тяжелое...

Зайцев. Я вас позвал? Сюда? Опомнитесь! Мы с вами полтора месяца тому назад расстались, и я сказал, что все это нужно прекратить...

Валя (*бросаясь к нему*). Юрий... Но ведь сегодня... ты мне сам сказал в саду... около ресторана...

Зайцев (*в приливе неимоверного бешенства*). Как? И вы тоже? И вы?!. И вы захотели меня с ума свести?!. И вы сговорились со всеми? Что вам от меня нужно?!. Мозг мой вы хотите раздавить?!. В сумасшедший дом засадить?!! Жизнь моя вам нужна?!. Ну — нате, ешьте меня, пейте мою кровь!!! Лопайте меня!!.

Валя, в ужасе вскрикнув, убегает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Зайцев — один.

Зайцев (*со стоном, садясь за письменный стол*). Боже мой, Боже мой... Что же это такое? У меня сейчас голова лопнет... (*Вдруг замечает выдвинутый ящик письменного стола.*) ... А-а!.. Сергей! Сергей!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Входит Сергей.

Сергей. Изволили кликать?

Зайцев. Я тебя покличу! Я тебя еще и не так покличу... Почему ящик моего стола открыт? Где ключи?

Сергей. Да вы же сами давеча у меня взяли!..

Зайцев. Постой, постой... Когда я у тебя брал ключи?

Сергей. Да с полчаса тому назад будет. Я еще предлагал умыться, а вы потребовали ключи, отослали меня, да и тово...

Зайцев. Ага, так, так... И это был действительно я? Может быть, кто другой?!! Говори! Вспомни!!

Сергей (*с ужасом*). Вы же и были... Кому другому. Только что в штатском, да без вещей приехали...

Зайцев. Я? Был здесь? Полчаса тому назад? В штатском? Ну, кажется, мне кое-что делается ясным. Ступай, Сергей. (*Сергей уходит. Зайцев роется в столе.*) Ну, конечно... И бумажника нет, и бриллиантовой булавки... Ах, мерзавец!.. Ну, попадись он мне...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

В окно, выходящее на улицу, лезет Пальцев.

Зайцев (*вскакивая*). Это что такое? Что вам угодно?!

Пальцев. Вы простите, что я так. Но во дворе нельзя пройти — он весь завален какими-то рельсами. А я человек решительный и уж раз решил извиниться перед вами, так и извинюсь. Господин Зайцев! Простите меня. Готов дать вам любое удовлетворение...

Зайцев. Что такое? Почему?! Кто вы такой?

Пальцев. Позвольте представиться — Пальцев.

Зайцев. Ну-с?

Пальцев. Сегодня... в саду, около ресторана... Я дал вам, извините, пощечину... За то, что вы распустили обо мне сплетню... А теперь я узнал, что вы тут ни при чем.

Зайцев (*весело*). Постойте, постойте... Так вы сегодня дали мне в саду пощечину?

Пальцев. Д-да... Вы понимаете, что я...

Зайцев (*потирая руки*). Хорошо, хорошо... И скажите, — здоровую пощечину?

Пальцев. Да уж, знаете, что было силы... Вы извините, я...

Зайцев. Нет, вы мне скажите правду; здорово трахнули?

Пальцев. Да уж... на совесть...

Зайцев. Милый! Давайте я вас за это поцелую (*Обнимает его.*) Ф-фу! (*К публике.*) Верите ли, господа: единственное утешение за весь этот проклятый день...

Занавес

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

Пьеса в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ольга Николаевна, хозяйка дома,
молодая дама интересной наружности.
Виктор Михайлович Разлетаев,
красивый брюнет, голос громкий;
манеры развязные.
Незабудкин, молодой блондин,
мягкий, поэтично-настроенный,
голос сладкий, замирающий.

Место действия — будуар Ольги Николаевны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На сцене — темно. Слышны голоса Разлетаева и Незабудкина.

Разлетаев. Черт ее подери, эту горничную! Почему она тут не зажгла электричество?

Незабудкин. Господи, какие у тебя выражения... Просто горничная пошла доложить о нас.

Разлетаев. Ой! (*Слышен грохот упавшего стула.*) Вот тебе! Кажется, для первого знакомства стул им сломал. Ффу! Вот, еще какая-то вещь для сидения. Сядем.

Незабудкин. Ты, наверное, смущаешься в первый раз, а? Ты не бойся: Ольга Николаевна очень милый простой человек. Держись бодрей. (*Находит выключатель,*

зажигает электричество. Разлетаев сидит на диване, развалившись и положив ногу на ногу.) Ей-Богу, чего там смущаться...

Разлетаев. Ты уверен, что я смущаюсь? (*Насвистывает, осматриваясь.*) Квартиренция ничего себе. Уютновато.

Незабудкин. Какие у тебя слова все: «квартиренция», «уютновато». Это рай, брат! Для меня это земной рай!

Разлетаев. Вот это вот — рай? Та-а-ак-с!

Незабудкин (*восторженно*). Но ведь здесь живет она!.. Она!.. И она сейчас к нам выйдет... Ты подумай!.. Она — царица!

Разлетаев. Послушай, Незабудкин, ведь ты, каналья, влюблен по уши... Ну, сознайся, — влюблен? Ха-ха-ха!..

Незабудкин (*страдальчески морщась*). Зачем ты так громко смеешься? И почему ты подходишь к моему прекрасному тихому чувству с грубым и оскорбительным смехом?.. Ну, я люблю ее... Как люблю все изящное, все красивое...

Разлетаев. Неужели? С чего же это ты так?

Незабудкин. Не знаю... У меня, вероятно, такая натура: тянуться ко всему красивому...

Разлетаев (*с плохо скрываемой иронией*). Красивое, ты говоришь?.. О, да в красоте... это... ну, как бы выразиться... (*делает неопределенный жест рукой*), много... всякого такого... Однако, чего же это наша милая хозяйка не выходит к нам. Долго же она наводит на себя красоту... Послушай... Она хорошенькая?

Незабудкин. Виктор! Что за тон?! Я прошу тебя... (*Пауза.*) Вероятно, сейчас выйдет... Вот ты, Виктор, сейчас заговорил о красоте... По-моему, на свете нет ничего выше красоты...

Разлетаев (*с легкой насмешкой*). Что ты говоришь?!. О, да!.. да!.. А скажи, ты любишь ручеек в лесу? Когда он журчит? Или такую, с хвостиком овечку, пасущуюся на травке? Или розовое облачко высоко-высоко... Так, саженей на 60 высоты...

Незабудкин (*глядит задумчиво, широко раскрыв глаза*). О, да... Люблю до боли в сердце...

Разлетаев. Вот видишь, какой ты молодец!.. А еще что ты любишь?

Незабудкин (*умиленно*). Я люблю закат на реке, когда издали доносится тихое пенье... Цветы, окропленные первой чистой слезой холодной росы... Люблю красивых поэтичных женщин и люблю тайну, которая всегда красива...

Разлетаев. Любишь тайну? Почему же ты мне не сказал этого раньше? Я бы сообщил тебе парочку-другую тайн... Знаешь ли ты, например, что между женой нашего швейцара и приказчиком молочной лавки что-то нечисто?..

Незабудкин (*болезненно морщась*). Друг! Ты меня не понял! Это слишком вульгарная, грубая тайна... Я люблю тайну тонкую, нежную, неуловимую... Ты знаешь, что я сделал сегодня?

Разлетаев (*иронически*). Ну, конечно. Ты сделал что-нибудь красивое, поэтическое?

Незабудкин. Вот именно. Я купил букет роскошных белых роз и отослал его милой Ольге Николаевне инкогнито, без записки и карточки... И вот он этот букет, здесь на столе... (*Указывает на букет.*) Это моя маленькая, грациозная тайна... Я люблю все грациозное... Цветы, окропленные первой чистой слезой холодной росы... И неизвестно, от кого... это тайна!..

Разлетаев. Так вот почему ты продал свой турецкий диван и синие брюки!.. Ха-ха-ха! Вот для чего тебе деньги понадобились!..

Незабудкин (*поморщившись, как от боли*). Друг... не будем говорить об этом... Цветы... Из нездешнего мира... Откуда они? Из чистого горного воздуха? Кто их прислал?.. Бог?.. Дьявол?..

Разлетаев (*едко*). Да ведь ты не вытерпишь!.. проболтаешься!..

Незабудкин. Друг! Клянусь, что я буду равнодушен и молчалив... Ты понимаешь, она никогда не узнает, от кого эти цветы... Это маленькое и ужасное слово — никогда... Никогда, никогда, никогда. Невер-мор!

Разлетаев. Чего-о-о?

Незабудкин. Невер-мор... Это английское слово.

Разлетаев. Ага! Гай-дуй-ду, как говорится. Так насчет букета — молчать будешь?

Незабудкин. Как могила!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна. Извините, господа... Я задержалась... (*Здоровается с Незабудкиным.*)

Незабудкин. Ольга Николаевна! Позвольте вам представить моего друга Виктора Михайловича Разлетаева, о котором я так много...

Разлетаев (*отталкивает его*). Пусти, я сам! (*Развязно и громко.*) Дорогая Марья Нико...

Незабудкин. Ольга!

Разлетаев. Ольга? Это еще лучше! Ольга Николаевна! Поверьте, что я... вот уже третий год... Да что там много говорить. — Здравствуйте! Здравствуй, ночь, молодая вакханка, как говорил Надсон! Позвольте обе руки... Вот! Пусть эти поцелуи будут первым залогом нашего знакомства, которое... Э, да, знаете, что говорить — тяжело! (*Облокачивается на пианино, застывает в преувеличенной задумчивости.*)

Ольга Николаевна. Отчего вы такой грустный?

Разлетаев. Так, знаете... Я лучше промолчу. Моя жизнь была одними шипами, безо всяких роз...

Ольга Николаевна. Кстати... (*Незабудкину, указывая на цветы.*) Грациан Аполлонович, признайтесь... Это вы прислали эту прелесть?..

Незабудкин (*с деланным удивлением*). Прелесть? Какую?.. Я вас не понимаю.

Ольга Николаевна. Полноте, полноте! Кто же другой мог придумать эту очаровательную вещь?

Незабудкин. О чем вы говорите?

Ольга Николаевна. Не притворяйтесь! Я говорю об этом роскошном букете...

Незабудкин (*смотрит на цветы с восхищением и удивлением, точно он только сейчас увидел их*). Какая роскошь? Кто это вам преподнес?

Ольга Николаевна (*удивленно*). Неужели, не вы?

Незабудкин (*твердо*). Конечно, не я... Гм!.. Даю вам чессс!.. слово!

Ольга Николаевна (*обращаясь к Разлетаеву*). Так это, значит, вы, ради первого знакомства, сделали мне такой царский подарок?

Разлетаев (*с деланным смущением*). Что вы! что вы! Уж и царский — тоже, скажете... Нет, это не я... Хи-хи...

Ольга Николаевна (*кокетливо*). Ах, вы... А почему же ваши глазки не смотрят прямо?.. Признавайтесь, шалун...

Разлетаев (*глупо хохочет*). Да почему же вы думаете, что именно я? Гы-гы!

Незабудкин, стоя за спиной Ольги Николаевны, делает Разлетаеву умоляющие знаки.

Ольга Николаевна. Вы сразу смутились, когда я спросила.

Разлетаев (*тихонько хихикая и смущенно крутя пуговицу на жилете*). Ах, оставьте... Вечно эти женщины что-нибудь этакое выдумают...

Ольга Николаевна. Ну, конечно же, вы. Зачем вы, право, так тратитесь?..

Разлетаев (*машет рукой; беззаботно*). А! Стоит ли об этом говорить!..

Ольга Николаевна (*хватает его за руку и обжигает взглядом*). Значит, вы?..

Незабудкин (*с искаженным лицом, хрипло*). Это не он!..

Ольга Николаевна (*недоумевающе*). Так, значит, — вы?

Незабудкин (*борясь с самим собой*). Нет... не я...

Ольга Николаевна. Больше никто не мог мне прислать. Если не вы, значит, — он... (*к Разлетаеву*) зачем вы тратите такую уйму денег?

Разлетаев (*поболтав рукой — с деланной застенчивостью*). Оставьте, стоит ли говорить о такой прозе... Деньги, деньгам, о деньгах... Что такое, в сущности, деньги? Они хороши постольку, поскольку на них можно купить цветов, окропленных первой чистой слезой холодной росы. Неправда ли, Грациан?

Незабудкин мрачно мычит что-то.

Ольга Николаевна. Как вы красиво говорите... Этих цветов я никогда не забуду... Спасибо, спасибо, вам!..

Разлетаев. А! Пустяки. Вы прелестнее всяких цветов!

Ольга Николаевна. Мерси. Ну а все-таки рублей 30 заплатили... Нехорошо...

Разлетаев (*уверенно*). Рублей 25...

Незабудкин (*с тихим стоном*). Тридцать четыре!

Ольга Николаевна (*поворачиваясь к Незабудкину*). Что?

Разлетаев. Он просит разрешения закурить... Кури, Грациан, кури, ничего — Ольга Николаевна, кажется, позволяет. Верно?

Ольга Николаевна. Пожалуйста. Но я все-таки возвращаюсь к букету... знаете, он такой прекрасный, ароматный... Когда его принесли — точно сама весна вошла в комнату... И я долго добивалась от принесшего его: от кого этот букет... Он не говорит!

Разлетаев (*одобрительно*). Мальчишка, очевидно, дрессированный.

Ольга Николаевна. Мальчишка? Но он старик.

Разлетаев. Неужели? Лицо у него было такое... такое моложавое...

Ольга Николаевна. Он весь в морщинах.

Разлетаев. Несчастный! Не правда ли, Грациан?.. Жизнь его, очевидно, не красна... Ненормальное положение приказчиков, десятичасовой труд... Об этом еще писали... Впрочем, сегодняшний заработок поправит его делишки!..

Незабудкин (*срывается с места, подбегает к Разлетаеву, точно собираясь ударить его, сдерживается; трагическим шепотом*). Едем!.. нам пора.

Ольга Николаевна. Куда же вы? Ни за что не отпущу! Я сейчас насчет чая распоряжусь!.. (*Погрозив пальчиком Разлетаеву, уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, без Ольги Николаевны.

Незабудкин. Подлец! Свинья тупорылая!

Разлетаев. Фи! Ты, который любишь все красивое, все неуловимое. Что за выражение? (*Пауза.*)

Незабудкин сердито ходит по комнате.

Сколько времени ты знаком с Ольгой Николаевной?

Незабудкин. Не твое дело! (*Пауза; сердито.*) Три года.

Разлетаев. Ну вот. И за это время ты добился разрешения только целовать кончики ее пальцев. Не умеешь ты, брат, работать, как следует. Стихи ей писал?

Незабудкин (*тоскливо*). Писал.

Разлетаев. Дурак. Что она шубу будет шить с твоих стихов? И, наверное, красивые разговоры вел и, наверное, своей скромностью и целомудрием ее удивить хотел. И все это ни к чему.

Незабудкин. Ты не имеешь права так говорить об Ольге Николаевне! Ты ее не знаешь!..

Разлетаев. Я? Не знаю? Подумаешь — важность какая!

Незабудкин. Она — святая женщина!

Разлетаев. Конечно. Сразу видно. Хочешь я тебе покажу, как с этими святыми женщинами нужно разговаривать?..

Незабудкин. Ты? Пошлости какие-нибудь будешь ей говорить... Воображаю! Она тебе сразу рот закроет!

Разлетаев (*хладнокровно*). Верно. Поцелуем.

Незабудкин. Ну и нахал же ты, знаешь ли...

Разлетаев. Нахал?!! Ах ты, баранья голова!.. Хочешь, докажу? Спрячься вот сюда, за портьеру... Кстати, и она идет, кажется...

Незабудкин. Подслушивать? За кого ты меня принимаешь?

Разлетаев. Чудак ты, да ведь она знать не будет.

Незабудкин (*на лице его борьба*). Честное слово? А вдруг она узнает?..

Разлетаев. Да что-ты, как старая баба: узнает, не узнает... узнает, не узнает... Иди, иди — не разговаривай! (*Скрывает его за портьерой; облокачивается на пианино, застывает в прежней преувеличенно задумчивой позе.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ольга Николаевна (*входя*). Ну, вот и я. А где же... Незабудкин?

Разлетаев. Ушел на десять минут по делу... Ему нужно было. Он, вероятно, скоро вернется. Я, говорит, даже не прощаюсь.

Ольга Николаевна. Чего вы стоите, Виктор Михайлович... Сядьте...

Разлетаев. Мерси! (*Усаживает ее на диван, садится подле.*) Господи! Думал ли я, что сегодня буду сидеть около вас, Марья Николаевна?

Ольга Николаевна. Какая я вам Марья Николаевна? Я Ольга Николаевна... Неужели еще не запомнили?

Разлетаев. Я-то не запомнил?! Таковский я, чтобы не запомнить. Нет, я запомнил, но только вам больше идет имя — Маруся. Мусенька...

Ольга Николаевна. Да уж вы сумеете вывернуться, знаю я вас.

Разлетаев (*берет ее руку*). Какие у вас холодные руки, Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна. А вы откуда знаете?

Разлетаев. Да я одну из них взял.

Ольга Николаевна. Зачем же вы это делаете? Оставьте, не надо.

Разлетаев. Почему не надо? А, может быть, я хочу поцеловать вашу руку.

Ольга Николаевна. Это совсем лишнее.

Разлетаев. Нет, не лишнее. У вас красивые руки, Марья Ник... Ольга! Ольга Николаевна!!

Ольга Николаевна. Ну, уж нашли тоже красоту. Вероятно, всем женщинам говорите одно и тоже.

Разлетаев. Если бы все женщины были похожи на вас, я бы говорил им то же самое.

Ольга Николаевна. А что же, я разве не такая женщина, как другие?

Разлетаев. Вы? Вы особенная. В вас есть что-то такое... что-то, знаете, такое...

Ольга Николаевна. Ой, руке больно. Не жмите.

Разлетаев. Ну, ничего. Я ее поцелую, все и пройдет. Знаете, почему я держу вашу левую руку, а не правую?.

Ольга Николаевна. Почему?

Разлетаев. Левая ближе к сердцу. (*Пауза.*)

Ольга Николаевна. Так вы говорите — какая я?

Разлетаев. Вы? Особенная какая-то. (*Пауза.*)

Ольга Николаевна. Странно. Это говорите не вы первый.

Разлетаев. Ну, вот видите! (*Делает попытку обнять ее.*) Какие у вас красивые плечи!

Ольга Николаевна. Оставьте. Ну, так что же во мне особенного?

Разлетаев. В вас есть какое-то обаяние. Меня влечет к вам. Ведь мы познакомились только полчаса тому назад, а мне кажется, будто мы с вами знакомы давно-давно.

Ольга Николаевна. Какой вы странный.

Разлетаев. Да... Меня все находят странным. Я не такой, как другие.

Ольга Николаевна. А какой же вы?

Разлетаев. Какой? Да, знаете, долго говорить. (*Пауза.*) Я добрый! Я, знаете, когда разойдусь так мне ничего не жалко... букет — черт с ним! Что такое, в сущности говоря, букет?..

Ольга Николаевна. Ах нет, букет чудесный.

Разлетаев. Ну, вот глупости. Мне даже неприятно, когда вы о нем вспоминаете... (*Встает, будто нервничая, говорит за портьеру Незабудкину.*) Видал, какая работа? Ду-рак...

Ольга Николаевна. Вот вы опять грустный.

Разлетаев. Я даже об этом букете и позабыл. Подумаешь важность — букет!

Ольга Николаевна. Ну, хорошо, не буду больше, молчу.

Разлетаев. Конечно. Стоит ли разговаривать. Какой-то букет, за какие-нибудь пятьдесят рублей... Мне даже странно говорить.

Ольга Николаевна. Ну, молчу, молчу!

Разлетаев. Я понимаю что-нибудь другое, а то — букет. Хм!..

Ольга Николаевна (*гладит его руку*). Почему у вас такая рука холодная?

Разлетаев. Сердце горячее.

Ольга Николаевна (*долгая пауза*). Виктор Михайлович?

Разлетаев. Ну?

Ольга Николаевна. О чем вы так глубоко задумались?

Разлетаев. Что? Эх!.. Не стоит говорить. Нет. Нельзя. Не расспрашивайте.

Ольга Николаевна. Наверное, задумались о какой-нибудь из ваших многочисленных симпатий?

Разлетаев. О, Марья Николаевна... Как вы далеки от истины!

Ольга Николаевна. Ольга я Николаевна! Какая я вам Марья Николаевна?! С кем вы меня путаете?..

Разлетаев. Это я нарочно назвал вас Марьей Николаевной, чтобы посмотреть: ревнивая ли вы?

Ольга Николаевна. Да уж вы сумеете вывернуться (*ласково.*) Вас на это не взять. Так о чем же вы так задумались, а?

Разлетаев. О чем? Вернее — о ком?

Ольга Николаевна. Ну, о ком?

Разлетаев. Нет, зачем, Мар... Ольга Николаевна! Лучше не говорить... Скажу только одно, ваше имя надолго запечатлеется в моем сердце, как что-то милое, дорогое и сладко-печальное.

Ольга Николаевна. Ну, не надо быть таким... Ей-Богу, вы странный. Так о ком же вы думали?

Разлетаев. Сказать? А вы не рассердитесь?

Ольга Николаевна. Нет. Почему же?

Разлетаев. Вот если вы меня поцелуете, тогда скажу.

Ольга Николаевна. С какой же стати я вас буду целовать! Нельзя. Я замужем.

Разлетаев. Серьезно?!

Ольга Николаевна. Конечно. (*Пауза.*)

Разлетаев. Ну, так что ж такое, что вы замужем?

Ольга Николаевна. Как что? Вот, ей-Богу... Какой вы странный.

Разлетаев. Жизнь меня сделала странным, милая Оля.

Ольга Николаевна. Не смейте меня так называть.

Разлетаев. Хорошо, Оля. Не буду.

Ольга Николаевна. То-то. Так о ком же вы думали?

Разлетаев. О вас.

Ольга Николаевна. Интересно знать, что же вы обо мне думали?

Разлетаев. Я думал: сколько вы счастья можете дать тому человеку, который вас полюбит.

Ольга Николаевна. Наверное, всем женщинам говорите то же самое.

Разлетаев. Я?! Нет. Чего мне? Только вам и говорю.

Ольга Николаевна. Отчего вы такой печальный, Виктор Михайлович?

Разлетаев. У меня жизнь печально сложилась, Оленька.

Ольга Николаевна. Бедный мой, бедный: ну, дайте, я вас по головке поглажу!.. Оставьте! Пустите! Не смейте меня целовать!.. Я кричать буду! (*Легкая борьба. Разлетаев целует ее.*)

Ольга Николаевна (*сердито*). Слушайте, если вы будете так себя вести — я уйду.

Разлетаев (*равнодушно, безо всякого выражения*). Ну, не надо уходить.

Ольга Николаевна (*смягчаясь*). Да уж я знаю вас — вы умеете женщин уговаривать. Дайте слово, что больше этого не будет.

Разлетаев. Чего?

Ольга Николаевна. Вот этих... поцелуев...

Разлетаев. Дам слово... С одним условием, — чтобы завтра вы пришли ко мне. Я покажу вам свои рисунки. Вы любите искусство?

Ольга Николаевна. Страшно!

Разлетаев. Ну, вот видите. Вы такая чуткая, понимающая и вдруг заброшены, совершенно одиноки. Я понимаю, каково вам приходится. У вас красивая душа. Так придете? А?

Ольга Николаевна. Я приду с одним условием: дайте мне слово, что вы не позволите себе ничего лишнего.

Разлетаев. Лишнего? Что вы, Оленька?!. За кого вы меня принимаете. Ничего лишнего. Будет самое необходимое.

Ольга Николаевна. И потом — не смейте меня целовать.

Разлетаев. Что вы! Ни за что! Разве я такой (*целует ее, она вырывается*).

Ольга Николаевна. Если вы еще раз поцелуете меня, я рассержусь.

Разлетаев. А я тогда умру!

Ольга Николаевна (*поправляя прическу перед зеркалом*). Боже, как я растрепана! Ну, вы подождите, я сейчас узнаю насчет чаю. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Незабудкин показывается из-за портьеры. Стоит молча, опустив голову.

Разлетаев. Ну, что, брат? Как себя чувствуешь? Скажи, пожалуйста, — ты любишь ручеек, журчащий по зеленой травке, розовое облачко, плывущее высоко, высоко... Так высоко, что его никакая собака не достанет... Что ж ты молчишь?

Незабудкин (*тихо, постепенно усиливая тон*). Дорогой Виктор... Я много видел в своей жизни хорошего

и дурного, красивого и некрасивого... Дорогой Виктор! Я всегда стремился к высшей правде и красоте... Сегодняшний вечер многое убил во мне и сделал из меня совсем другого человека... И вот этот новый другой человек говорит тебе: если все на свете только красивый обман, фата-моргана — то ты обязан (*другим тоном*) вернуть мне тридцать четыре рубля, которые я заплатил за букет. Гони монету!

Разлетаев (*стоит ошеломленный*). Поэт... Вот тебе и поэт!

Занавес

ЖОРЖИК

Трио в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Муж.
Жена.
Жоржик, гость.

Столовая. Самовар. Лампа.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

За столом сидят муж и жена.

Муж (*сидит, обвив рукой талию жены и положив свою голову ей на плечо. Молчание*). Чья ты, деточка?

Жена. Мамина.

Муж. Неправда.

Жена. Ну, папина.

Муж. Тоже неправда.

Жена. Ну, твоя.

Муж. Ах, ты моя умница (*целует ее*). А где у тебя носик?

Жена. Вот он.

Муж. Правильно. Уже большая деточка, знаешь. А ротик где?

Жена (*показывает на глаз*). Вот он.

Муж (*умиленно, к публике*). Не знает еще. Маленькая. А что сегодня вечером маленькая девочка будет делать?

Жена. Она идет в гости к Кирикиным.

Муж. А! Значит, там будет студент Волчанский.
Жена. Будет. Почему ты спросил?
Муж. Да так (*смеется.)* Я же страшно ревнивый. У-у! Если ты с ним поцелуешься, я — у-у-у! Съем тебя. Так: гам! *(Целует ее.)*
Жена. Ты ревнивый? Оставь, пожалуйста. Я умру со смеху.
Муж. Ей-Богу, ревнивый. Честное слово.
Жена. Ну, брось (*заливается смехом*). То есть, не встречала я еще человека не ревнивее тебя.
Муж. Я? Не ревнивый? Да знаешь, между мной и Отелло только и есть та разница, что он черный, а я белый.
Жена. Не белый ты, а глупый (*целует его в голову. В передней звонок)*. Кто бы это мог быть. А! Вероятно, Жоржик.
Муж. Если Жоржик — я очень рад. Он такой милый.
Жена. Жоржик? Очаровательный. Тонкий такой, деликатный. С ним очень приятно. И мы с ним всегда по всем вопросам одного мнения.
Муж. Да и мы с ним большие единомышленники. Вот, кстати, спросим его: ревнив я или нет?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Жоржик.

Жоржик. Мирная семейная картина. Вид на море в тихую погоду. Как приятно видеть. Люблю! Ну, здравствуйте.
Муж. А-а, Жоржик! Рад вас видеть, рад. Садитесь.
Жена. Жоржик! Вот-то прелесть, что вы пришли!.. Вот сюда садитесь (*наливает ему стакан чаю; во все время разговора Жоржик усердно пьет чай, сам подливая себе из самовара*). Еще горячий. Пейте и любуйтесь на тихую погоду.
Жоржик. Правильно. О чем шла беседа?
Муж. Вот, Жоржик... Мы сейчас беседовали с Леной по одному вопросу. Она говорит, что я не ревнив, а я утверждаю, что ревнив. Представьте, ее не переспоришь.
Жоржик. Ай-я-яй (*качает головой*). Как же это так, Елена Ивановна? Неужели, вас не переспоришь? Вот не думал.
Жена (*улыбаясь*). Да ведь мне же скорей со стороны видно — ревнив он или не ревнив.

Жоржик. Положим, это верно. Вы правы. Со стороны, конечно, виднее.

Муж. Со стороны? Да, позвольте... Если я внутри себя чувствую ревность, если она есть, понимаете — есть! Хоть ты что хочешь делай — если она внутри, да и только... Как же меня хотят убедить, в таком случае, что я не ревнив...

Жоржик. Да, действительно. Что же это вы? (*К Елене Ивановне.*) Как же так можно убеждать человека?

Жена. Он просто не отдает себе отчета!

Жоржик. Да что вы! Это нехорошо. Разве можно не отдавать себе отчета?

Жена. Очевидно, можно.

Жоржик. Очевидно, можно.

Муж (*пожимая плечами*). Какая чепуха! Это все равно, если бы у меня болел зуб, а ты бы стала уверять, что у меня зуб не болит... Это ведь одно и то же...

Жоржик. Конечно, одно и то же, — ясно! Совершенно одно и то же. Какие же могут быть тут споры?..

Муж. Ну, так вот... Значит, вы, Жоржик, согласны со мной, что ревность как чувство субъективное — скорее всего может чувствоваться мною — ревнующим или неревнующим, чем другими...

Жоржик. Понятно. Это ясно, как день.

Жена (*к Жоржику*). Да, ведь он может думать, что его раздирают муки ревности, а на самом деле, в глубине души ничего не будет чувствовать!..

Жоржик (*укоризненно качая головой*). Да что вы? Неужели, он такой?

Жена. Уверяю вас — такой.

Жоржик. Это нехорошо.

Муж (*раздражаясь*). Ну, вот поговорите с этой женщиной. Она больше меня знает: раздирает меня внутри что-нибудь или нет?..

Жоржик. В самом деле. Откуда вы можете это знать? Ведь ей-Богу! Откровенно говоря, ниоткуда.

Муж (*нетерпеливо*). Ах! С ней разговаривать — только зря время терять... Женщина всегда останется женщиной!

Жоржик. Да уж... это так. Эти женщины — действительно... женская логика.

Муж (*возвышая голос*). Ну, вот! Ты видишь, — почему же Жоржик меня понимает, а ты не можешь понять?..

Жена (*обиженно*). Почему? Да потому, что я тебя давно раскусила.

Жоржик. Ага! — значит, вас раскусили? Ишь ты... Его раскусили, а он сидит, как ни в чем не бывало... Так нельзя. Это что ж такое получается...

Муж (*приходя в раздражение*). Ты? Ты?! Ты меня раскусила? Ну, знаешь ли...

Жоржик. Да уж знаете ли. Это, действительно...

Муж. Ты?! Меня?! Ты? Раскусила?

Жена. Пожалуйста без патетических восклицаний... Да! Я тебя раскусила. Ха-ха... Подумаешь, какая загадочная натура... Почему же, в таком случае, ты не отпустил меня на лето в имение к Кандауровым?

Жоржик (*весело*). А-а, батенька. Так вот оно что? Значит, вы ее не отпустили к Кандауровым?

Жена. Да... представьте себе, Жоржик... Я уверена — он не отпустил меня потому, что туда съезжается на лето много молодежи, студентов. Как вам это нравится?

Жоржик (*вздернув плечами, хладнокровно*). Возмутительно.

Жена (*хватая его за руку*). Ну, скажите вы, человек беспристрастный! Если бы вы были женаты, как он — неужели, вы бы не отпустили меня на лето куда-нибудь?

Жоржик. Что вы! За кого вы меня считаете. Конечно бы, отпустил.

Муж (*стукнув сердито кулаком по столу*). Вот вы и поговорите с ней! Она уверена, что я не отпустил ее потому, что ревную к каким-то молокососам?! Как вам это понравится?

Жоржик (*сочувственно*). Кому же это может понравиться? Нравиться тут нечему.

Муж (*радостно*). Ага! Вот видишь... Это в твоей голове, может быть, студенты занимают какое-нибудь место, а я, матушка моя, человек серьезный!

Жена (*раздраженно*). Глупо! Не забывай, что ты говоришь при постороннем человеке.

Жоржик. Да, действительно... Такие вещи при постороннем, немножко не того.

Муж. Ну, Жоржик, знаете, если я вижу человека, который говорит идиотские абсурды, — я и при постороннем замечу ему это...

Жена (*сквозь слезы*). Спасибо за комплимент. Заслужила... Стоило выходить за такого человека замуж, отдавать ему жизнь...

Жоржик (*оживляясь*). А в самом деле? Зачем вы это сделали? Охота была...

Жена. Да уж спросите... Клялся меня на руках носить, под золотым колпаком держать...

Жоржик (*меланхолически*). Вот тебе... То клялся и то и другое сделать, а потом обманул... Ох, эти мужья...

Муж (*в отчаянии, хватая Жоржика за руки*). Выслушайте меня, Жоржик. Ради Бога... Вы должны меня понять. Она, эта вот женщина, говорит, что я клялся на руках ее носить... Да! Может быть, это и было... Но если человек мечтал носить на руках всю жизнь любимое существо, а у него потом на руках оказался мешок с отрубями, — как он должен поступить?

Жоржик. Ясное дело, — как! Раздумывать тут нечего. Раз, два — и готово.

Жена (*в слезах*). Если я мешок с отрубями, — то что же ты такое?! Что он такое, Жоржик?

Жоржик (*презрительно глядя на мужа*). Он? Он-то? Гм... да уж...

Жена. Да, он... Мужчина... Рыцарь! Способны были бы вы, Жоржик, даже не любя женщину — назвать ее мешком с отрубями?..

Жоржик. Что вы, что вы! За кого вы меня принимаете? Разве можно?

Муж (*яростно*). А способны были бы вы, Жоржик, — жить бок о бок с нелепой женщиной и выслушивать ежедневно ее благоглупости...

Жоржик (*подумав*). Трудновато... Это уж, знаете, нужно ангельское терпение...

Жена (*к мужу*). Ты вот как говоришь? Вот как? Почему же ты, в таком случае, не разведешься со мной?

Жоржик. А в самом деле, Владимир Васильич?.. Почему бы...

Муж. Ты спрашиваешь, почему я с тобой не разведусь? Ты меня спрашиваешь, почему? Как вам, Жоржик, понравится этот вопрос?

Жоржик (*критически*). Да уж... вопросец...

Жена (*бьет кулаком по столу*). А я тебе скажу, почему ты со мной не разведешься... Потому, что через полчаса по уходе Жоржика, будешь валяться у меня в ногах и просить прощения!..

Жоржик. Неужели, вы это сделаете? Ну, знаете ли, не думал я, что вы такой...

Жена. Конечно, сделает! Сделает!! Сделает! Будет уверять в своей любви, плакать, говорить, что жить без меня не может...

Жоржик. Однако... поступочки, — не думал я, что он способен на это.

Муж (*в бешенстве*). Што-сс? И вы серьезно думаете, Жоржик, что я это сделаю? Так я тебе скажу, кто ты такая: ты психопатка, больная манией величия!! Неужели, вы этого не замечаете, Жоржик!

Жена. Подлец! (*Закрыв лицо носовым платком, убегает из комнаты. Муж кидает ей вслед стакан. Пауза.)*

Жоржик (*сочувственно*). Да... Действительно, ваше положение тяжелое. Ну, я пойду домой. До свиданья.

Муж (*утирая лоб платком*). Всего хорошего, Жоржик. Вы простите, что так вышло... Заходите... Я так рад видеть вас. Простите... Я пойду голову немного смочу одеколоном (*уходит; Жоржик ходит по комнате, весело посвистывая*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выходит заплаканная жена.

Жена. Жоржик... Простите, что это при вас... Ах, мне так тяжело!

Жоржик. Господи! Разве я не понимаю? Зверь я какой или дерево? Все прекрасно понимаю. Скажу вам только одно слово: мужайтесь.

Жена. Ах, Жоржик! Вы, кажется, единственный мой друг.

Жоржик. Прямо вот так и говорю вам: мужайтесь себе и мужайтесь (*другим тоном*). А я пойду.

Жена. Жоржик!
Жоржик. Что прикажете?
Жена. Ну, Жоржик? Как вы назовете эту жизнь?
Жоржик. Да как же: ад. Форменный ад.
Жена. Можно ужиться с этим слабоумным ипохондриком?
Жоржик. Что вы! Кто ж тут уживется? Разве возможно? Не очень-то тут уживешься.
Жена. Могли бы вы так поступать со своей женой?
Жоржик. Я? (*Искренне огорчен.*) Я? Да за кого же вы меня считаете? Ну, я пойду. (*Благодушно.*) Посидел, попил чайку, да и баста! (*Берет шляпу.*) Еще скажите спасибо, что я пришел... Чтобы тут было, если бы я не пришел! Ведь он убил бы вас!.. (*расшаркивается, уходит, напевая...)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Муж, жена.

Муж (*выходит из соседней комнаты, сумрачный, молча прохаживается по комнате. Жена плачет. Муж, нервно*). Ну, довольно. Что это еще за слезы?!
Жена (*сквозь слезы*). Да... сам оскорбит, унизит, а потом ему же мои слезы не нравятся...
Муж. Я? Тебя оскорбил? Чем? Ну, что я тебе сказал?!
Жена. «Что»... Будто не помнишь. Назвал меня мешком с отрубями.
Муж. Разве я тебя так назвал?!
Жена (*улыбаясь сквозь слезы*). Да... забыл уже? Нечего сказать, короткая память.
Муж. Ну, это нечаянно... Как-нибудь оговорился.
Жена. А стаканом мне вслед бросил — это тоже оговорился.
Муж (*миролюбиво*). Да это уж, действительно было глупо... Я сам себя не помнил... А ты тоже: при постороннем — подлецом меня назвала.
Жена. Что ты говоришь?! Ну, извини... И сама не знаю, как это словцо подвернулось...
Муж. Значит... ты не думаешь, что я подлец?
Жена. А я — не мешок с отрубями?
Муж (*подсаживаясь к ней*). Ты? Ты просто маленькая дурочка.

Жена. Конечно. Потому что я люблю тебя.

Муж (*обвивая рукой ее талию*). А ты разве любишь меня...

Жена (*смеется*). Умный вопрос, действительно... (*Нежно целуются.*)

Муж. Ах, ты моя маленькая девочка. А где у тебя носик? (*В передней звонок, но оба его не слышат*).!

Жена. Вот... (*показывает на нос*).

Муж. Вот я его и поцелую (*целует*). А где у тебя глазки?

Жена. В... вот (*показывает на ухо*).

Муж (*к публике, восторженно*). Маленькая еще. Не знает. А где у тебя... (*Входит Жоржик*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Муж, жена, Жоржик.

Жоржик. Извиняюсь, что вернулся. Портсигар забыл. Где он тут... А! Вот. А-а-а... Помирились уже. Ну, вот и прекрасно.

Жена. Да... Володя сознался, что он был неправ.

Жоржик. Неужели, сознался? Как же это вы так?

Муж. Но Лена тоже созналась, что она погорячилась.

Жоржик. Да что вы, Елена Ивановна... Вот уж не думал.

Жена. Собственно, мне сознаваться было не в чем...

Муж. То есть, как же это не в чем? Вот это мне нравится!

Жена. Ну, да! Кто кого назвал мешком с отрубями, психопаткой?..

Жоржик. Неужели, он вас так назвал... Какой ужас!

Муж. Да позвольте, Жоржик! (*Взволнованно.*) Если она начинает утверждать...

Жена. Ах, пожалуйста, не кричи над ухом... (*Кричит.*) Значит, ты втайне продолжаешь думать, что я мешок с отрубями?!..

Жоржик. Думает. Это ясно...

Муж. Ну, вот поговорите вы с этой глупой курицей... Кудахчет, кудахчет, а что — и сама не знает!

Жена. Я — курица?! Я кудахчу?! Так ты знаешь кто? Жулик ты! Лгун ты и негодяй.

Муж. Молчать!! Прочь с глаз моих, или я за себя не ручаюсь!!

Ж е н а (*плача, убегает*). Лгун!! Негодяй! (*Муж бросает вслед ей блюдце, падает на диван, держась за голову.*)

Ж о р ж и к (*надевая шляпу, пожимает плечами*). Удивительная семья. Когда бы я ни пришел — всегда скандал и драка! Прямо поразительный народ! (*Уходит.*)

З а н а в е с

ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

Сцена в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Махалов Иван Николаевич, муж.
Махалова Степанида Петровна, жена.
Соседка, Анна Федосьевна.

Действие — дачное место. Купальня на берегу реки. Лето. Купальня. На ступеньках лестницы, ведущей к воде, сидит Степанида Петровна и горько плачет. Изредка притихает, встает с места, всматривается в воду и, снова опустившись на прежнее место, принимается плакать с прежней силой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Степанида Петровна, соседка.

Соседка (*показываясь из-за угла купальни*). Степанида Петровна! Голубушка!.. Что с вами такое? Что случилось?!

Степанида Петровна. Утонуло...

Соседка. Кто утонул?

Степанида Петровна. Оно утонуло... Обручальное кольцо.

Соседка. Да что вы говорите? Как же это так?

Степанида Петровна. Да, понимаете, оно у меня на пальце свободно... У меня пальцы тоненькие такие. Еще

Мишель Птицын говорит мне: Степанида, говорит, Петровна, что это у вас такие тоненькие пальцы... Это, говорит, ужасно изящно. А я ему: Мишель, говорю, оставьте, вы вечно с любезностями. Он, вообще, ужасный человек! На днях приходит и говорит: угадайте, что я для вас придумал? А я...

Соседка. Да кольцо-то вы как потеряли?

Степанида Петровна. Ах, кольцо!.. Потеряла его в воде... (*Снова принимается плакать.*) Влезла в воду, болтнула рукой, — вот так, — а оно возьми и соскочи... Вот сижу тут и плачу. Слушайте, правду говорят, что потерять обручальное кольцо — плохая примета?

Соседка. Милая! Ужасная примета! Это обязательно к несчастью! У вас никто не умер?

Степанида Петровна. Нет, никто.

Соседка. Значит, помрет.

Степанида Петровна. Да у нас никто и не болен.

Соседка. Заболеет. Это уж верно, как в аптеке. Обручальное кольцо потерять — к несчастью... (*Степанида Петровна плачет.*) Да вы успокойтесь, Степанида Петровна. Ему там лучше будет.

Степанида Петровна. Кому? Где?

Соседка. Покойничку. На небесах.

Степанида Петровна. Да у нас никто не умер.

Соседка. Значит, помрет. У Раскрасавиных тоже вот так-то под окном выла-выла собака — просто ужас!

Степанида Петровна. Ну и что же — умер кто-нибуль?

Соседка. Положим, не умер. А почему не умер? Потому что это не собака выла. Просто на соседнем дворе новый автомобильный гудок пробовали. Да вы бы пошарили, может, в воде кольцо. Вдруг да найдется.

Степанида Петровна. Да вот муж сейчас должен прийти. Его и заставлю.

Соседка. Заставьте, милая, обязательно, заставьте. А иначе — большое несчастье случится.

Степанида Петровна (*с раздражением*). И вот заметьте: когда нужно — этот идиот не идет. Обязательно он должен где-нибудь запропаститься. Анна Федосьевна! Вы ведь на дачу идете — поторопите его.

Соседка. Иду, иду, милая. Обязательно потороплю. Большая это неприятность — обручальное кольцо потерять!..

(Уходит. За сценой слышен ее крик.) «Иван Николаевич! Чего же это вы там делаете? Что? Идите! Тут у вас в купальне несчастье случилось, а вы не идете!».

Голос Ивана Николаевича. Иду! Иду!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Степанида Петровна, муж ее Иван Николаевич. Он в летнем костюме, в руках панама.

Иван Николаевич. Что тут такое приключилось? Чего ты плачешь?

Степанида Петровна. Хм!.. Хм!.. Утонуло...

Иван Николаевич (*испуганно*). Кто? Кто утонул?

Степанида Петровна. Обручальное кольцо потеряла. Оно утонуло.

Иван Николаевич. Тьфу! А я думал — что. Потеряла, ну и Бог с ним. Пойдем.

Степанида Петровна (*в ужасе*). Как это так — пойдем? Куда пойдем? Зачем пойдем?

Иван Николаевич. Домой пойдем. Чай пить.

Степанида Петровна. Видали вы? Это не человек, а верблюд какой-то аргентинский!.

Иван Николаевич. Чего ж ты ругаешься? Ведь не я же виноват в том, что ты потеряла кольцо!

Степанида Петровна. Ты.

Иван Николаевич. Почему?!

Степанида Петровна. Не нужно было покупать такого кольца, которое теряется. Ты и виноват.

Иван Николаевич. Ну, ладно, ну хорошо, ну я виноват. Только пойдем домой.

Степанида Петровна. Как домой?! Кольцо нужно найти.

Иван Николаевич. Я куплю другое. Плюнь на это.

Степанида Петровна. Он купит другое?! Да, неужели, ты не знаешь, что потерять обручальное кольцо — значит большое несчастье.

Иван Николаевич. Первый раз слышу.

Степанида Петровна. Он первый раз слышит?! Это известно всякому дураку!

Иван Николаевич. Ну, знаешь что... Я пойду домой...

Степанида Петровна. Он пойдет домой?! Неужели ты не догадываешься, что тебе нужно сделать?

Иван Николаевич. Догадываюсь.

Степанида Петровна. Ну-с?

Иван Николаевич. Влезть мне нужно на крышу нашего дома, спрыгнуть вниз и сломать ногу.

Степанида Петровна. Удивительно остроумно!

Иван Николаевич. Милая, да что же мне остается сделать? Ты говоришь, что потеря кольца должна принести несчастье. Ну, вот я и сломаю ногу. Оно и будет несчастье. Застрахую этим тебя от других несчастий.

Степанида Петровна. Ах, как это остроумно! Блестяще. Вот что, милый мой: сейчас же раздевайся и лезь в воду!..

Иван Николаевич. Что ты, голубушка... Да не хочу я.

Степанида Петровна. Он не хочет! Лезь сейчас же.

Иван Николаевич. Да ведь я только что окрошки поел... Ведь это вредно.

Степанида Петровна. Вредно? А если мы не найдем кольца — это полезно будет? Лезь! (*Наступает на него.*)

Иван Николаевич. Ну, посуди сама: как я буду искать: кольцо-то ведь маленькое, а вода — какая большая!

Степанида Петровна. Лезь!

Иван Николаевич. Ну, что ты раскричалась... Не могу же я в костюме так сразу и полезть...

Степанида Петровна. Лезь! Надень купальный костюм и лезь.

Иван Николаевич. Да сейчас уже холодно.

Степанида Петровна. Холодно? Было бы не дарить обручальное кольцо, которое теряется — тогда и не было бы холодно... Лезь! Потеря обручального кольца — это несчастье.

Иван Николаевич (*уходит в дверь купальни*). Да, я уж теперь сам вижу, что это большое несчастье. Огромное несчастье! И не стыдно тебе? Четыре класса гимназии окончила, а такая суеверная. Что может быть глупее примет?

Степанида Петровна. Извини, милый мой, тут гимназия ни при чем. Я женщина интеллигентная и читала

не только Толстого и Достоевского, а даже этого... как его? Великого философа... Как его фамилия?.. Ну, да черт с ним! И все-таки, милый мой, есть такие приметы — что ахнешь. Да вот недавно — Анна Федосьевна мне сейчас рассказывала — собака у Безобразовых вылавыла, до того, что автомобильный гудок испортился... Или нет, что я говорю! Автомобильный гудок выл. А собака... этого... испортилась. Ну, я, одним словом, хорошо не помню, но что-то у них выло, а что-то от этого испортилось. Ужас, что такое! Да вот тоже у Пикиных прибили в магазине к порогу это... как его? Ну вот, что еще лошадям на лапы прибивают... Такое вот... ну... еще когда лошадь бегает, так оно стучит... Ах ты, Господи! Копыто?.. Нет, не копыто. Копыто-то у коров, а это лошадиное. Ну, как его? Оно железное с дырочками... Ну, да черт с ним! Ну, так вот: прибили они эту штучку к порогу, да не той стороной! Так что же случилось? — ни одна собака к ним не заходила в магазин. Да еще приказчик тридцать рублей украл... Вот тебе и копыто. Я человек, конечно, интеллигентный, но если это факт — так чем же я виновата? Главное дело, что оно само соскочило. Не знаю уж, в чем дело: или кольцо разносилось, или пальцы у меня похудели... Еще недавно Мишель Птицын говорит мне: у вас, говорит, пальчики тоненькие, как макарончики. Это, говорит, очень аристократично. А я ему говорю: знаем мы эти макарончики! Ах, он вообще ужасный человек! На днях приходит и говорит: вот, говорит, догадайтесь...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Степанида Петровна, Иван Николаевич.

Иван Николаевич (*появляется из дверей купальни в купальном костюме*). Слушай, матушка... А. может быть, мы плюнем на кольцо, а?

Степанида Петровна. Он плюнет на кольцо?! Лезь!

Иван Николаевич (*сходит со ступенек*). Ой!

Степанида Петровна. Что ты?

Иван Николаевич. Вода холодная.

Степанида Петровна. Не сахарный, не растаешь.
Иван Николаевич. Да ты тут где его уронила?
Степанида Петровна. В воде.
Иван Николаевич. Я знаю, что не в лесу. Воды тут много. Ты где стояла?
Степанида Петровна. Я не стояла.
Иван Николаевич. О, Боже! Да что же ты делала?
Степанида Петровна. Плавала.
Иван Николаевич. Да кольцо-то где уронила?
Степанида Петровна. С чего ты взял, что я его уронила? Оно само соскочило.
Иван Николаевич. Ну, ладно! Здесь, что ли?
Степанида Петровна. Да, здесь. Только кольцо гораздо левее. Течением его, наверное, снесло.
Иван Николаевич. Здравствуйте! Разве течение оттуда? Оно отсюда.
Степанида Петровна. Так-с! А почему, когда мы были на том берегу, так лодку нашу сносило влево?
Иван Николаевич. Боже, какой это кошмар!.. Пойми ты, что это один берег, а то другой. Что там налево, то здесь направо... Матушка, ведь это закон природы...
Степанида Петровна. Что ты мне в нос свои законы природы тычешь?! Важное кушанье твои законы природы. Ныряй! Вот тут... Левее, левее! (*Пауза.*) Ну что, есть?
Иван Николаевич (*отплевываясь*). Н... нету. Ничего нет.
Степанида Петровна. Ну да, еще бы! Тебя пошли за чем-нибудь. Простого золотого кольца найти не можешь. Ныряй! Ты там на дне посмотри.
Иван Николаевич. Чего я там увижу, когда я близорукий, как черт...
Степанида Петровна. А я чем виновата, что ты близорукий. Не надо было жениться, если близорукий. Ныряй! Ты там по дну поползай, песочек разрой. Оно где-нибудь под песочком.
Иван Николаевич. Матушка! Да что я, в самом деле, каракатица — чтобы по дну ползать?.. Легко тебе говорить: «поползай». Не могу же я без дыхания в воде сидеть?..

Степанида Петровна. А кто же тебе мешает дышать? Ты дыши — мне какое дело?.. Ныряй! Ну? (*Слышен плеск воды, фырканье.*)

Иван Николаевич. Ни черта тут не видно в этой воде.

Степанида Петровна. Возьми бинокль. Постой, я сейчас! (*Выносит из купальни бинокль.*) На, лови! (*Бросает бинокль.*)

Иван Николаевич. Я вылезу, погреюсь немножко... Можно?

Степанида Петровна. Еще чего выдумал! Ну, последний раз нырни и, пожалуйста, не выскакивай сразу с выпученными глазами. А то у тебя лицо такое, что родимчик сделается!.. Поползай подольше (*плеск воды. Степанида Петровна усаживается на ступеньках*). Беда с этими кольцами... Вообще, положение замужней женщины...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Подходит соседка Анна Федосьевна

Соседка. Ну, что, голубушка, — нашли?

Степанида Петровна. Да нет. Ищем все. Вот ей-Богу, напасть. Недаром я нынче сон видела.

Соседка. Сон видели? (*Усаживается рядом.*) Так, так. И какой же именно?

Степанида Петровна. Будто иду я по лесу, а на самом деле это не лес, а такая комната в три окна. И на всех окнах — фикусы, фикусы. Бог его знает, сколько этих самых фикусов было. И будто не фикусы это, а кошки — все серые, а глаза — прямо бенгальский огонь. И будто тут муж, но это не муж, а Мишель Птицын. Подходит ко мне и говорит: «Позвольте мне, Степанида Петровна, на весла сесть». Ах, говорю я, садитесь, только гребите прямо к берегу. И вдруг крик: «пожар, горим!»... Просыпаюсь я, а это разносчик за окном насчет рыбы кричит.

Соседка. Скажите, какой странный сон!.. Мне тоже давеча снилось, что стоит против меня верблюд и так, знаете, задумчиво смотрит на меня.

Степанида Петровна. Ну и что же?

Соседка. Да ничего: стоит себе, на меня смотрит, я на него — и чего и что мы так друг на друга смотрим — совершенно не известно. Стоим и смотрим друг на друга. Очень замечательный сон. Я потом в соннике смотрела. Сказано: верблюда видеть — к производству в следующий чин.

Степанида Петровна. Какой же у вас чин? Ведь у вас никакого нет.

Соседка. Что ж что нет. Оно теперь и с чинами иной наплачется. У нас был знакомый статский генерал Попов. Так его, представьте, за какие-то дела так законопатили...

Степанида Петровна. Что вы говорите? Какой это Попов? У него нет родственников в Харькове?

Соседка. Может быть, не знаю. Этот человек Попов, то есть этот самый — на все способен. А муженек ваш где?

Степанида Петровна. А он нырнул. Что-то до сих пор не показывается. Должно, ищет. Славный ситчик, где набирали?

Соседка. Это, по-вашему, ситчик? Странно даже от вас такое и слышать, чтобы сарпинку за ситчик принимать... Настоящая это сарпинка. Последний я кусок взяла.

Степанида Петровна. Ну, уж и последний. А я вчера такой рисунок на мадам Оглоедовой видела.

Соседка. Лопнет ваша мадам Оглоедова такие сарпинки носить! Не может у нее такого рисунка быть. Капиталы не позволят.

Степанида Петровна. Но зонтик у нее все-таки новый — альпаговый — я это хорошо рассмотрела.

Соседка. А! Знаем мы эти альпаговые зонтики... (*Пауза.*) Да муж ваш, что же: ушел куда что ли?

Степанида Петровна. Да нет же — нырнул, говорю вам. Действительно, чего это он там расхаживает... Его только пошли. То ему воздуху мало, а то на полчаса пропал. Сынок ваш как, учится?

Соседка. Учится! Мучится он, а не учится. Переэкзаменовку дали, а он вместо, чтоб готовиться, тетке в постель ночью сырых яиц наклал... Та бухнулась сослепу, да прямо в яичницу.

С т е п а н и д а П е т р о в н а. Какой странный мальчик. Что же вы?

С о с е д к а. Как сидорову козу! Веником била — сломала, камышовой выбивалкой — сломала, скамеечкой для ног — сломала. Два часа била. Трудно быть матерью.

С т е п а н и д а П е т р о в н а. И не говорите... (*Пауза.*)

С о с е д к а. Постойте. Иван Николаевич давно нырнул?

С т е п а н и д а П е т р о в н а. Да минут десять... А что?

С о с е д к а. И не высовывал головы с тех пор?

С т е п а н и д а П е т р о в н а. Нет. А разве что?

С о с е д к а. Ну, так поздравляю вас!! Человек ко дну пошел, а мы тут сидим, разговариваем!

С т е п а н и д а П е т р о в н а. Как ко дну пошел? Почему?

С о с е д к а. Утонул, очень просто (*Обе вскакивают.*)

С т е п а н и д а П е т р о в н а. Чего ж вы молчите, Господи! Да не может быть, чтобы он утонул... С чего, с какой стати?

С о с е д к а. Милая — вот! Вот вам и примета! Обручальное кольцо потерять — к несчастью. Вот вам и несчастье — рекомендую!

С т е п а н и д а П е т р о в н а. Да нет, этого не может быть! Ваня!.. Ванечка, где ты там? Ой, да что же это такое... Побежим, кого-нибудь позовем... О, Господи... (*Убегает.*)

С о с е д к а (*к публике*). Вот вам и примета — видали! (*Убегает. Пауза.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

По лестнице поднимается И в а н Н и к о л а е в и ч.

И в а н Н и к о л а е в и ч. Действительно, дурака нашли — нырять, как утка. Под мостиком сидел себе удобно, да еще на том берегу дачницы купаются — в бинокль очень хорошо видно (*прикладывает к глазам бинокль, смотрит.*) Хи-хи... хорошенькие, ей-Богу...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вбегает С т е п а н и д а П е т р о в н а и А н н а Ф е д о с ь е в н а.

С о с е д к а (*не видя Ивана Николаевича*). Багром его надо бы! Багром!

Иван Николаевич. Это кого же багром, Анна Федосьевна? И за что багром?

Степанида Петровна (*вскрикивает*). Ай! Он здесь! Жив! (*бросаются в объятия... Замирают так несколько секунд. Потом она отрывается от него.*) Жив! Да... жив. Это очень хорошо... А кольцо? (*Повышая тон.*) А кольцо где? (*Грозно.*) Кольцо-то... нашел?

Иван Николаевич. Ей-Богу, там его нет... И холодно.

Степанида Петровна. Что? Лезь? (*Наступает на него.*) Лезь! Ну? Холодно ему, скажите пожалуйста! Лезь!

Иван Николаевич (*неожиданно приходя в ярость*). Не желаю!!! К черту кольцо! К дьяволу на хвост нацепи кольцо! (*Хватает полотенце, размахивает им.*) Не подходи — убью! На каторгу пойду, а кольцо искать не буду!

Степанида Петровна падает в истерике на плечо соседке.

Соседка (*к публике*). Вот тебе и примета. Без покойника, правда, обошлись, так зато поссорились хуже чего не надо!..

Занавес

СЕРДЦЕ МОЛОДОЙ ДЕВУШКИ

Пьеса в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пикина Евдокия Сергеевна, пожилая дама лет 50-ти.
Лидочка, ее дочь.
Мастаков, человек, которого любит Лидочка.
Перезвонов Макс, общий знакомый.

Действие происходит в небольшой гостиной Пикиных. Вечер.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса на сцене Лидочка и Мастаков. Они сидят на диване. Она склонила голову к нему на плечо.
Молчание.

Лидочка. Ах, если бы ты знал — как я тебя люблю!.. Да нет, ты даже представить не можешь, как я тебя люблю! Кажется, все свое будущее счастье, всю жизнь свою и всех окружающих — отдала бы я за то, чтобы тебе было хорошо!..

Мастаков. Да... А ты знаешь — все хотят разлучить нас!

Лидочка. Ни за что! (*горячо*). Нет такой силы, которая разлучила бы нас! Если мать проклянет меня — мне все равно. Я пойду с тобой! Если меня запрут в тюрьму, я перехитрю всех, сломаю решетку — и убегу к тебе.

Мастаков (*растроганно*). Неужели, ты меня, действительно, так любишь?.. Я ведь знаю, — тебя стараются разочаровать во мне, говорят обо мне только гадости...

Лидочка. Пусть! Пусть весь мир говорит что угодно — я глуха и слепа! Я вижу и слышу только тебя, мой любимый! Мама говорит, что ты играешь в карты — пусть! Мне все равно! Говорит, что за тобой бегают женщины — смешная она: как же за тобой не бегать? Ты самый лучший, самый красивый, самый единственный!!

Мастаков. И ты... Меня не бросишь? Не разлюбишь?

Лидочка. Глупый, глупый (*Гладит его голову, целует в глаза.*) Чудовище ты мое замечательное.

Мастаков (*вставая*). А теперь твое замечательное чудовище должно идти... Одна деловая встреча... Впрочем, я скоро вернусь...

Лидочка. Жду! Я буду о тебе все время думать, думать, думать, думать... (*Целует его, провожает. Он уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Евдокия Сергеевна. Останавливается против дочери. Долго и сердито глядят друг на друга. Пауза.

Евдокия Сергеевна. Ушел?

Лидочка. Да-с! Ушел.

Евдокия Сергеевна. Так, так. Наворковались?

Лидочка. Я вам запрещаю говорить о нем таким тоном.

Евдокия Сергеевна. Та-аким? А каким же прикажете разговаривать?

Лидочка. Мне ваша ирония противна! И потом — она не достигает цели.

Евдокия Сергеевна. Ну, да еще бы! Где ж там — достигнуть цели. Красавца писаного нашла... Райская птица с хвостом.

Лидочка. Еще раз говорю, я запрещаю вам этот тон!!

Евдокия Сергеевна. Может быть, ноты напишешь? Это матери так говорят: «я запрещаю тебе!» Дожила! (*Садится в кресло, начинает плакать.*)

Лидочка (*с отчаянием*). Началось! (*Бурно ходит по комнате, потом круто поворачивается, уходит с сердцем.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стук в дверь. Макс Перезвонов показывается из-за двери. Вид у него лукавый и жизнерадостный. От него пышет здоровьем.

Макс. Можно?

Евдокия Сергеевна. А! Это вы Максим Петрович... Милости просим.

Макс (*развязно*). Ручку-с. Что я вижу! Плакали? От меня ничего не скроется! Я — психолог. Не нужно плакать! От этого нет ни выгоды, ни удовольствия.

Евдокия Сергеевна. Вам бы все только выгода, да удовольствие.

Макс. Обязательно! Вся жизнь соткана из этого. Конечно, я не какой-нибудь там небесный человек... а земной! Но в окружающей жизни разбираюсь — во как! Хе-хе...

Евдокия Сергеевна. Да? Разбираетесь? А я вот вдвое старше вас — и все не могу разобраться (*утирает глаза платком... Пауза. Решительно.*) Скажите: Мастаков, пара для моей Лиды или не пара?

Макс. Мастаков-то? Конечно, не пара.

Евдокия Сергеевна. Ну, вот: то же самое и я ей говорю. А она и слышать не хочет. Влюблена до невероятности. Я уж, знаете, грешный человек, пробовала и наговаривать на него и отрицательные стороны его выставлять — и ухом не ведет.

Макс (*прохаживаясь по комнате*). Ну, знаете... Это смотря какие стороны выставить... (*Останавливается.*) Вы что ей говорили?

Евдокия Сергеевна. Да уж будьте покойны — нехорошее говорила: что он и картежник, и мот, и женщины за ним бегают, и сам он-де к женскому полу неравнодушен... Так расписала, что другая бы и смотреть не стала.

Макс (*всплескивая руками*). Мамаша! Простите, что называю вас мамашей, но... в уме ли вы? Ведь это нужно в затмении находиться, чтобы такое сказать! Да знаете ли

вы, что этими вашими наговорами, этими его пороками вы втрое крепче привязали ее сердце! Мамаша! Простите, что я вас так называю, но вы поступили по-сапожнически.

Евдокия Сергеевна. Да я думала ведь, как лучше.

Макс. Мамаша! Хуже вы это сделали! Хуже! Все дело испортили. Разве так наговаривают? Подумаешь — мот, картежник... Да ведь это красиво! В этом есть какое-то обаяние. И Герман в «Пиковой даме» — картежник, а смотрите, в каком он ореоле ходит... А отношение женщин... Да ведь она теперь, Лида ваша, гордится им, Мастаковым, этим паршивым: «Вот, дескать, какой покоритель сердец! Ни одна перед ним не устоит, а он мой!» Эх, вы! Нет, наговаривать, порочить, унижать нужно с толком... Вот я — наговорю, так наговорю! И глядеть на него не захочет...

Евдокия Сергеевна (*оживляясь*). Макс... Милый... Поговорите с ней.

Макс. И поговорю. Друг я вашей семье или не друг? Друг. Ну, значит, моя обязанность позаботиться. Поговорим, поговорим. Она сейчас где?

Евдокия Сергеевна. У себя. Я ее сейчас пришлю к вам.

Макс. Посылайте, посылайте! Эх, мамаша! Вы простите, что я называю вас мамашей, но мы камня на камне от Мастакова не оставим. Хе-хе! Идите и скажите, что Макс хочет засвидетельствовать ей свое почтение!

Евдокия Сергеевна уходит. Макс прохаживается по комнате, весело посвистывая.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Лидочка. Она еще сердита, брови нахмурены.

Макс. А-а! Здравствуйте, Лидия Васильевна! Дома сидите? Дело хорошее. А я зашел к вам поболтать. Как поживаете?

Лидочка. Спасибо. Плохо.

Макс. Что же это вы так, а? Гуляли сегодня?

Лидочка. Нет.

Макс. Напрасно. Погоды нынче хороши. (*Пауза.*) Давно видели моего друга Мастакова?

Лидочка (*недоверчиво*). Вы разве друзья?

Макс. Мы-то? Господи, водой не разольешь. Я люблю его больше всего на свете.

Лидочка. Серьезно?

Макс. А как же. Замечательный человек. Кристальная личность.

Лидочка (*с чувством*). Спасибо, милый Макс. А то ведь его все ругают... И мама и... все. Мне это так тяжело.

Макс (*развязно*). Лидочка! Дитя мое... Вы простите, что я вас так называю, но... никому и ничему не верьте! Про Мастакова говорят много нехорошего, — все ложь! Преотчаянная, зловонная ложь! Я знаю Мастакова, как никто! Редкая личность! Душа изумительной чистоты!

Лидочка (*растроганно*). Спасибо вам... Я никогда... не забуду.

Макс. Ну, чего там! Стоит ли (*Пауза.*) Больше всего меня возмущает, когда говорят: Мастаков — мот! Мастаков — швыряет деньги, куда попало! Это Мастаков-то мот? Да он прежде, чем извозчика нанять, полчаса с ним торгуется! Душу из него вымотает. От извозчика пар идет, от лошади пар идет и от пролетки пар идет. А они говорят — мот! Раза три отойдет от извозчика, опять вернется, и все это из-за гривенника. Ха-ха! Хотел бы я быть таким мотом!

Лидочка (*после тяжелой паузы глядит на него широко открытыми глазами*). Да разве он такой? А со мной когда едет — никогда не торгуется.

Макс (*весело и добродушно*). Ну, что вы! Кто же осмелится при даме торговаться?! Зато потом, после катанья с вами, придет, бывало, ко мне — и уж он плачет и уж он стонет, что извозчику целый лишний полтинник передал. Жалко смотреть, как убивается. Я его ведь люблю больше брата. Замечательный человек. Прямо замечательный!

Лидочка. А я и не думала, что он такой... экономный...

Макс. Он-то? Вы еще не знаете эту кристальную душу! Твоего говорит, мне не нужно, но уж ничего и своего, говорит, не упущу. Ему горничная каждый вечер счет расходов подает, так он копеечки не упустит. «Как, говорит, спички ты поставила 25 копеек пачка, а на прошлой неделе они 23 стоили? Куда две копей-

ки дела, признавайся!» Право, иногда, глядя на него, просто зависть берет.

Лидочка (*кусая губы*). Однако он мне несколько раз подносил цветы... Вон и сейчас стоит букет — белые розы и мимоза — чудесное сочетание.

Макс (*спокойно*). Знаю! Говорил он мне. Розы четыре двадцать, мимоза два сорок. В разных магазинах покупал.

Лидочка. Почему же в разных?

Макс. В другом магазине мимоза на четвертак дешевле. Да еще выторговывал пятнадцать копеек. (*Восторженно.*) О, это настоящий американец! Воротнички у него, например, гуттаперчевые. Каждый вечер резинкой чистит. Стану я, говорит, прачек обогащать. И верно — с какой стати? Иногда я гляжу на него и думаю: «вот, это будет муж, вот это отец семейства!» (*Мечтательно.*) Да-а... счастлива будет та девушка, которая...

Лидочка. Постойте... Но ведь он получает большое жалованье! Зачем же ему...

Макс. Что? Быть таким экономным? А вы думаете, пока он вас не полюбил, ему женщины мало стоили?

Лидочка. Ка-ак? Неужели он платил женщинам? Какая гадость!

Макс (*горячо и искренно*). Ничего не гадость. Человек он молодой, сердце не камень, а женщины, вообще, Лидочка — простите, что я называю вас Лидочкой, — страшные дуры.

Лидочка. Ну, уж и дуры.

Макс (*все больше разгорячаясь*). Дуры! Спрашивается: чем им Мастаков не мужчина? — Так нет? Всякая нос воротит. Он, говорит она, неопрятный. У него всегда руки грязные. Так что ж, что грязные? Велика важность! Зато душа какая, Господи... Зато человек кристальный! Эта вот, например — изволите знать? Марья Кондратьевна Ноздрюхина — изволите знать?

Лидочка. Нет, не знаю.

Макс. Я тоже, положим, не знаю. Но это неважно. Так вот она вдруг заявляет: «Никогда я больше не поцелую вашего Мастакова — противно». «Это почему же-с, скажите на милость, противно? Кристальная чудесная

душа, а вы говорите — противно?»... Да я, говорит, сижу вчера около него, а у него по воротнику насекомое ползет»... Сударыня! Да ведь это случай! Может, как-нибудь нечаянно с кровати заползло — и слышать не хочет глупая баба! У него, говорит, и шея грязная! Тоже, подумаешь, несчастье, катастрофа! Вот, кричу я этой бабе, уговорю его сходить в баню, помыться — и все будет в порядке! «Нет, говорит! И за сто рублей его не поцелую». За сто не поцелуешь, а за двести, небось, поцелуешь. Все они хороши, эти женщины ваши.

Лидочка (*растерянно*). Макс... Все-таки, это неприятно, то, что вы говорите...

Макс. Почему? По-че-му?!! А по-моему, у Мастакова (*восторженно*) ярко выраженная индивидуальность... Протест какой-то красивый. Не хочу чистить ногти, не хочу быть как все. Анархист. В этом есть какой-то благородный протест.

Лидочка. А я не замечала, что у него ногти грязные...

Макс (*спокойно*). Обкусывает. Все великие люди обкусывали ногти. Наполеон там, Спиноза что ли. Я в календаре читал. (*Пауза. С прежней горячностью.*) Нет, Мастакова я люблю и глотку за него всякому готов перервать. Что, в самом деле! Вы знаете, такого мужества, такого терпеливого перенесения страданий я не встречал. Настоящий Муций Сцевола, который руку на сковородке изжарил. Помните?

Лидочка (*оживляясь*). Страдание? Разве Мастаков страдает?

Макс. Да. Мозоли. Я ему несколько раз говорил: почему не срежешь? «Бог с ними, говорит. Не хочу возиться». Чудесная детская хрустальная душа...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входит Евдокия Сергеевна.

Макс (*весело*). А-а, мамаша! Вы простите, что я вас так называю, но... У вас вообще так хорошо, уютно. Я люблю у вас бывать. И народ все встречается тут хороший... Мастаков, например... На редкость кристальная личность! Люблю я его до боли в груди. Трезвый, скромный, не транжирит зря... А! Вот, кажется, и он!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Влетает оживленный, сияющий Мастаков. В руках у него коробка конфет.

Мастаков. Лидия Васильевна! Позвольте вам поднести... К сожалению, все хорошие кондитерские заперты и пришлось взять в каком-то подозрительном магазинчике.

Лидочка (*брезгливо вертит в руках коробку*). Да?.. Заперты? Подозрительный магазинчик... А я думаю, в этом подозрительном магазинчике конфеты очень дешевы, а? Нет, знаете, кушайте их сами!.. (*сует ему в руку коробку. Мастаков бросает коробку на стол. Макс берет ее, открывает, ест конфеты.*)

Мастаков (*изумленный и растерянный до последней степени*). Лидочка... Но я, право, не понимаю... Уверяю вас... я... вы...

Лидочка. «Я, вы», «я, вы». Что такое — я, вы? Не понимаю, к чему, вообще, все это? Все эти конфеты и вообще — я вам вовсе не Лидочка!

Мастаков. Ли... Лидия Васильевна! Может быть, вам что-нибудь сказали... оклеветали меня. Может быть, сказали, что я вам изменил?

Лидочка (*сурово*). О-о, если бы только это! Конечно — это было бы ужасно больно, я страдала бы невероятно, но... (*с криком боли*), но поймите же, что это все-таки было бы красиво!! Это, конечно, подло, но тут не было бы ничего такого... Ах, мне так тяжело!

Мастаков. Скажите же: что случилось?

Лидочка. Ничего! Буквально ничего не случилось — в этом весь ужас... Разве я могу послать вам какой-нибудь упрек. В чем? Господи! Да у меня язык не повернется.

Мастаков (*проводя рукой по лбу*). Все это... для меня так неожиданно!.. (*С горечью.*) А я-то еще — так торопился к вам, так гнал извозчика!

Лидочка (*язвительно*). Скажите — то, что вы подгоняли извозчика, вам намного дороже стоило? Вы, кажется, хотите упрекнуть меня в том, что я ввела вас в лишний расход? Боже, Боже! Как я раньше всего этого не замечала! «Он гнал извозчика!» Он истратился! Надо было с ним торговаться — он бы уступил.

Макс. Лидия Васильевна! Вы, ей-Богу, несправедливы. Ну что случилось действительно? Ведь вы сами же говорите, что ничего не случилось? Я ведь вам уже доказывал, что господин Мастаков — кристаллическая светлая душа, и такое отношение к нему изумляет меня. Неужели я напрасно так распинался за него?!

Мастаков. Ли... Лидия Васильевна!.. Ну давайте объяснимся... (*Нежно.*) Ну, детка... Когда вы сядете около меня и положите свою головку на мое плечо...

Лидочка. Мою голову?! (*Брезгливо.*) На ваше плечо?! Этого недоставало!

Мастаков. Ли... Лидия Васильевна! (*Пытается взять ее за руку. Она вырывает руку, вытирает ее платком.*)

Лидочка. Что это за обращение, я не понимаю... и вообще... вообще... (*В голосе ее слезы*) оставьте меня все в покое — слышите?! Я так страдаю! (*Падает на диван, зарывается головой в подушку.*)

Мастаков (*с мучительной гримасой*). Лидочка... А вы думаете, я не страдаю?

Лидочка. Я знаю! Вы страдаете! И знаю — отчего... Ха-ха! Муций Сцевола!

Макс. Лидочка! Вы простите, что я вас так называю... но... вы не правы! Вы отвергаете чистую, светлую душу, и моя первая обязанность сказать вам — опомнитесь! (*Ест конфеты.*) Вы еще можете соединить ваши жизни — и лучшего мужа не будет для вас! Это такой хозяин! Он так понимает толк в продуктах, во всей этой прозе... Морковь там, петрушка... Кухарка гривенника не уворует.

Лидочка (*лежа, колотит ногами по дивану*). Отстаньте, все отстаньте! Ничего мне не нужно! Все уходите!

Мастаков (*оскорбленно*). Даже... я?

Лидочка (*вскакивает, стоит скрестив руки*). «Даже я?!!» А что такое вы? И что это за тон? Что вы — мой хозяин, собственник? Слава Богу, еще нет. И вообще... вообще... вообще... Прощайте! (*Закрыв лицо платком, убегает.*)

Мастаков стоит уничтоженный, вертя в руках шляпу.

Макс (*весело*). А, здравствуйте, Мастаков! Мы не успели поздороваться. Ну, как поживаете? Хотите? (*предлагает ему конфеты.*)

Мастаков. Послушайте, Перезвонов... в чем дело?

Макс. И сам не понимаю... Уж я за вас тут горой стоял, и распинался, и хвалил вас... и то и се — можете представить: и слушать не хочет! Ни за что!

Мастаков. В таком случае... я... избавлю Лидию Васильевну от своего присутствия (*круто повернувшись, уходит с обиженно поднятой головой*).

Макс и Евдокия Сергеевна — одни. Евдокия Сергеевна глядит на Макса, молитвенно скрестив руки. Большая пауза.

Макс (*подмигнув*). Ну? Мамаша — извините, что я вас так... называю. (*Берет ее под руку, ведет на авансцену.*) Каково, а? Видал-миндаль?!

Евдокия Сергеевна. Макс! Отныне вся моя жизнь принадлежит вам...

Макс. Мамаша? Зачем так много? Дайте пятьдесят рублей до послезавтра — мне и довольно!

Занавес

ГАЛОЧКА

Инсценированный рассказ
в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павлович Галочка, 12 лет.
Николай, ее брат, студент.
Ирина Владимировна, 23 лет.

Действие у Ирины Владимировны.
Вечер. Угол комнаты. Уютный диван, около него большая лампа с желтым абажуром. Все остальное тонет в сумерках. На диване лежит Ирина Владимировна, пробует читать книгу — но бросает ее, вскакивает, хватается за телефонную трубку, нервно шагает по комнате, снова бросается на диван. В передней звонок. Ирина Владимировна вскакивает, приложив руку к сердцу, прислушивается, потом снова опускается на диван. Входит Галочка. Она в гимназическом платьице, с косичкой, оканчивающейся бантом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Галочка. У! Какая тьма-а... Есть тут кто-нибудь живой человек? Где вы тут?

Ирина. Это кто? (*всматривается*). А-а... Сестра своего брата. Мы с вами немного ведь знакомы. Здравствуйте, Галочка... (*Зажигает верхний свет.*)

Галочка. Здравствуйте, Ирина Владимировна. Вот вам письмо от брата. От Кольки. Хотите, читайте его при мне, хотите, я уйду. А?

Ирина. Нет, зачем же... посидите со мной, Галочка... Такая тоска! Я сейчас... (*придвинувшись к лампе, распечатывает письмо; читает, рука с письмом падает на колени, голова бессильно откидывается назад. В глазах тоска, страдание. Говорит будто сама с собой.*) Итак все кончено? Итак — уходит?.. (*Большая пауза. Галочка тоже молчит, усевшись в глубокое кресло.*)

Галочка. Удивительная эта штука — жизнь.

Ирина (*вздрогнув*). Что-о-о?

Галочка. Я говорю: удивительная вещь — наша жизнь. Иногда бывает смешно, иногда грустно.

Ирина. Галочка! Почему вы это говорите?

Галочка. Да вот, смотрю на вас и говорю. Плохо ведь вам, небось, сейчас.

Ирина (*смущенно*). С чего вы взяли?

Галочка. Да письмо-то это, большая радость, что ли?

Ирина. А вы разве... знаете... содержание письма?

Галочка. Не знала бы, не говорила бы.

Ирина. Разве Николай показывал вам?..

Галочка. Колька дурак. У него не хватает даже соображения поговорить со мной, посоветоваться. Ничего он мне не показывал. Я хотела было из самолюбия отказаться снести письмо, да потом мне стало жалко Кольку. Смешной он и глупый.

Ирина. Галочка... какая вы странная. Вам двенадцать лет, кажется, а вы говорите, как взрослая.

Галочка. Мне вообще много приходится думать. За всех думаешь, заботишься, чтобы всем было хорошо. Вы думаете, это легко! (*Тяжело вздыхает.*) И вы тоже, миленькая, хороши! Нечистый дернул вас потепаться с этим ослом Климухиным в театр... Очень он вам нужен, да? Ведь я знаю, вы его не любите, вы Кольку моего любите — так зачем же это? Вот все оно так скверно и получилось.

Ирина. Значит, Николай из-за... этого... Боже, какие пустяки! Что же здесь такого, если я пошла в театр с человеком, который мне нужен, как прошлогодний снег.

Галочка. Смешная вы, право. Уже большой человек вы, а ничего не смыслите в этих вещах. Когда вы говорите это мне, я все понимаю, потому что умная и, кроме того — девочка. А Колька большой ревнивый мужчина. Узнал вот и полез на стену. Надо бы, кажется, понять эту простую штуку.

Ирина. Однако он мне не пишет причины его разрыва со мной.

Галочка. Не пишет, ясно почему: из самолюбия. Мы, Павловичи, все безумно самолюбивы. (*Пауза.*) И смешно мне глядеть на вас обоих, и досадно. Из-за какого рожна, спрашивается, люди себе кровь портят? Насквозь вас вижу: любите друг друга так, что аж чертям тошно. А мучаете один другого. Вот уж никому этого не нужно. Знаете? Выходите за Кольку замуж. А то прямо смотреть на вас тошнехонько.

Ирина. Галочка! Но ведь он пишет сейчас, что не любит меня!..

Галочка. А вы и верите? Эх, вы. Вы обратите внимание: раньше у него были какие-то там любовницы...

Ирина. Галочка!

Галочка. Чего там — Галочка. Я, слава Богу, уже 12 лет Галочка. Вот я и говорю: раньше у него было по три любовницы сразу, а теперь вы одна. И он все время глядит на вас, как кот на сало.

Ирина. Галочка!!!

Галочка (*хладнокровно*). Ладно там. Не подумайте, пожалуйста, что я какая-нибудь испорченная девчонка, а просто я все понимаю. Толковый ребенок, что и говорить. Только вы Кольку больше не дразните.

Ирина. Чем же я его дразню?

Галочка. А зачем вы в письме написали о том художнике, который вас домой с вечера провожал? Кто вас за язык тянул? Зачем? Только чтобы моего Кольку подразнить. Стыдно! А еще большая!

Ирина. Галочка! Откуда вы об этом письме знаете?

Галочка (*спокойно*). Прочитала.

Ирина. Неужели, Коля...

Галочка. Да, как же! Держите карман шире... Таковский он, чтобы сам показал! Просто открыла незапертый ящик и прочитала...

Ирина. Галочка!!!

Галочка. Да ведь я не из простого любопытства. Просто хочу вас и его устроить, с рук сплавить просто. И прочитала, чтобы быть... как это говорится, в курсе дела...

Ирина. Вы, может быть, и это письмо прочитали?

Галочка. А как же? Что я вам простой почтальон, что ли, чтобы втемную письма носить!.. Прочитала. Да вы не беспокойтесь. Я для вашей же пользы это... Ведь никому не разболтаю.

Ирина (*полусердито, полусмеясь*). А вы знаете, что чужие письма читать неблагородно?

Галочка. Начихать мне на это... Что с меня можно взять? Я маленькая. А вы большой глупыш. Обождите, я вас сейчас поцелую. Вот так. А теперь — припудрите немного нос, пригладьте волосы и вообще подтянитесь... Колька через пять минут будет у вас...

Ирина. Галочка! Что вы говорите? С какой радости он ко мне придет?.. Да еще после такого письма...

Галочка. Очень просто — я вызову его по телефону: как козел прискачет.

Ирина. Нет, Галочка, и думать об этом не смейте!

Галочка. Вот поговорите еще у меня! Уж раз вы наделали глупостей, так молчите! А Колька сейчас лежит у себя на диване носом вниз и киснет, как собака. Вообразите, лежит и киснет! Вдруг — звонок. Представляется ему возможность прибежать к вам, хотя по самому глупейшему поводу — я уж придумаю, — так ведь он как пуля влетит сюда... Вот смотрите — сидите себе на месте и, пожалуйста, не пищите — все будет устроено! (*Подходит к телефону.*) Центральная? Здравствуйте, барышня. Как здоровье? Что? Ну, подумаешь — тоже — заняты. Дайте мне какой-нибудь номерочек посмешнее... Например 622–19. Есть? Спасибо, благодетельница. Алло! (*говорит густым басом.*) Это квартира Павловичей? Ага! Позовите Николая Федоровича... (*пауза.*) Это вы, Николай Федорович? Послушайте, приходите скорее в дом № 18, по этой же улице... Знаете, что? Да, случилось большое несчастье. Вы прислали вашу сестру с письмом и она, представьте, от волнения... родила... что? Кого родила? (*прежним своим тоном.*) Такого же дурака, как ты.

Колька, не ломайся, приходи — есть очень важное дело... Ах, милый Коленька... (*томно, страдальческим голосом.*) Я так измучилась... У меня был припадок... Я сейчас лежу на диване у Ирины Владимировны, меня нужно перенести домой... Ах, как тяжело! Коленька! Неужели, я умру тут, без родных, без друзей и ты не примешь моего последнего вздоха... (*говорит в сторону, радостно топая ногами*). Придет! Ей-Богу, придет сейчас, вот душенька! Ха-ха! (*страдальчески*). Ах, Коленька, торопись же, а то будет поздно! (*возвращается*). Я вам говорила, что придет, и придет!

Ирина. Но ведь он же мне написал, что...

Галочка. Чихать я хотела на его письмо. Ревнивый этот самый Колька, как черт. Наверно, и я такая же буду, как вырасту. Ну, не разговаривайте. Давайте я вам носик попудрю. Ишь, ты! И у вас вон глазки повеселели. Ах, вы, мышатки мои милые!.. И жалко мне вас и смешно...

Ирина (*оживляясь*). Так я переоденусь только в другое платье...

Галочка. Ни-ни! Надо, чтобы все по-домашнему было. Это уютненькое. Только снимите с волос зеленую бархотку, она вам не идет... Есть красная?

Ирина. Есть (*смеясь, приносит ленточку*).

Галочка. Ну, вот и умница. Давайте, я вам приколю (*возится около нее*). Вы красивая и симпатичная... Люблю таких. Ну, поглядите теперь на меня... Улыбаетесь? То-то. А Кольке прямо, как он придет, так и скажите: «Коля, ты дурак». Ведь вы с ним на ты, я знаю. И целуетесь уже. Раз видела. На диванчике. Женитесь, ей-Богу, чего там.

Ирина. Галочка! Вы прямо необыкновенный ребенок.

Галочка. Ну, да! Скажите тоже. Через четыре года у нас в деревне нашего брата уже замуж выдают, а вы говорите ребенок. Ох-ох! Уморушка с вами. Духами немного надушитесь — у вас хорошие духи — идут вам. Дайте ему слово, что вы плевать хотели на Климухина и скажите Кольке, что он самый лучший. Мужчины это любят. Вообще, вы знаете, Ирина Владимировна — если бы вы знали — какие мужчины дураки, — вы бы

просто ахнули. Наш брат их вокруг пальца обведет... А о Климухине скажите какую-нибудь гадость. Кольке будет приятно. (*Звонок.*) Ну, вот видите — прискакал ваш дружок любезный!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Николай.

Николай (*входит, смущаясь и чувствуя себя неловко*). Здравствуйте... Тут... Галочка мне звонила... говорила, что с ней что-то случилось... Может быть дурит, по своему обыкновению, а может быть что-нибудь и серьезное, я и зашел на всякий случай. Извините, что зашел... Вы мое письмо... конечно... получили?

Галочка (*давая ему подзатыльник*). Чихать мы хотели на твое письмо! Подумаешь, Онегин какой выискался. Туда же! «Вы мне писали, не отпирайтесь!» А глаза вороватые-вороватые, как у цыгана, который лошадь украл. (*Ирина и Николай в смущении стоят друг против друга, опустив головы, не зная, что сказать.*) Боже, как это трогательно! Ей-Богу, я сейчас разрыдаюсь! Ну, знаете что, мои милые? Плюньте на все и берегите свое здоровье! Поцелуйтесь, детки, а я уже смертельно устала от всех этих передряг... Ф-фу! Ну? (*С отчаянием.*) Что мне с вами делать? (*Берет их руки, соединяет, силой усаживает на диван.*) Вот! Живая группа: «злобный авантюрист и несчастная жертва его страстей, 800 метров». Роскошная видовая? (*оба сидят, прильнув друг к другу,* о чем-то *тихо говорят... Галочка к публике.*) Вот вам ваши взрослые! Теперь вы можете себе вообразить, чтобы тут разыгралось, если бы меня Господь им не послал. Ну, а теперь мне больше некогда возиться с вами (*подмигнув, интимно.*) У меня, если откровенно признаться, с арифметикой что-то неладно!.. Пойти подзубрить, что ли? Благословляю вас, дети мои! Колы-то мне получать из-за вас — тоже, знаете, не расчет!.. (*убегает*).

Занавес

ЧУДАКИ НА ПОДМОСТКАХ

НОВАЯ КНИГА ПЬЕС И СКЕТЧЕЙ ДЛЯ СЦЕНЫ И ЧТЕНИЯ

(1924)

*Постановка помещенных в сборнике пьес
без разрешения автора — безусловно воспрещается.
Я предпочитаю лучше сам калечить свои
произведения, чем предоставлять это другим.*

А. Аверченко

ПРИГЛАШЕНИЕ В КОНЦЕРТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Писатель Аркадий Аверченко.
Благотворительная барышня.
Армянин.
Распорядитель в концерте.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Аверченко (*один, у себя дома — чистит фрак*). Приглашают меня участвовать в благотворительных концертах — почти каждый день и выбирают для этого приглашения время такое: восемь часов утра, половину девятого... Слава Богу, сейчас уже около шести вечера — и никого нет. Редкий денек! Хоть раз вздохну свобод... (*Стук в дверь, влетает барышня.*) Простите, я не совсем еще одет. (*Надевает фрак.*) Войдите!

Барышня. Спасибо! Я уже вошла.

Аверченко. Ах, вы уже вошли? Чем могу служить?

Барышня. Вы — Аркадий Аверченко?

Аверченко. Я.

Барышня (*хихикает*). А я думала, вы с бородой!

Аверченко. Да, знаете, нет бороды. Некогда все. Дела разные. Некогда даже бороды отрастить. Голова не тем занята. Что вам угодно?

Барышня (*скороговоркой*). Полтавское землячество в заседании своем от 17-го постановило вас принять, просить, участвовать, выступить на нашем концерте!

Аверченко. О ... о! Не могу! Категорически не могу.

Барышня. Господи, Боже мой, ну, почему не можете? Можете, можете, можете, — категорически можете!

Аверченко. А я, видите ли... этого... как его? В этот день занят. Это которого числа концерт-то ваш?

Барышня. А? 21-го!

Аверченко. Ну, вот видите: 21-го. А как раз 21-го я и занят. У меня этого... В этот день жена рожает.

Барышня. Позвольте... жена рожает — а вы-то тут при чем?

Аверченко (*обиженно*). То есть как это я при чем? Вот это мне нравится! Нет, не могу, и не просите даже...

Барышня. Жалко. (*Пауза.*) А мне вчера попался номер журнала «Сатирикон». Прочла я там рассказ... Замечательный рассказ: такой тонкий, остроумный. Не знаю чей рассказ, — подписано: Аркадий Аверченко.

Аверченко (*просияв*). Так это же мой рассказ!

Барышня. Ваш? Прелестный рассказ!!

Аверченко. Садитесь, пожалуйста!

Барышня (*усаживаясь*). Так разрешите, значит, за вами прислать? Можно к десяти? Карету пришлем — хорошая карета, пара лошадей и внутри студент Миша. Можно?

Аверченко. Да поймите же вы, чудак человек, что не могу же я. Даже странно, ей-Богу. Это какого числа, концерт-то ваш?

Барышня. 21-го.

Аверченко. Ну вот видите! 21-го я как раз не могу. У меня отец болен, и к 21-му доктора обещали, что обязательно помрет! Посудите сами — до концерта ли тут?

Барышня. Умрет. Ну, царство небес... Ох, что я говорю! Так не можете? Жалко! (Пауза.) У меня папы нет...

Аверченко (*равнодушно*). Да что вы? Какой ужас?

Барышня. Я больше книжки читаю.

Аверченко. А, действительно, что же еще и делать...

Барышня. Вчера, например, захожу в книжный магазин, говорю: дайте книжку Аркадия Аверченко — так приказчик мне в лицо рассмеялся; «что вы, говорит, барышня! С ума сошли! Эта замечательная книжка у нас уже давно с руками оторвана...»

Аверченко (*смягчившись*). Да что вы говорите? Садитесь, пожалуйста!...

Барышня. Я уже сижу.

Аверченко. Ага. Сидите? Ну, папиросочку. Курите? Пожалуйста! (*Дает закурить*).

Барышня. Так можно, значит заехать?.. Студент Миша пятого курса, замечательный. Пара лошадей — замечательные! Карета... А оттуда мы вас автомобилем отвезем, 40 лошадиных сил, ей-Богу...

Аверченко. Ах, Господи! Что за странная публика, ей-Богу!.. Не ломаюсь же я, поймите, а просто не могу. В этот день у меня как раз... это какого числа, концерт-то этот самый?

Барышня (*совершенно измученная*). Что? 21-го?

Аверченко. Ну, вот видите!. Так я и знал. Я вам скажу правду: у меня 21-го свадьба. Уже и невеста есть и все такое... Букеты... Шафер тоже... Миша. Ну поймите сами — до концерта ли тут?

Барышня. Женитесь? А, а... ну, царство небесн... Нет, нет, что это я? Приятного аппетит... Ну, вообще я поздравляю. (*Пауза.*) А я знаете, не женатая.

Аверченко. Да что вы! (*Равнодушно.*) Какой ужас!

Барышня. Нет. Так только изредка... в театр пойдешь — вот и все. Вчера, например, была в театре — смотрела пьесу... Не знаю, чья пьеса. Бог ее знает. На программке, правда, написано — Аркадий Аверченко... Ах, вы, знаете, это такая чудная пьеса, я так смеялась, что даже горжетку потеряла, калоши переменила. Страшно остроумная штука!

Аверченко (*польщенный, суетится*). Садитесь, пожалуйста.

Барышня. Я уже сижу.

Аверченко. Папиросочку?

Барышня. Курю.

Аверченко. Курите? Ага! Да, да. Очень мило. Очень мило. Ужасно бы я хотел вам помочь, да уж не знаю, как это и сделать... Какого числа концерт-то этот?

Барышня. Какого числа? (*со стоном.*) 21-го.

Аверченко. 21-го? Ах, вот когда! Понимаете, 21-го я как раз вечером (*быстро бормочет*), когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел, и быть бы мне отцом супругом...

Барышня (*ничего не разобрав*). Ах, вот что! Заняты, значит. Очень жаль! Да, кстати. Какой смешной случай (*смеется*). Еду я сюда, вдруг вижу на площади кому-то памятник ставят. Сначала я думаю — кому бы это? А потом меня так и осенило: да, ведь, это же памятник Аркадию Аверченко! Я так обрадовалась, так обрадовалась! Вот, думаю, наконец-то, догадались! И нужно всюду памятники Аркадию Аверченко! (быстро) город — памятник, деревня — памятник! Море — памятник, мост — памятник (наседая на него). Все памятники, памятники, памятники! Так можно заехать? Студент Миша — 40 лошадиных сил! Карета пятого курса, пара лошадей юридического факультета, автомобиль 150 лошадиных сил, симпатичный... ну можно? Можно заехать, голубчик?

Аверченко (*совершенно обессиленный*). Ну что мне с вами делать. Заезжайте! (*Барышня радостно уходит.*)

Аверченко (*один, к публике*). И вот наступает день концерта... Вы видели, как я встретил благотворительную барышню. Теперь вы увидите, как благотворительная барышня встречает меня в день концерта в 10 часов вечера (*уходит*).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сцена представляет артистическую комнату концертного зала. Стол, уставленный бутылками и закусками.

Барышня (*вбегает и кричит*). Но это же невозможно!.. Уже 10 часов, а привезли всего двух калек, да и то одного

завели по ошибке вместо другого концерта!.. В конце концов, я плюну на все и пусть с концертом возится кто хочет. Хоть бы черт какого-нибудь завалященького принес!.. (*Идет направо и сталкивается с армянином, радостно.*) Здравствуйте, дорогой! Вас только и ждали. Вся публика вас только и требует, билеты только на вас и брали. Страшный интерес к вам ... Садитесь! Вы украшение нашего концерта, а остальные все, так — чепуха! (*Усаживает его, отходит.*) Ну, что я с этим одним идиотом делать буду? Выпущу его, а потом что?... Хоть бы еще кого-нибудь черт принес... (*Идет направо, сталкивается с Аверченко.*)

Аверченко. Ну, вот и я. Насилу доехал. Послушайте, сударыня... Это совсем неудобно! Ваш студент Миша оказался Васей и возил меня в карете, черт его знает куда, часа полтора.

Барышня. Боже, как я вам благодарна, что вы приехали! Вас только и ждали. Вся публика вас требует, билеты покупали только на вас! Интерес к вам страшный, огромный! Вы прямо-таки украшение нашего концерта, а все остальные (*в сторону армянина*) так себе... чепуха! Ноты захватили?

Аверченко. Ноты? Какие ноты?

Барышня. Да чтобы петь! Господи! Какие еще ноты?

Аверченко. (*потрясенный*). Виноват... Но я по нотам не умею... Я не того... Я читаю... Я писатель Аркадий Аверченко.

Барышня. Ради Бога, простите, так замоталась. Пожалуйста, вот сюда. Ах, да... познакомьтесь (*неловкая пауза, все сели рядом, барышня посередине*). Да... да... Вот, вот... Стаканчик чаю можно предложить?

Аверченко. Спасибо не хочется.

Барышня. Ну, один, а?

Аверченко. Нет, право, не хочется.

Барышня. С лимончиком?

Аверченко. Нет!

Барышня. Жаль. А я такая ваша поклонница. Такая поклонница, — кекс?

Аверченко. Как-с?

Барышня. Да не как-с, а кекс!

Аверченко. Не хочется!!

Барышня. Ну, пирожное?

Аверченко.. Да нет, право не хочется, не беспокойтесь. Я уже все ел, пил, спал...

Барышня. Бутерброд, может? С сыром или с ветчиной?

Аверченко. С сыром? А ну его к черту.

Барышня. Ах, у вас столько поклонников; винца?

Аверченко. Виноват?

Барышня. Винца, не хотите ли?

Аверченко. Нет! Не хочу. Понимаете, ниче-го!

Барышня. Ага... Так, так... А тянучек можно? У вас такие чудные вещи. Например, эта «Преступление и наказание»? Какая обаятельная вещь...

Аверченко (*угрюмо*). Это Достоевского вещь, не моя.

Барышня. Я и говорю — чудная вещь, чудная, тянучку? Ну, одну тянушечку скушаете, сделайте одолжение! Я вас очень прошу!...

Аверченко. Одну? Ну, уж давайте (*берет тянучку, жует, вдруг у него делается отчаянное лицо*).

Барышня. Ну, что, готовы? Идемте! Вам уже выходить! Ради Бога... Публика требует!...

Аверченко. Мммм... (*молчит, делая отчаянные жесты*).

Барышня. Что с вами такое?. Что?! Ах, Господи! Тянучки ему зубы склеили! Ну, что мне с вами делать? (*Бьет его по спине.*) Выплюньте! Ну, скорей... Готово?... Фу-у... Ну, идите на сцену! (*Аверченко мимически, без слов, читает рассказ, барышня говорит армянину те же комплименты, что и Аверченко при встрече. Аверченко, окончив, возвращается.*) Браво, браво... (*очень вяло*) бис, бис! (*к армянину*) ... так билеты берут только на вас. Интерес к вам огромный!..

Аверченко. Сударыня, я уже кончил свой номер. Прочитал, что надо.

Барышня. Ах, кончили? Ну и скатертью дорога! (*К армянину.*) Ах, все так волнуются, ожидая вашего выхода. Вы будете петь из «Демона»? Это у вас так чудно выходит! (*Поет.*) «Уж полночь, а Германа все нет»...

Аверченко. Сударыня, мне бы домой надо.

Барышня. А кто вас держит? Идите!

Аверченко. Вы же обещали автомобиль?

Барышня. Ах, автомобиль? Пройдите прямо, потом налево, там такой распорядитель с усиками, бритый. (*Аверченко уходит.*) А как у вас хорошо выходит «Русалка»!

Вбегает распорядитель.

Распорядитель. Марья Николаевна! Что делать? Аверченко автомобиль просит!

Барышня. Автомобиль? Аверченко? Что вы ко мне все лезете?

Распорядитель. Но что же делать? Его нужно бы домой отправить!

Барышня. А отправьте вы его к черту! Пешком дойдет.

Входит Аверченко.

Аверченко. Ну, что же с автомобилем?

Распорядитель (*убегая*). А вот вы пройдете по коридору; налево... направо...— вам там устроит Петр Иванович... такой... с бачками, желтенький!..

Убегает.

Аверченко (*к барышне, разговаривающей с армянином*). Сударыня!

Барышня. Ну, что там еще?

Аверченко. Автомобиль бы мне...

Барышня. Да, что я вам... гараж что ли? Рожу я его, что ли, вам?

Аверченко (*жалобно*). Ну... карету... я бы... в карете... Вы же обещали...

Барышня (*раздраженно*). Ах, как этот человек может надоесть! Выйдете, возьмите извозчика!!

Аверченко. Дождь же идет! Грязь! У меня лаковые туфли! (*Она отмахивается и разговаривает с армянином.*) Сударыня... не могу... же я? Эх! (*машет рукой, закатывает брюки, поднимает воротник, уходит*).

Барышня. Сейчас ваш выход. Из какой оперы поете? Идите! Идите!

Армянин. Ми нэ паэм!

Барышня. Ах, значит, танцуете?

Армянин. Ми нэ танцуем!

Барышня. Играете?

А р м я н и н. Какой играем? Нэ играем! Только на биллиарде...
Б а р ы ш н я. Читаете значит?
А р м я н и н. Ми не грамотный.
Б а р ы ш н я. Так что же вы делаете?
А р м я н и н. Шашлык дэлаем, чохохбили дэлаем, люля-кебаб, чебуреки дэлаем! Мы тут бюфэт снымаем.
Б а р ы ш н я (*разъяренная*). Так какого же вы черта все тянучки полопали?.
А р м я н и н. Ти сам давал! Почему крычать?
Б а р ы ш н я. Пошел вон, дурак! (*Глядя на часы*). Половина первого. Ф-фу. Слава Богу! Кончился концерт!

З а н а в е с

СЕРДЦЕЕД

Диалог

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Она.
Он, сердцеед

Уголок городского сада. Скамья. Над ней развесистая липа. 4 часа дня. На скамье сидит Она *с журналом в руках. Читает. Молода, красива. Появляется* Он. *Изящно одет. В петлице цветок, из бокового кармана виден кончик шелкового платка. Тип фланера. Лакированные полуботинки. Замечает Ее. Несколько раз проходит мимо, заглядывая под шляпку. Наконец вынимает свой шелковый платок и, проходя мимо дамы, роняет у ее ног, на обратном пути поднимает.*

Он. Pardon, сударыня, платочек обронили!..

Она. Merci (*берет и, не глядя, прячет*).

Он. А? (*один момент смущен, растерянно смотрит на публику, потом садится рядом. Пауза*). Поразительный народ эти турки! Все режут и режут армян; и каждый раз пишут, что у них такая резня, которой старожилы не запомнят! А что такое старожилы, в сущности говоря?.. Не правда ли, сударыня? А? Да. Ведь старожилом сразу не сделаешься! Старожилом надо делаться постепенно. Сначала, скажем, человек молодожил,

молодожил, потом среднежил, среднежил и только уж в самом конце, к закату своей жизни — делается старожилом!... А?.. Да!.. (*Пауза, в сторону.*) А она кремень! Твердая!.. Сам черт ее не расшевелит... (*Ей.*) Скажите, Вам сигара не помешает?

Она (*отрывисто*). Нет!

Он. Знаете, мне бы тоже, собственно говоря, не помешала хорошая сигара — так забыл купить! Что мне делать со своей памятью? (*Слегка дотронулся до ее плеча, она отодвинулась.*) Совершенно не понимаю. Голова — форменное решето. Все вылетает, сударыня!.. А?.. Да... (*Пауза. Мечтательно.*) Где-то теперь моя бедная мама? Вспоминает ли она обо мне, о своем кудрявом малютке?! (*Вздыхает, пауза.*) Скажите, сударыня, это дерево — липа?

Она (*мрачно*). Липа!

Он. Mercі (*в сторону*). Очевидно она отвечает только на прямо поставленные вопросы (*ей*). Вообще, знаете, ботаника моя страсть (*она грозно на него смотрит, он неуверенно продолжает*) ... И зоология... тоже... и эта... как ее... миреланогия (*она отворачивается.*) Вообще, знаете, наука, как-то укрепляет! А?!. Да... (*Пауза.*) Что это мне из деревни перестали писать?! Не пишут и не пишут! Черт его знает! Что бы это значило?! Как вы думаете?.. А?!.. Я прямо начинаю беспокоиться! (*Пауза.*) Вот ботинки, новые купил... Хорошие?.. 25 целковых, лакированные! Я, вообще, знаете, того мнения, что уж если покупать вещь — то хорошую! Что, в самом деле?..

Она (*неожиданно*). Послушайте! Меня не то возмущает в вас, что вы самым нахальным образом заговариваете с одинокой женщиной! Мы, женщины, к этому уже привыкли! Но меня возмущает то, что вы это возвели в какой-то спорт, в ежедневное обычное занятие и сейчас же забываете ту женщину, которую вы затронули! Что за подлая небрежность! Неужели, вы забыли, что мы с вами уже знакомы? Как же!.. 3 месяца тому назад, вы пристали ко мне в вагоне трамвая, и я была так малодушна, что познакомилась с вами! Вы еще провожали меня! И теперь, когда это

знакомство совершенно вылетело из вашей пустой головы — вы начинаете все снова.

Он (*встал, высокопарно*). Сударыня! Я очень рад, что и вы вспомнили меня! Если сказать правду, то я сейчас поступил так невежливо потому, что боялся...

Она. Чего?

Он. Ну, этого?.. Как его? Что вы совершенно выкинули меня из головы!... А чтобы я забыл?!.. Сударыня! Разве можно забыть эти чудные мгновенья, которые горят неугасимым пламенем в моей наболевшей душе... Господи! Господи!... Эта встреча!.. Этот трамвай!.. Как же! Помните, еще вы сидели в вагоне с правой стороны...

Она. С левой!

Он. А?... С правой!

Она (*твердо*). С ле-вой!!!

Он (*жалобно*). Ей-Богу, с правой!

Она (*громко, отчеканивая*). С л-е-в-ой!!!

Он. Ну да. С левой стороны по ходу вагона и с правой, если считать против хода... Вы еще были в шляпе, верно?

Она. Я думаю...

Он. Ну да. Я тоже думаю... Еще, помните, кондуктор кричал: «нет местов! нет местов!» Удивительно симпатичный человек. Чудный! Помню, он еще нам дал по билетику, такой билетик... маленький (*она смотрит на него в упор, он смущается.)* Вам и мне... мне и вам... (*Пауза*).

Она (*загадочно*). А вы помните, как вы меня провожали домой?

Он (*загораясь*). О, сударыня! Как я мог забыть. (*Хватает ее за руку, прижимает к груди.)* Эти упоительнейшие минуты моей жизни горят ярким неугасимым пламенем в моей наболевшей груди! (*Другим тоном.*) Вы там же живете?

Она. Где?

Он. Ну, там... Куда я вас провожал.

Она (*зловеще*). А к-у-д-а вы меня провожали?

Он. Ну, это... Как же... Господи!.. Ну, еще я помню, вот такие по бокам дома, дома, а посредине пустое место...

Она. Совершенно верно! Пустое место! Пустое... и знаете где? В вашей дурацкой голове! Послушайте! Вы!.. Ни в каком трамвае я с вами не знакомилась, да и вижу

то я вас первый раз в жизни. Просто мне захотелось проверить: помните ли вы все ваши случайные встречи, мимолетные знакомства и интрижки!.. Оказывается, их у вас так много, что уж об отдельных женщинах вы и не помните!.. Какой позор! И это человек, который чему-то учился, что-то читал, чем-то интересовался, кроме... армяно-турецкой резни и лакированных ботинок!.. Смотреть на вас противно!.. Прощайте!.. Вы!.. Ботаник! (*Ушла. Пауза*).

Он (*передразнивая*). «Ботаник!» (*Убежденно.*) Дура! Что она все путала... знаком, не знаком... не знаком — знаком... Вас много, а я один. Разве я могу всех упомнить... «Ботаник! Ботаник»... ушла... (*плачевно*) и платочек мой шелковый унесла (*лицо постепенно светлеет*). Впрочем ничего... (*достает 4 платка, раскладывает на скамье.*) Еще на четыре штуки хватит!

Занавес

ДРАМА В ДОМЕ БУКИНЫХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Букин Марк Ильич, 40 лет.
Елена Борисовна, его жена, 24 года.
Николай Сергеевич, 30 лет.

Действие происходит в будуаре Елены Борисовны. 5 часов дня

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На диване сидят, нежно обнявшись, Елена и Николай.

Елена. Вот, ты мне все говоришь, что любишь, любишь меня, а как любишь — и неизвестно.

Николай. То есть, что значит: как люблю? Просто люблю, да и конец.

Елена. Расскажи мне о своей любви.

Николай. Рассказать? (*Пауза.*) Да что ж тут рассказывать. Ну... люблю тебя очень, крепко...

Елена. Больше чего, например, ты меня любишь?

Николай. Ну... этого... Больше жизни...

Елена. Серьезно? Вот спасибо. Ну, а если бы тебе предложили миллион рублей или меня, — что бы ты взял?

Николай. Ясно дело — тебя!

Елена. Вот это здорово! А если бы предложили сделаться голландским королем, с тем, чтобы ты со мной расстался, — чтобы ты выбрал?

Николай. Я? Я бы сказал: подавитесь вы вашим голландским королевством, — отдайте мне Леночку.

Елена. Смотрите-ка, какой он! Это очень мило с твоей стороны. Мой муж, наверное бы мне этого не сказал. Ты лучше!

Николай. А еще бы! Я тебя люблю по-настоящему, а он так себе — с пятого на десятое.

В это время из дверей показывается голова мужа. Он прячется за портьерой.

Елена. Послушай! Ну, если бы вышло так, что одного из нас двух нужно было бы казнить — тебя или меня, на выбор... Понимаешь? И чтобы этот выбор был предложен тебе: кого бы ты выбрал для казни: себя самого или меня?

Николай. И ты еще спрашиваешь?! Неужели не догадываешься?

Елена. Нет, миленький...

Николай (*вскакивает с дивана, стоит, гордо скрестив руки*). Неужели ты можешь сомневаться?! Я сказал бы: эй, вы — палачи! Вешайте меня, стреляйте меня, но ее оставьте в покое!..

Елена (*подразнивая*).Ну, неужели тебе не было бы жаль жизни? А? Ты такой молодой, перед тобой чудесное будущее, все тебя любят. Скоро будет цветущее, теплое, ароматное лето, в лесу зелень, пахнет сосновыми шишками, золотые пчелки жужжат под яркими, озаренными солнышком цветами, в саду сирень... А вечером... из окна тихие звуки рояля, в бокале золотое искристое вино, нежная рука ласкает твои волосы, ночные бабочки бьются около свечного колпака, пахнет цветущим жасмином — и всего этого, подумай, по моей, по моей милости, ты должен будешь лишиться. И навсегда! Понял ты это словечко: навсегда! Неужели не жалко?

Николай (*горячо*). Для тебя? Ради твоего счастья и жизни? Знаешь что? Я очень, по-настоящему, искренно жалею, что все это одни пустые беспочвенные разговоры. А случись это в действительности, — ты бы

своими глазами увидела, как я искренен и как бы я мужественно и безропотно пошел за тебя на смерть.

Елена. Да... жаль, что в действительной жизни не бывает таких случаев, чтобы любимый выбрал между своей и ее жизнью.

Целует ее.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Из-за портьеры показывается муж. Елена и Николай в ужасе вскакивают.

Елена. Марк!

Муж (*протягивая вперед руку, вооруженную револьвером*). Стоп! (*Громовым голосом.*) Ни с места! Я все слышал!! (*к жене*) Ты ошибаешься... По-моему, такие случаи, об отсутствии которых вы оба только что жалели, бывают в жизни... Вот, например, даже сейчас, из вас двух — умрет ты или он?

Елена (*падает на колени, простирая к мужу руки*). Марк! Пощади...

Муж (*бешено*). Прочь! Довольно!!

Николай (*с достоинством*). Елена Борисовна не нужно перед ним унижаться. Стоит ли. Я один отвечаю за все!

Елена. Марк! Выслушай меня... Я...

Муж. Ну, баста! Ни слезы, ни оправдания тебе не помогут... Все слишком ясно. Ты, конечно, можешь оставаться пассивной, — выбор сделает он! (*Торжественно.*) Ну, милостивый государь,.. Во имя права и справедливости, во имя защиты моего семейного очага — один из вас двух должен умереть... Выбирайте! Укажите же — кто?

Николай (*после минутного молчания, твердо и решительно, подняв гордую голову*). Убивайте меня! Она ни при чем. Это я вскружил ей голову и увлек... (*с кривой улыбкой*). Что ж... я готов: стреляйте! (*Поворачивается лицом к Марку.*)

Елена (*падает к нему на грудь*). Любимый, прости меня!.. (*Рыдает.*)

Николай. Не плачь, мое солнышко... я счастлив, что могу подтвердить свои слова так скоро... Ступай, милая.

Тут тебе не место! (*Подталкивает ее к дверям, Елена, схватившись руками за голову, с болезненным криком убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марк и Николай — одни.

Николай (*гордо*). Что же вы — стреляйте! Я от своих слов не отступаю.

Муж. Вы мужественный человек, но... это вам не поможет. Я вас все-таки убью. (*Наводит на него револьвер.*) Кстати, у вас, может быть, есть какое-нибудь последнее предсмертное желание и просьба?

Николай (*закрывает лицо руками, задумывается*). Да! У меня есть единственная привязанность — мать... моя бедная матушка!.. Я оставляю ее без всяких средств... Все мои деньги — в бумагах... Послушайте! Если в вашей душе есть еще капля человечности и доброты, то сделайте для меня то, о чем я вас попрошу... тогда я умру, не проклиная, а благословляя ваше имя...

Муж (*сурово*). Вы скажи́те мне, что я должен сделать, и сейчас же после этого — умрете... Ну?

Николай. Благодарю... Вы... знаете банкирскую контору Шлиппенбаха, Гаузе и К°...

Муж. Да, конечно. Знаю очень хорошо.

Николай. Так вот: у них лежат мои акции, в которые я вложил все свои деньги. Восемьсот штук Спиридоновского угольного товарищества. Пусть Шлиппенбах их продаст и...

Муж (*усмехнувшись, иронически*). Гм! Я вижу, вы в любви больше понимаете, чем в делах... Не очень-то хорошо будет обеспечена ваша матушка. Ведь эти акции ничего не стоят!

Николай (*спокойно*). Я думаю, что вы ошибаетесь. Позавчера еще они стоили по 115.

Муж. Позавчера? Хм!.. Позавчера!.. А вы вчерашнего бюллетеня не читали?! Да знаете ли вы, что вчера сделалось известным, что подъездной путь мимо Спиридоновки министерством не разрешен, и акции сразу шлепнулись рублей на 50.

Николай. Это вздор! А я вам скажу, что подъездной путь будет, и тогда они сделают дополнительный выпуск акций...

Муж (*машет руками*). Так, поздравляю вас! Дополнительный выпуск именно и не будет сделан!

Николай. Да? Вы так думаете? А что же, по-вашему, значит эта статейка в «Финансовой газете»?

Муж. Какая статейка? Что вы говорите? Где?

Николай. А вот у меня. Тут. Вот — можете ее пробежать. (*Вынимает из кармана газету.*)

Муж (*лихорадочно выхватывает у него газету*). Гм... Да! Вы думаете, что это по поводу Спиридоновского подъездного? Во всяком случае, это очень симптоматично. Чего ж вы стоите, будьте добры, присядьте. Но ведь, если это так... виноват, ваше имя отчество?

Николай (*расшаркиваясь*). Николай Сергеевич.

Муж. Очень приятно. Марк Ильич Букин. Не присядете ли, Николай Сергеевич? (*Садятся.*) Вы знаете: действительно, статья наводит на размышления. Кем она подписана?

Николай. Какой-то «Финансикум».

Муж. Да позвольте! Я его знаю. Что, если поехать к нему и попытаться узнать: действительно ли у него есть данные, что министерство иначе взглянуло на этот вопрос?

Николай. Что ж, это идея. Вы его адрес знаете, Марк Ильич?

Муж. Конечно, Николай Сергеич! Мы его, вероятно, еще застанем дома.

Николай. У меня и лошадь стоит за углом.

Муж (*весело*). Расчудесно. (*Вынимает из кармана портсигар, протягивает его Николаю Сергеевичу.*) Легкие любите?

Николай. Я тоже курю легкие. Мерси. Ничего, у меня есть зажигалка. А, проклятая... Опять не горит.

Муж. Нате мою, Николай Сергеич!

Николай. Благодарствуйте. Скажите, а мы там недолго задержимся? А то я и пообедать не успею.

Муж (*радушно*). Так, может быть, у меня пообедаем? Я оставлю записку. Съездим, вернемся и пообедаем. Как вы на это смотрите, Николай Сергеич?

Николай. А что ж... неплохо.

Муж (*садится за стол, пишет записку, прижимая ее пресс-папье*). Вы понимаете, если они упали сейчас до 60, то ведь их завтра можно скупить за гроши. И если послезавтра выяснится, что подъездной путь будет — так мы с вами загребем столько, что...

Николай (*фамильярно хлопая мужа по плечу*). Вот, вы еще больше копайтесь, так мы и к этому субъекту опоздаем.

Муж. Сейчас, сейчас. Вот я положу тут жене записку на видном месте — и летим! Где ваша шляпа? (*Оба ищут шляпу.*) Да куда вы ее положили, помните?

Николай. Да я ее, помнится, за это... за диван сунул.

Муж (*становится на колени, лезет под диван*). Вот она! Ишь ты, как запылилась. (*Чистит шляпу.*) Едем, едем, а то, ей-Богу, опоздаем!

Николай (*поправляет перед зеркалом шляпу*). Успеем. Над нами не каплет (*берет мужа под руку*).

Муж. Пожалуйте, вы первый.

Николай. Нет, уж вы идите вперед, вы хозяин! (*пропускает его первым*).

Муж (*любезно*). Никогда не допущу этого, вы — мой гость!

Препираются некоторое время.

Ну, тогда вместе.

Выходят, напевая: «Торреадор, смелее-е-е в бой...»

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вбегает Елена. Лицо ее искажено страданием.

Елена. Нет? Ушли? (*Со стоном.*) Я так и знала! Американская дуэль! Или... А! (*увидев на столе записку.*) А-а! Записка! Боже!.. Подкрепи меня! (*С ужасом протягивает к записке руку, несколько раз отдергивает ее, как от змеи, наконец, хватает записку. Читает. Испускает жуткий, пронзительный крик. Лицо, полное ужаса. На авансцене.*) Ну вот! Так я и знала! Какой ужас! Пригласил человека обедать в то время, когда у нас, кроме супу и картофельных котлет — ничего нет! И о чем этот дурак думает — не понимаю!!

Занавес

САМОУБИЙЦА

Комедия в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Билевич, самоубийца.
Инженер Берегов, его приятель,
очень умный человек.
Лиза, горничная Билевича.

Действие происходит ночью в кабинете Билевича. Билевич один, разговаривает по телефону.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Билевич. Итак, вы говорите, что все между нами кончено?! Что? А вы помните, что я вам сказал? Что, когда вы уйдете от меня — я умру. Что? Как, от чего? Неужели вы думаете, что я хоть один день могу прожить без вас... (*страстно*) без тебя, моя милая, моя единственная, как теплое солнышко на небе... И скажите: почему вы так странно уходите от меня? Даже не зашли. Разве можно об этом так сухо... сообщать по телефону? Ну, скажите... что же случилось? Вы разлюбили меня... Что? Полюбили другого? (*Яростно.*) О, чер-рт! Ну и прощайте! Довольно мне этого!! Больше вы обо мне не услышите!! (*Бросает трубку, нервно ходит по комнате, ероша волосы, останавливается лицом к публике, нахмурившись. На лице мучительное выра-*

жение внутренней борьбы. Подходит к письменному столу, выдвигает ящики, вынимает револьвер. Садится в кресло, прикладывает револьвер к виску).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Горничная Лиза быстро входит, видит револьвер у виска Билевича, бросается к нему, хватает револьвер... недолгая решительная борьба. Она отнимает у него револьвер.

Лиза. Что вы это, барин, что?! Опомнитесь!

Билевич. Отдай!! Ты не имеешь права! Это не твое дело!..

Лиза. Барин, голубчик... Да что вы это? Грех-то какой! Нет, не допущу я этого! И с чего вы, право?..

Билевич. Отдай мне револьвер, слышишь!!

Лиза (*плача*). Убейте вы меня, на кусочки разрежьте — не отдам! Нешто возможно такое? Так его заброшу, что вы до самой смерти не найдете!! (*Плача уходит.*)

Билевич один. Садится у стола, положив голову на руки. После паузы, медленно поднимает голову, снимает телефонную трубку.

Билевич. Алло! Центральная? Дайте 27–09... Да... Благодарю вас. Это квартира инженера Берегова? Простите, голубчик, что разбудил. Сам знаю, что в час ночи никто не звонит. Да... дело знаете подошло такое. Ради Бога, не браните меня. Вот что... Вы можете сейчас же, сию минуту, прийти ко мне? Можете особенно не одеваться — я один... Умоляю... Дело идет о жизни человека... Придете?!! Ну, спасибо... Тут ведь недалеко, всего два квартала!.. (*вешает трубку. Сидит понурившись. Потом снова снимает трубку, бросает ее, после некоторой борьбы снова снимает, звонит*). Дайте мне, пожалуйста, 17–18. А? Барышня, дайте длинный звонок. Там могут спать. Спасибо!.. (*Слушает.*) А ... Это квартира Лидии Михайловны? Попросите ее к телефону. Что? Уехала? Куда уехала?! Я ведь только сейчас с ней разговаривал! Уехала? С кем? С Тамариновым? Слушайте. Паша... Когда она со мной разговаривала давеча, он был у вас или нет?

Что-о? Был? Тоже сидел около телефона? (*Опускает трубку.*) Боже мой... Какой позор, какая подлость!.. Ну что ж... Конец, так конец!.. (*снова прикладывает* трубку *к уху).* Слушайте, Паша... Алло! Паша! Вы у телефона?.. Гм!.. Ушла. Ну, да все равно. Один черт!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Лиза.

Лиза (*плача*). Там я... барин... Постель вам приготовила... Ужи... (*всхлипывая*), ужи...нать будете? Я бы и вина подала...? А?

Билевич. Отстань ты от меня со своим ужином. Вот еще толстокожее животное!..

Лиза. У меня и... (*плача*) и вареники есть... и кот... леты!..

Билевич. Отдай их черту в зубы!

Лиза. Может, котлеты не любите?.. Я бы яичницу... Или всмятку...

Билевич. Сапоги ты мне сделай всмятку! Проваливай! (*Звонок.*) Пойди, открой. Это Берегов.

Лиза убегает направо. Билевич уходит налево.
Сцена пуста.
Берегов входит растрепанный, за ним Лиза.

Лиза (*плача*). Да что же это такое будет, барин?.. Хоть бы вы его урезонили... Нешто можно среди белого дня человеку стреляться на ночь глядя...

Берегов. Хорошо, хорошо, ступай. Позови своего барина, скажи — я пришел!..

Лиза уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Билевич.

Билевич. А! Берегов! Здравствуйте! Когда вы узнаете *зачем* я вас звал, вы перестанете пенять на меня, что я вас поднял среди ночи. Садитесь. Курить хотите? Вот папиросы, спички, вино. Пейте, курите и слушайте.

Берегов закуривает, наливает вина в стакан, усаживается поудобнее.

Берегов. Я готов. Слушаю.

Билевич (*после паузы*). Берегов! Вы знаете, зачем я позвал вас ночью к себе? Потому что вы человек без предрассудков.

Берегов (*спокойно*). Это верно.

Билевич. И вы серьезно можете отнестись к тому, что вам скажут.

Берегов. И это верно.

Билевич. И вы не будете хныкать и плакать, а примете всякое известие, как мужчина.

Берегов. И это верно.

Билевич (*наклоняясь к нему*). Ну так вот — мой милый, спокойный, рассудительный Берегов... я решил умереть!

Берегов. Гм!..

Билевич. Вы, кажется, сказали «гм»! Это что — возражение?

Берегов. О, нет, что вы! Это просто громкое выражение тихого размышления.

Билевич. А каким образом вы размышляете?

Берегов. Думаю я сейчас так: вот человек, который очевидно, твердо решил покончить все счеты с жизнью. Отговаривать его от этого было бы смешно, глупо и бесполезно.

Билевич (*схватывая его за руку*). О, Берегов!.. Как вы все понимаете и как с вами легко!.. Вы сразу почуяли всю железную решимость мою, всю непреклонность! Я категоричен — понимаете ли вы это?

Берегов. Ну, еще бы! Это сразу видно. Теперь выкладывайте поскорее: что вам нужно от меня?

Билевич. Помните, вы говорили мне, что у вас есть яд, купленный вами у спившегося фармацевта? И будто яд этот убивает быстро и без боли.

Берегов. Есть. Верно.

Билевич. И вы... могли бы дать мне его?

Берегов. Дам. Отчего же.

Билевич. Вы истинный друг, Берегов.

Берегов. Ну-с? Дальше?

Билевич. Можете завтра утром... прислать?

Берегов. Могу. Теперь — все? Так я пойду спать. (*Сладко потягивается, зевает.*) А то вы меня на самом хорошем сне разбудили. Значит — все? (*Встает.*)

Билевич. Все. Но вы все-таки удивительный человек! Поразительный. Другой бы пытался уговаривать, просил бы, хныкал...

Берегов (*берет руками голову Билевича, смотрит ему прямо в глаза*). А, может быть... Вы хотели бы в глубине души, чтобы я... вас... отговорил? А?

Билевич. Боже сохрани вас, Берегов! Что решено, то решено. Поглядите в мои глаза... Видите? Можно отговорить такого человека?

Берегов. Нет. Не стоит и пытаться.

Билевич. Спасибо, Берегов. Ах, как с вами легко.

Берегов (*прохаживаясь, останавливается перед картиной на стене*). А чудесная у вас эта картина... Куинджи?

Билевич. Да. Я ее очень любил.

Берегов (*снимает картину с гвоздя*). Надо будет захватить домой, когда пойду.

Билевич. Как... Захватить?

Берегов. Да так, возьму. Ведь у вас наследников нет?

Билевич (*с горькой улыбкой*). Нет. Выморочное наследство.

Берегов. Ну, вот я и возьму. Можно?

Билевич. Берите. (*Грустно.*) На что она мне, если завтра утром я уже буду куском мертвого мяса.

Берегов. Конечно. Я и письменный прибор возьму. Хотя у меня комнатка не ахти какая, а все-таки, прибор пусть себе красуется. Это яшма?

Билевич (*со вздохом*). Яшма.

Берегов. Возьму (*прохаживаясь, открывает ящик сигар*). Хорошие сигары... А позвольте их... Я возьму всю коробку, а вам до утра оставлю штук пять... Хватит? До утра, понимаете? Хватит?

Билевич. Гм! С избытком хватит.

Берегов. Очень мило. Кстати, уж и портсигар возьму. Благо монограммы наши сходятся: вы Билевич, — я Берегов.

Билевич. Позвольте!.. Портсигар этот — для меня память.

Берегов. Ну так что ж! В гроб же с собой не положите?

Билевич. Так-то оно так. (*Нерешительно.*) Это ведь золотой портсигар Он дорогой.

Берегов. Ага! Гарно, как говорят хохлы. (*Пауза.*) Яд как думаете принять: лежа в постели или — сидя за столом?

Билевич (*нервно*). Бог знает, какие вы вопросы задаете! Будто вам не все равно.

Берегов. Да... Действительно — к чему это я спросил. Так просто язык повернулся, хе-хе. А вы знаете, как его принимать?

Билевич. Кого?

Берегов. Яд.

Билевич. Нет. А разве есть особый способ?

Берегов. Да! Наименьше мучений... Видите ли: надо разбавить на две трети водой и — выпить залпом. (*Весело хлопнув его по плечу.*) Сейчас же свалитесь, как подкошенный!

Билевич (*иронически*). Спасибо.

Берегов. Не стоит.

Билевич (*нервно*). Может быть, поговорим о чем-нибудь другом?

Берегов. Неужели вам так неприятно? А, по-моему, если уж решили, так все равно!.. (*Насвистывая, прохаживается, потом подходит к Билевичу, спокойно запускает ему руку в боковой карман.*)

Билевич (*испуганно*). Что вы это?!

Берегов. А? Да деньги. Хочу поглядеть — много ли у вас денег?..

Билевич. Какой вы странный... Для чего вам это?

Берегов. Взять их хочу.

Билевич (*нервно*). Так не сейчас же. Господи!!

Берегов (*спокойно*). Вы нервничаете. Это плохо. Почему не сейчас? Ведь вам до завтра ничего не понадобится? Сколько здесь их? Три тысячи? Смачно, как говорят хохлы. Кольцо дайте тоже. Все равно, завтра сторож анатомического театра свистнет. Лучше уж мне. Все-таки я приятель. (*Снимает с пальца кольцо.*)

Билевич. Приятель, да! Послушайте, Берегов! Меня немного удивляет ваша, эта... ваше хладнокровие... И простота, с которой вы...

Берегов. Ну вот! Где уж тут справедливость, люди добрые!? Давеча сам же восхищался, что я человек без предрассудков, а теперь ему трех тысяч жалко!..

Билевич. Мне не жалко, а только ... неприятно!

Берегов. Ну, хорошо! Не буду, не буду! О чем же с вами говорить? Вот на будущей неделе премьера в опере — ведь вам это уже не интересно?!

Билевич. Почему не интересно?

Берегов. Да, ведь, завтра утром — скапутитесь, как говорят хохлы, — чего же вам?..

Билевич. Вы циник, Берегов!

Берегов. Не был бы циником, не получили бы вы от меня яду... А то ведь я какой человек: «Дай!» — «На!» Вот я какой человек!

Билевич. Да довольно вам об этом яде!!

Берегов. Спокойно! Не надо нервничать. Пожалуйста, поговорим о другом... Хорошая у вас квартирка. Сколько платите?

Билевич. Триста.

Берегов. По третям?

Билевич. А, да не все ли равно! По полугодиям.

Берегов. Давно платили?

Билевич. Что? В прошлом месяце: я вперед плачу.

Берегов. Билевич! Идея! Ведь я, несчастный сирый бобыль, — могу устроиться, как князь!! Передайте мне контракт, я поселюсь в этой квартире!

Билевич (*кисло*). Пожалуйста!

Берегов. Вот спасибо! Чудесно заживу!.. Гм!.. да!.. (*прохаживается, что-то прикидывая в уме*). Столовую я так и оставлю, а кабинет... Этот диван я передвину сюда. Позвольте-ка! (*Деликатно стаскивает Билевича с дивана, передвигает диван; Билевич переходит на ковер.*) Этот ковер лучше, если ляжет здесь... Вот так (*бесцеремонно переводит Билевича с ковра к тумбе.*) Тумбе, по-моему, место не там, а здесь, эти подушки сюда...

Билевич (*ошеломленный*). Вы... и с обстановкой хотите взять мою квартиру?..

Берегов. Ну а как же? Ведь не всунуть же ее вам в гроб? (*Восторженно.*) Это что ж у меня за жизнь будет!!! Вон у вас библиотека такая, что сердце радуется! До тысячи книг будет?

Билевич (*мрачно*). Да, тысячи с полторы наберется!..

Берегов. Чудесно! Буду валяться на оттоманке, читать Дюма или там Чехова что ли... Потягивать винцо... Да, кстати! У вас винный погреб в порядке?..

Б и л е в и ч (*неохотно*). Шампанского мало. А так — красного, мадеры старой, венгерского — бутылок восемьсот наберется. Думаю на днях еще ликеров прикупать.

Б е р е г о в. То есть, д у м а л и! Д у м а л и раньше. Хе-хе! Это что же будет, а? Билевич, милый! Я вас расцеловать готов за все, что вы для меня делаете!.. Получаю квартиру, библиотеку, чудесный погреб — за что? За бутылочку какой-то мутной вредоносной дряни.

Б и л е в и ч (*угрюмо*). Хорошо, хорошо. Только теперь... вы того... Оставьте меня.

Б е р е г о в. Конечно, конечно!.. Только последняя к вам просьба: сядьте вот сюда, за письменный стол, и пишите. Ну, не упирайтесь же, чудак. Пишите! (*Усаживает его, диктует.*) «За п р о д а н н у ю инженеру Берегову мою квартирную обстановку и п е р е д а н н ы й контракт, двадцать тысяч получено наличными». Подпишитесь!!! Так! Поняли? Это чтоб п р и д и р о к не было. (*С довольным видом потирает руки.*)

Б и л е в и ч (*раздраженно*). Мне противна ваша... деловитость в... такие минуты.

Б е р е г о в. Чудак вы! Вам-то хорошо — выпили флакончик! — и готово; а у меня-то вся жизнь впереди!.. Надо ж устраиваться! Это персидский ковер?

Б и л е в и ч. Персидский.

Б е р е г о в. Приятно. Только вы, знаете, что? Я ведь точно не знаю действия своей этой микстуры... Вдруг с вами перед смертью рвота случится...

Б и л е в и ч (*глядя на него с ненавистью*). Ну?!

Б е р е г о в. Ковер мне можете испортить. Послушайте, Билевич, голубчик, что я вас попрошу... Фи, какое у вас сейчас нехорошее, злое лицо. Неужели, вам не все равно?

Б и л е в и ч. Что вам от меня надо?!!

Б е р е г о в. Травитесь не дома... хорошо? Ей-Богу же, вам безразлично, а мне меньше хлопот. Подумайте, как будет мило: на одном конце города поднимают мертвого человека Билевича, продавшего свою квартирную обстановку, контракт и всякие земные блага инженеру Берегову; на другом конце города инженер Берегов входит в чистенькую устроенную квартирку и на-

чинает в ней жить, как король... Живой инженер лежит на теплой оттоманочке, читает Дюма, курит ароматную сигару, мертвого человека поднимают, везут в покойницкую...

Билевич (*с яростью*). К дьяволу покойницкие — слышите?! Я умру дома — черт вас подери!

Берегов (*хладнокровно*). Да, ведь в покойницкую, все равно, стащат... Раз самоубийца — резать должны. Что, дескать и как? Що воно такэ, как говорят хохлы. Да разве вам не все равно?! Я буду в вашей квартирке пить ваше вино, спать на вашей мягкой постели, любоваться вашими картинами, — а вы, голый, холодный, с номером на ноге, будете лежать в сырой мертвецкой около зеленого от времени мальчишки с отрезанной головой и ободранного безымянного пьяницы, издохшего от белой горячки... Ведь вам уже будет все равно?.. У вас красивое тело, широкая грудь и мускулистые, белые руки, которые вы неизвестно за каким чертом так замечательно развивали гирями, у вас холеные, длинные пальцы, но вам, мертвому, синему, — это уже будет все равно?! Пройдет неделя, и эта тяжело и бурно дышащая грудь будет полна червей!.. Но ведь вам уже будет все равно?! К вам на квартиру по инерции забежит одна из ваших красавиц-дам, и, может быть, я ей понравлюсь, и она останется у меня, — но ведь вам-то это будет уже все равно!!

Билевич (*тяжело дыша в бешенстве*). Вы не смеете этого делать?!

Берегов. Но ведь это каприз! Ведь вам уже будет все равно!!

Билевич (*совершенно потеряв голову, почти в истерике*). Не все равно мне это, чтоб вас черти побрали!! Вы не смеете меня грабить! Вы не смеете считать деньги в моем бумажнике... и... и... и...

Берегов. Однако, раз вы решили отравиться...

Билевич. Не смейте мне этого говорить!! Я решил умереть, я же могу и решить остаться в живых!! Никому я не обязан давать отчеты — слышите?! А-а-а-!.. Вы уже распределили мою квартиру по-своему, переставили мебель, пересчитали мои деньги — так вот же

вам! Не надо мне вашего яда! Я буду жить! А вы — уходите отсюда! Слышите? Сию минуту уходите — слышите?! Лиза-а! Лиза!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Лиза.

Билевич. Лиза! Выпроводи этого господина! Чтобы и духу его здесь не было! Квартиру ему отдай, а? Погреб отдай, а? Ужин есть? Подавай! И бутылку шампанского дай! Я есть хочу! Видали вы такого фрукта? Пусть теперь сам пьет свою бутылочку! (*Уходит налево.*)

Лиза. Ну... что ж вы стоите? Уходите. Некогда мне с вами. Ужин нужно подавать. Барин ждет. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Берегов один.

Берегов (*вынимает из кармана вещи Билевича, кладет на письменный стол*). Брр... Холодно сейчас, поди на улице. Дождь, слякоть. Ну что ж... Надо идти. (*Идет, потом возвращается к рампе.*) Вот замечательно: если доктор спасет человека от смерти — ему отваливают крупный гонорар. А инженеру за тот же самый подвиг — чуть по шее не попало! Вот и спасай людей!.. (*Потягивает носом в сторону, куда ушел хозяин.*) Пахнет чем-то очень вкусным... Жареным на масле. А я голоден, как собака. Гм! Ну что ж, пойдем... (*К публике.*) Спокойной ночи! (*Уходит сгорбившись*)...

Занавес

ЗНАМЕНИТЫЙ ПАНОПТИКУМ

Скетч

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Директор музея.

Карлик, Великан, Глухонемой, Помощник — Одно лицо

Голос из публики.

Помощник выносит на сцену аппараты и редкости. Расставляет их.

Выходит Директор, раскланивается.

Директор. Милостиви господин и госпожа! Я имей шесть демонстровать тут на ваше лицо селий ряд редкостни редкость и уник...

Голос из публики. Говори по-русски.

Директор. Сделайте одолжение! Вот, ребята, это, значится, мой музей-паноптикум! Тут собраны все научные редкости, как этнографичные — так и такие — так и такие... другие совсем. Здесь перед вами природа раскроет свои тайны, физические, ботанические, иллюзионные, а также говорящая голова без рук, ног и других приспособлений, за что владелец ее был высылаем изумленной администрацией из многих городов

черноземной полосы России. Всякий может убедиться и доторкнуться с рукой, но без поломки, ввиду того, что это вывезено из разных редких стран, как тропических, так и других... не тропических. Природа имеет много тайн, но пытливый ум подымает эту занавеску и подглядывает под ее. Я за свои научные поступки имею много орденов от разных коронованных особ, как-то: абиссинского Меленика, португальского царя и прочих, но я не надеваю, потому и грудей не хватит, так много. Однако, не будем вдаваться! Сейчас имею честь демонстровать наибольшую редкость: окно в Европу, прорубленное знаменитым дедушкой русского флота Петром Великим (*берет окно, обклеенное бумагой.*) Извольте видеть! Окно до прорубания...... (*протыкает бумагу кулаком.*) Оно же — после прорубания. Теперь вернемся к самой грубой древности, когда народу ни черта не было, окромя Адама и Евы, да и те гольем в раю жили. Тут есть несколько редкостей, найденных в раскопках, как-то: ребро Адама, из которого была сделана Ева (*показывает обыкновенную обглоданную кость от окорока*). Кость, как вы видите — не мозговая; потом яблоко от дерева познания добра и зла. (*Пока он говорит, помощник медленно жует яблоко.*) Это яблоко наибольшая музейная редкость, купленная мною у одного пустынника за 500 фунтов стерлингов (*смотрит на помощника).* Опять! Лопаешь! 40 копеек фунт, а ты, как свинья... (*вырывает*). Извольте видеть — подлинное яблоко, без всякого жульничества — единственная польза науки! (*Откусывает сам, кладет на стол.)* Окромя того, из этого периода есть у меня в музее тот самый змей, который соблазнил Еву на съедение этого фрукта — вот, извольте убедиться, — это единственный змей. (*Помощник передает ему детский змей, сделанный из бумаги и палочек.*) И ежели вам в другом музее покажут второй экземпляр — прошу составить протокол за нарушение спокойствия! Перевернемся в другую эпоху и полюбуемся с научной целью на тот гвоздь, которым его сиятельство князь Олег прибил щит на вратах Царьграда (*Ищет на столе.*) Где гвоздь?

Помощник. Актеры в стенку вбили. Пальт вешать не на чем.

Директор (*шепотом*). Какого черта! Они уже седьмой гвоздь тащут. (*Вынимает из-за лацкана булавку, громко.*) Вот, господа, тот маленький гвоздичек, которым Олег прикалывал щит до ворот! Драгоценная, научная редкость! (*Машинально бросает на пол.*) Поворачиваясь спиной к этой эпохе, мы натыкаемся на другую эпоху, именно, когда Вильгельм Телль стрелял в голову своего сына. Швейцарами назывался народ, живущий в Швейцарии и делавший швейцарский сыр, в отличие от голландского народа, живущего в Голландии и делающего голландский сыр, что не помешало Вильгельму Теллю положить на голову сынишки яблоко и выстрельнуть. Вот та самая пуля, которой он из ружья бабахнул...

Голос из публики. Позвольте! У Телля не ружье было, а лук...

Директор (*развязно*). Простите, такая масса редкостей, что запутаешься. Действительно, он из лука стрелял. Мальчик! Лук! (*Помощник подает луковицу.*) Извольте видеть — подлинный лук! Однако перенесемся в другой переод. Вот то перо, которым Лестор Нетописец писал свои нетописи (*показывает стальное перо*).

Голос из публики. Неправда! Тогда стальными перьями не писали. Гусиные были.

Директор (*раздраженно*). Вас не спросили действительно! (*К помощнику шепотом.*) А ты не мог пойти на кухню и у повара попросить! Дармоед свинячий! (*Громко.*) Теперь, господа, обратимте наше такое внимание на чудеса природы, той природы, которую, как говорится, гони в дверь — она, дрянь такая, влезает в окно! Наибольший мировой уник — это наш музейный карлик Чарли Вуд, по справедливости считающийся восьмым чудом света. (*Помощник снимает усы и надевает жокейную шапочку.*) Вот, господа, Чарли Вуд! Самый большой карлик в свете!! (*Выводит вперед за руку.*) Чудо природы (*заученным тоном*). Как вас зовут?

Помощник (*мрачно*). Петр Васильевич!

Директор. Это его по-русски. В переводе — Чарли Вуд. Сколько вам лет?

Помощник. 25.
Директор. Родители ваши нормальны?
Помощник. Нормальные (*мрачно*). По крайней мере глупых вопросов не задают.
Директор. Скажите стишки публике.
Помощник (*деревянным голосом*).

Онегин, я скрывать не стану,
Безумно я люблю Татьяну.
Онегин, я была моложе
Лучшее, кажется, была.

Директор. Благодарю вас. Можете предложить публике свои карточки.
Помощник (*берет ресторанное меню, идет в публику*).
Директор. Да не те (*шепотом*). Дубина! (*Громко.*) Вернитесь! (*Помощник возвращается.*) Сейчас я покажу другое чудо природы. Великан Джон Веверлей! Природа дает нам много загадок и привидение никогда не оставляет человека, почему научные силы и действуют разно на организм, заставляя его меняться в свою пользу. (*Помощник надевает другую шапочку и снимает пиджак.*) Вот, господа, честь имею показать Джона Веверлей — самого маленького человека в мире... Этот единственный экземпляр родился в штате Небраски и происходит от небогатых родителей. Как вас зовут, великан?
Помощник. Петр Васильевич.
Директор. Это в переводе на русский. По-американски — Джон Веверлей. Сколько вам лет?
Помощник. 25.
Директор. Чем занимаетесь?
Помощник. Великанствую.
Директор. Чем питаетесь?
Помощник. Рыбой, мясом, хлебом. Что дадут — все ем!
Директор. Когда сделались великаном?
Помощник. Недавно.
Директор. Скажите публике стихи.
Помощник. Люблю грозу в начале мая,

Когда весенний первый гром,
Летит кибитка удалая,
Бразды пушистые взрывая...

Директор. Поклонитесь публике. Поблагодарите за внимание. А теперь от этого чуда природы перешагнем в другое, так называемая — говорящая голова. Куплена в Сицилии, почему может ответить на любой вопрос, на любом языке (*показывает картонажную голову на тумбе*). Вы видите — нет ни рук, ни ног, а говорит так, как не всякий, с руками и с ногами скажет. Желающие из публики могут задавать вопросы, но голова отвечает только на умные вопросы. Будьте любезны задать ей вопрос, не стесняйтесь!

Голос из публики. Слушай, голова! Если ты ешь, так куда это все девается? (*Пауза.*)

Директор. Господа, я же предупреждал вас — голова отвечает только на умные вопросы! Ну кто еще хочет спросить? Господа, пожалуйста! (*Пауза.*) Никто? Помощник, тащите голову (*помощник подходит и меланхолично тянет директора за голову*). Да не мою! Вот убоище-то! Не мою, а эту! Говорящую! Теперь позвольте вам демонстрировать самый любопытный мировой феномен из высшего аристократического общества!! До сих пор мы видели глухих, немых и слепых из плебейского мира, а теперь мы приобрели этот уник из самого высшего света. Граф, пожалуйте! (*Помощник надевает цилиндр и монокль*). Позвольте, господа, мне задать несколько вопросов, чтобы вы убедились, что этот уник действительно глухой, слепой и немой. Здравствуйте, граф!

Помощник (*протягивая руку*). Мое почтение... Как здоровьице?

Директор. Вы глухой?

Помощник. Очень. Ничего не слышу.

Директор. Вы немой?

Помощник. Ясное дело — немой. Что вы, не слышите, что ли?

Директор (*гордо*). Почтеннейшая публика может убедиться. Вы теперь и слепой?

Помощник. Слепой!!! (*Увидев знакомого в публике, раскланивается.*)

Директор. Где вы родились?

Помощник. В воспитательном.

Директор. Чем питаетесь?

Помощник. Каклетами.

Директор. Прочтите публике стишки.

Помощник. Как же я буду читать, когда я немой? Думайте, что говорите.

Директор. А ... Гм... да... Поблагодарите публику за внимание. Теперь, господа, заключительный номер нашей программы: грандиозная живая картина — пир в богатом греческом Константинопольском доме на 40 персон (*Помощник показывает большой поднос, на котором масса вилок, 1 рюмка дузико и одна маслина.*) Музыка... вальс! Дирекция покорнейше благодарит культурную публику за внимание и завтра же проездом через этот город даст новое грандиозное представление. Мишка, убирай редкости!

Занавес

КЛЮЧ

Комедия в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Муж.
Жена.
Молодой человек.

Будуар. Ночь. Налево туалетный столик. Кушетка. Направо круглый стол, 2–3 стула. Жена лежит на кушетке читает. Он (муж) работает в соседней комнате

Она (*встает, подходит к двери*). Что ты делаешь?

Он (*из другой комнаты*). Пишу-у..

Она. О чем?

Он. О газогенераторах.

Она. Фи, какая гадость. Это что? Покойники, что ли?

Он. Что ты, милая! Это машины такие!

Она. Фи, какая тоска. На них катаются?

Он. Зачем же на них кататься? Придет же такое в голову!

Она. Слушай, а ты знаешь, — уже поздно... Пора спать. Что ты об этом думаешь?

Он. Ложись!

Она. А ты?

Он. А я еще допишу главу, пороюсь в словаре.

Она. Ты знаешь, я уже переоделась на ночь и надела новый пеньюар.

Он. Ну?

Она. Хочешь взглянуть?

Он. После, после...

Она. Ну выйди, что тебе стоит. Ну — пожалуйста... мне скучно!

Он. Подожди, милая... Вот кончу...

Она (*хлопает с досадой ладонью по столу. Потом — лукаво*). А мне вчера офицер на автомобиле, когда я гуляла, воздушные поцелуи посылал... Слышишь?

Он. Да, да! Красивый?

Она. Кто?

Он. Автомобиль.

Она. Какое мне дело до автомобиля! А зато офицер был прехорошенький. И... знаешь, что? Я ему улыбнулась и махнула перчаткой.

Он. Удивительно, как это ты не забыла перчаток дома. Ты их всегда забываешь.

Она (*стучит кулаком по столу*). Дерево! Дерево! Чугунная голова! Ты совсем меня не любишь. Другой бы за это — сцену устроил. Накричал, поколотил бы...

Он. После, после! Вот допишу главу, выйду и поколочу.

Она. Тогда уж не надо. Тогда поздно. (*Видит на столе колокольчик, шаловливо звонит*). Ты слышишь?

Он. Что еще такое?!!

Она. В передней звонят. Выйди, милый, сюда — открой дверь.

Он. Пусть прислуга откроет.

Она. Она спит... (*звонит*). Кто бы это мог быть?

Он. Вероятно, по ошибке. Ну, какой дурак может звонить в 11 часов ночи?

Она. Дурак? Почему же уж и дурак? А вдруг это кто-нибудь из знакомых? Я сама пойду открою! (*Делает вид что пошла, потом возвращается.*) Вот приятный сюрприз! Георгий Николаевич! Вы у нас 1000 лет не были. Что это вам вздумалось, на ночь глядя, нас навестить? Впрочем, я вам так рада! Здесь (*в сторону мужа*) такая тоска... Вы извините, что я в пеньюаре с голыми руками. Не смотрите на меня. (*Басом*). А муж дома? (*своим голосом*) Муж? Тсс... Говорите тише. Он занимается в той комнате. Заперся. Не будем ему мешать. Садитесь, пожалуйста (*двигает сту-*

лом). Расскажите, где бывали, как поживаете? (*Басом.*) О, ничего, благодарю вас!! (*Своим голосом.*) А я все тут сижу одна, скучаю. (*Басом.*) Вы скучаете? Такая интересная и очаровательная женщина скучает? (*Своим голосом.*) Тсс, тише, вы мешаете мужу работать. Ну что, вспоминали ли это время обо мне? Я вас так давно не видела. (*Басом.*) Все время я только думал о вас... Помните наши прогулки в парке, помните ту скамейку... (*Своим голосом.*) Тсс... тише! Не надо вспоминать об этом... Что было — то прошло. (*Басом.*) Да почему же прошло? Нет, не прошло. (*Своим голосом.*) Не надо, не надо! Бываете в театрах? (*Басом.*) Вы по-прежнему прекрасны! Какие у вас красивые руки! (*Своим голосом.*) Ах, пожалуйста, не смотрите... В этих пеньюарах рукава такие короткие. Бываете в театрах? (*Басом.*) Я всегда думал о ваших руках. Дайте мне левую (*Своим голосом.*) Зачем? Не надо! Бываете в театрах? (*Басом.*) Я ее поцелую. Помните, как тогда! (*Своим голосом.*) Как вам не стыдно... Муж за дверью работает, а вы мне такие вещи говорите... Где были в этом сезоне в театрах? Не трогайте мою руку!.. Ну? Не трогайте! Сидите смирно! Ну, нате вам мою руку, целуйте и успокойтесь (*целует свою руку, прислушивается, целует еще раз.*) Тсс... я вам разрешила один раз, а вы чуть не сто целовали. С ума сошли! (*Басом*) Я хочу курить. Есть спички? (*Своим голосом.*) Сейчас, сейчас! Вот, курите. (*Чиркает ногтем по стулу.*) Ой, погасла (*опять чиркает*). Нате! (*Притворно кашляет.*) У, какой дым! Задохнуться можно! Как вы, мужчины, можете курить?.. Не трогайте мою руку! За это по рукам получите! (*Бьет себя по руке.*) Ой! Ага! Схватили? Сидите смирно! Ну, расскажите, как вы проводите время? Бываете в театрах? Ай, у меня туфелька с ноги соскочила... Наденьте! Будьте моим рыцарем (*со стуком становится на колени*). Не трогайте ногу!! Можно и так надеть. Ай, слушайте, разве туфелька так надевается?! Оставьте, опять по рукам получите! Сядьте! (*Тяжело дышит.*) Оставьте! (*Садится.*) Ну вот и сидите! (*Что-то бормочет.*) Что? Ну, руку можно поцеловать. Только один раз. Ах, Боже

мой, вот надоели! (*Целует руку несколько раз.*) Что? Поцелуй в шею? Вы с ума сошли! Оставьте, не надо! Не трогайте меня! Я закричу! Расскажите лучше, где бываете? Да, оставьте же меня!!! Не надо! Он там в соседней комнате, он услышать может. Я порядочная женщина... Ни за что! Ни за что! (*Страстно.*) Я сама себя после презирать буду! (*Кричит.*) Да оставьте же! (*Имитирует борьбу, роняет стул — слабым голосом.*) Безумец! Вы мне весь пеньюар порвали! Смотрите, что с рукавом сделали! (*Басом.*) Еще один поцелуй и я уйду (*Своим голосом.*) Не сейчас... после... Вы сейчас не бритый и всю щеку исцарапали (*капризно*). У вас такая колючая борода (*прислушивается, досадливо машет рукой*). (*Басом.*) Мы должны увидеться завтра... Слышишь? Я не могу жить без тебя (*Своим голосом.*) Хорошо! Хорошо! (*Нежно.*) Милый, бесценный мой! (*Целует руку.*) А теперь уходи, уходи! Он может каждую минуту выйти... Завтра в половине седьмого... У тебя. Ах, портсигар забыл, возьми портсигар!! (*бегает по сцене, имитирует шаги мужчины, прислушивается, садится, начинает плакать — все сильней и сильней. Выходит муж*).

Он. Милая, что ты? Что с тобой? (*Она плачет.*) Впрочем, я знаю, почему ты плачешь... Тебе его жалко...

Она (*сквозь слезы*). Кого?

Он. Твоего любовника. Положение его действительно затруднительное.

Она. Почему?

Он. Еще бы! Ему, взрослому человеку, пришлось лезть, как червяку, в замочную скважину...

Она (*изумленно*). Что ты говоришь?

Он. Да очень просто! Иначе он войти не мог. Потому что входная дверь заперта и ключ от нее у меня в кармане (*показывает ключ*).

Она (*вырывает ключ*). Ага, значит напрасно старалась?!. Так вот, почему ты был так спокоен? Ключ!

Он (*самодовольно*). А ты же что думала? Я, брат, хитрый! Я, брат, умный! (*Уходит.*)

Она. Как это вам понравится. Ключ был у него! (*Звонок*). Гм... звонок! Кто бы это мог быть? (*Задумывается*

на секунду.) Пойду открою! (*Берет ключ, уходит. Входит с* М о л о д ы м ч е л о в е к о м.) Боже, вот не ожидала! Владимир Николаевич! Что это вы пришли так поздно? Ну, садитесь!

М о л о д о й ч е л о в е к. Разве так поздно? А на моих 10.

О н а. Ну, что вы? А на наших уже двенадцатый!

М о л о д о й ч е л о в е к (*изумленно*). Разве? Какое совпадение! (*С волнением.*) А знаете, зачем я к вам пришел?

О н а. А зачем? Не знаю...

М о л о д о й ч е л о в е к. Затем... что вы мне ночью снились!

О н а. Тише! Что вы, с ума сошли? В соседней комнате муж!

М о л о д о й ч е л о в е к (*глядя ей в глаза, значительно*). Вы знаете, к а к вы мне снились?

О н а. Ну, перестаньте об этом... Довольно... Бываете в театрах? (*с любопытством*) А ... как я вам снилась?

М о л о д о й ч е л о в е к. Вы знаете, как вы мне снились?

О н а. Бываете в театр...

М о л о д о й ч е л о в е к (*обнимая ее*). Вот так! (*Целует.*) Вот так! Вот так! И еще вот так!

О н а. Но это наглость! Вы себе слишком много позволяете. Муж услышит, он здесь.

М о л о д о й ч е л о в е к (*в экстазе*). Хоть 700 мужей!! (*Страстно.*) Ты должна быть моей!

О н а. Вы с ума сошли. Это уж слишком...

М о л о д о й ч е л о в е к. Ты должна быть моей! Иначе я наделаю 145 безумств, 1350 сумасшествий! Обещай! Обещай, что ты будешь моей! Завтра в 7 час. будь у меня! (*Поцелуй.*)

О н а (*оглядываясь на дверь*). Хорошо, хорошо! Только уходите! Бываете в театрах?

М о л о д о й ч е л о в е к (*целуя*). Бываю... Бываю!

О н а. Тише же... В каких?

М о л о д о й ч е л о в е к. Чего... В каких?

О н а. В каких театрах?

М о л о д о й ч е л о в е к. А-а! Преимущественно в фарсе! Так до завтра? Да?

О н а. Умоляю вас, уходите! Вы меня погубите.

М о л о д о й ч е л о в е к (*уходя*). Прощай, моя царица!

О н а (*растерянно*). Прощай, мой царицын! (*выпроваживая его.*) Фу...

Входит муж.

Он. Послушай, милая моя! Я тебе хочу дать один совет... Никогда не нужно переигрывать... в первый раз это у тебя хорошо вышло: эта борьба, поцелуи, страстный диалог. На одну минуту даже я поверил, было. А второй раз нехорошо сыграла — неестественно. И потом, почему ты думаешь, что я, не попавшись на удочку в первый раз — попадусь во второй! Тем более, что ключ у меня в кармане. Хе, хе, хе! (*Ищет в кармане.*) Вот он... Вот... здесь, что ли? Нет... Здесь, что ли? Где же он? (*На лице испуг.*) Ключ! Ведь ты его у меня взяла! (*В отчаянии.*) Ключ! Ключ! (*К публике.*) Господа, здесь никого не было? (*Самодовольно.*) Ну, то-то. Я хитрый, я ловкий... Ох и ловкий же я — до невероятности!..

Жена, уткнувшись в подушку, истерически хохочет.

Занавес

ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ КОСТЬ

Комедия в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Муж } Ландышевы.
Жена }

Генерал Челищев.
Швейцар Чебурахов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса Ландышев и Лидочка сидят за пасхальным столом. Она чистит яблоко, он читает газету.

Лидочка (*бросает нож, подносит палец к губам*). Ой!
Ландышев. Что такое?
Лидочка. Проклятое яблоко — вот палец себе обрезала!
Ландышев. Яблоком обрезала?
Лидочка. Нет, ножиком.
Ландышев. Так чего ж ты яблоко ругаешь?
Лидочка. Ну, ножик проклятый.
Ландышев. Тупой, что ли?
Лидочка. Нет, очень острый.
Ландышев. Но ведь ты же сама давеча просила точильщика поточить поострее! Чем же нож виноват?
Лидочка (*капризно*). Ну, точильщик проклятый.
Ландышев. Однако, ты ведь его сама просила.
Лидочка. Так я тебе скажу, кто проклятый — газета твоя проклятая!

Л а н д ы ш е в. Здравствуйте! Ну знаешь ли...

Л и д о ч к а. Да, конечно. Если бы ты ее не читал — взял бы сам нож, да и почистил яблоко!

Л а н д ы ш е в (*ласково подходит, целуя ее в голову*). Ну, куда ты годишься? Ты разве человек? Ты полчеловека. Ты ничего в жизни не понимаешь...

Л и д о ч к а. Уж молчал бы лучше! А ты, понимаешь?

Л а н д ы ш е в. Гм! Положим, и я ничего почти не понима... жизнь такая запутанная... в древности-то хорошо было: хочется тебе есть — подстерег медведя или мамонта, треснул камнем по черепу — и сыт! Обидел тебя сосед, подстерег соседа, треснул камнем по черепу — и восстановлен в юридических правах; захотел жениться — схватил невесту за волосы, треснул кулаком по черепу — и в лес! Ни свидетельства на право охоты, ни брачного свидетельства, ни залога в обеспечение иску соседу — ничего не требовалось! А теперь все так сложно, так непонятно. Захотел жениться — хлопочи! Предъявляй какие-то документы, метрические, где-то расписывайся, что-то кому-то плати, кого-то целуй, кого-то поздравляй, кто-то тебя целует, кто-то тебя поздравляет — и что к чему — совершенно ничего не понятно: главное дело, что я путаю, кому когда заявлять!? Есть церковь, полиция и медицина. От нашего рождения до самой смерти над нашей жизнью и смертью царит священник, доктор и околоточный. Но кого в каких случаях и в каких комбинациях призвать на помощь — сам черт ногу сломит! Вон у нас, наверное, будет ребенок... Что мы с ним будем делать?! Конечно, нужно пригласить докторов... Ну, а священника?.. Приглашать?.. А в полицию заявить надо? Кто-то должен дать какое-то свидетельство или удостоверение. А кто? — Господь его ведает!

Л и д о ч к а. Неужели, если у нас будет ребенок — ты в полицию заявишь? Какая подлость.

Л а н д ы ш е в. Милочка, а как же? Ведь это — беспорядок в доме.

Л и д о ч к а. А может быть... нотариусу заявишь?

Л а н д ы ш е в. Спрячься ты со своим нотариусом! Я тебя на днях послал к старшему нотариусу, а ты кого привела? Какого-то лысого писца?!

Лидочка. А я думала, что как лысый, значит он и старший...
Ландышев. А кто сырые яйца покрасил, а потом варил? А кто окорок обойными гвоздями утыкал? А кто мазурку испек на нотном листе?!
Лидочка. А ты зачем, когда квартирный контракт подписывали — полицию пригласил? Над кем тогда смеялись?
Ландышев. А ты... а ты...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

В дверях показывается швейцар Чебурахов. При виде его супруги вскакивают и, прижавшись друг к другу, растерянно поглядывают на швейцара.

Чебурахов. Здравию желаю! Имею честь поздравить с праздником приснoблаженного Светлого Христова Воскресения и пожелаю вам встретить и провести оного в хорошем расположении и приятном сознании душевных дней торжества его!..
Ландышев (*стараясь быть солидным*). Да, да! Спасибо, голубчик. И тебе того же!.. Воистину, как говорится! Сейчас, сейчас! Вы тут... тово. Я только вот тут... распоряжусь! (*Направляясь к другим дверям.*)
Лидочка (*бежит за ним*). Постой (*шепотом.*) Ты чего же меня одну бросаешь? Что я с ним буду делать?
Ландышев (*шепотом*). А что я буду делать?
Лидочка. Как что? Не знаю. Что в таких случаях полагается? Ну, похристосоваться с ним, что ли, по русскому обычаю...
Ландышев. С швейцаром-то?
Лидочка. Я уж не знаю... Я в «Ниве» видела картину, как древние русские цари с нищими по выходе из церкви христосовались. А тут все-таки не нищий...
Ландышев. Да постой! Значит, я должен с ним поздороваться за руку?..
Лидочка. Почему же? Просто поцелуйся.
Ландышев. Постой... Присядем тут, на диванчик (*садятся*). Разберемся. Но ведь это моя милая — абсурд! Целовать можно, а руки подать нельзя!
Лидочка. Кто же швейцарам руку подает? А поцеловаться можно — это обычай. Древние цари, я в «Ниве» видела...

Ландышев. Постой... А что, если я просто дам ему на чай?..

Лидочка. Мм... Не обидится ли он? Человек пришел с поздравлением, а ты ему вдруг деньги суешь. Он, может быть, от полноты сердца, а ты... У этих рабочих людей удивительно больное самолюбие.

Ландышев. Это верно. Но просто похристосоваться и сейчас же его выпроводить — это как-то неловко... Сухо выйдет... Может быть, предложить ему закусить?

Лидочка. Пожалуй... Только как поудобнее это сделать? К столу его подвести и угостить или просто дать покушать в стоячем положении?..

Ландышев (*вставая*). Э, черт с ним, с этими штуками. Смешно право: мы тут торгуемся, а он стоит в самом неловком положении! Я, милая моя, люблю, чтобы — как в старину! В такой праздничек все равны. Пойдем! (*Походит к швейцару и, постояв перед ним, с радостным криком раскрывает ему объятия.*) А-а-а! Дорогой гость! Христос Воскресе! Ну-ка, по христианскому обычаю... (*Целуются.*)

Чебурахов. Пожелаю вам всяких подробных удовольствий естества вашей возможности благоустройства.

Ландышев. Спасибо, спасибо, голубчик! Не выпьете ли рюмочку водки? Пожалуйста, к столу закусить! Лидочка, вот... познакомьтесь... это наш швейц... Наш... заведующий подъездом! Садитесь! (*Усаживаются.*) Позвольте, я вам стаканчик (*наливает, чокается, швейцар ищет куда бы положить свою фуражку, не найдя подходящего места, надевает на голову*).

Лидочка. Позвольте, я положу вашу фуражку... (*берет у него фуражку, кладет на стул*).

Чебурахов. Ну-с, с начатием праздничного удовольствия всяких человеческих удобств — ваше здоровье! (*Муж наливает.*) Закусите, пожалуйста (*пьют; долгая пауза*).

Лидочка (*на ухо мужу*). Поговори же с ним о чем-нибудь... что ты молчишь? Неудобно.

Ландышев. Можете представить — я служу в цементном обществе! И у нас в год идет миллион бочонков цемента.

Чебурахов (*глубокомысленно*). Н-да... Цемент, он действительно. Это что и говорить. А то еще кирпич есть. Тоже здорово!

Лидочка толкает мужа в бок.

Ландышев. Жизнь теперь, этого... вздорожала. Еще рюмочку!

Чебурахов (*пьет*). Да уж... не извозчик пошел, а какой-то эфиоп собачий. Ей-Бо, право!

Ландышев. Почему?

Чебурахов. Да нешто его от подъезда отгонишь? Ни Боже ты мой! А жильцы протестуются. Отчего это, говорят, у тебя подъезд весь в извозчиках. Канальи! Верно я говорю?

Ландышев. Скажите, вы довольны вообще жильцами?

Чебурахов. Это какой жилец, смотря, попадется... (*Берет рукой кусок ветчины, закатывается долгим смехом, размахивая ветчиной в воздухе*). Хи-хи-хи! Вот жилица из третьего номера, которая будто что массажистка — та дюже хорошая. Ну, брат, и массажистка же... (*Смеется, хлопает Ландышева по коленям.*) Ей-Бо, право! Кто не придет до ей — молодой ли, старик — меньше полтинника в руку не сунет. Здорово, а?!

Ландышев (*уныло*). Д-да. Бывает.

Чебурахов. А то какой-нибудь ошалевший с ее человек и трешку пожертвует. Ей-Богу!

Лидочка. Бываете в концертах?..

Чебурахов (*презрительно*). Чего? (*Пьет.*) А с четырнадцатого номера музыкантша — прямо будем говорить — гниль. Ни шерсти, ни молока. Шляются ученики — сами такие, что гривенник рады с кого получить! Старая, шельма! Никуда. Понимаете, молодой человек... (*Толкает Ландышева в бок.*) Ни... Никуда! Го-го-го!..

Лидочка. А вы знаете, мы на прошлой неделе с мужем были в оперетке.

Чебурахов. Бывает. У нас в запрошлом годе тоже одна тут жила из оперетки, в третьем номере. Так что ж вы думаете — один ейный хахаль драл ее как сидорову козу. Сначала друг друга по шеям охаживают, охаживают, а потом выйдет и мне десятку в руку: помалкивай, мол. Эфиопы! Верно я говорю?

Лидочка. Но, однако, есть же жильцы, которые живут и культурной жизнью?..

Чебурахов. Чего-с?

Лидочка. Я говорю: живут культурной жизнью.

Чебурахов. Это есть. Вот, к примеру, в девятом номере дамочка с мужем живет — так прямо памятник ей поставить! Как муж за дверь — так, гляди, каваргард на резинках подлетает. И уж он тебе меньше целкового никогда не сунет. Нет-с! Это уж извините-с! (*Хлопает Ландышева по коленке.*)

Ландышев. У вас, знаете ли, слишком односторонний взгляд на жильцов.

Чебурахов (*выпивая рюмку*). Во-во. Что же я и говорю. (*Постепенно пьянея.*) Жилец жильцу рознь! К одному явишься с праздником — он тебе пятишку в лапу — на, душа, разговляйся! А другой, голодранец, на угощении норовит отъехать. А что мне его угощение? Если я на полтинник водки тяпну, да на целковый закуски — так начхать мне на это! Какой ты после этого жилец?! Что? Верно? Я генерала Путляхина уважаю, потому что это настоящий барин: «Кто там пришел на кухню?» — Говорят: «с лестницы поздравляют!» «Дать ему зеленую в зубы, и пусть убирается ко всем чертям!» Во! Вот это барин! А так что?

Ландышев. Позвольте! Я вам тоже дам на чай.

Чебурахов (*развалившись, презрительно*). От вас? На чай? Разве от таких берут? Унизил меня, а потом — на чай? Не-ет, брат, шалишь... Какая вы мне компания, а? Так — шарлы-барлы и больше ничего! Верно я говорю? Верно! (*Кладет голову на руку.*) Налей еще рюмочку! Эх, хватить, что ли во здравие родителей. (*Поет.*)

Пущай могила меня накажет,
Я все же милую любил ...

(*Пьет из бутылки, поет.*)

Невеста была в белом платье,
Жених был весь в черных штанах.

Ландышев (*пошептавшись с женой*). Послушайте, этого... швейцар! Вот вам два рубля и можете идти, швейцар.

Чебурахов. Не надо мне ваших денег! Верно? Меня господа обидели! (*бьет себя в грудь*). За что обидели, а?

Ландышев. Уходи́те отсюда!

Чебурахов. Что-а? Сам уходи, трясогузка! Ну и извозчик же нынче пошел! Прямо хоть с городовым его... (*опускает голову на руки, дремлет*).

Лидочка (*плача*). Ну что мы с ним будем делать, полюбуйся!

Ландышев. Да черт с ним — проспится и сам уйдет.

Лидочка. А мы-то куда денемся? Тоже мне мужа Бог послал: со швейцаром связался. Хорошее общество, нечего сказать!..

Ландышев. Да ты сама же говорила, что в «Ниве» видела, как цари..

Лидочка. То царь, а то ты... Тоже! Много о себе воображаешь! Нет, ты мне лучше скажи, что мы теперь с ним будем делать?

Ландышев. А знаешь что? Пойдем к маме. Часика три у нее посидим, а потом справимся по телефону: ушел он или нет? Постой, я сейчас пальто принесу.

Лидочка. Эх, ты... дурачок. Ну дай я тебя поцелую!..

Ландышев. Если бы ты не сказала, что в «Ниве» так делается — я бы и не знал этого...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и генерал Челищев — дядя Лидочки. Он в полувоенной форме.

Челищев (*В дверях*). Христос Воскресе, мои дорогие... Это... это что еще за фигура?!! А вы куда собрались?

Лидочка (*бросается ему на шею с плачем*). Дядечка! Дядя милый — спаси нас! Пришел швейцар, расселся, напился пьяный и хотел нас из дому выгнать... Скажи ему, дядечка...

Челищев. Что т-такое?! А вот я его сейчас. Встань, каналья!!!

Чебурахов (*в ужасе вскакивает*). Здравья желаю ваше... ссс...

Челищев. Я т-тебе покажу здравие! Где фуражка? (*Лидочка подает*). Налево кр-ругом арш! Вон отсюда, каналья!!! П-шел!

Чебурахов. Вот это ба-арин! Сразу видно — настоящий! Желаю здравствовать, ваше прев-ство! (*бодро маршируя, исчезает в дверях*).

Лидочка (*к мужу*). Ну, вот — учись, дурачок!

Занавес

Несколько слов по поводу «Бочки красного вина» и «Флирта Розенберга»

Будучи русским человеком, я очень люблю еврейский юмор. Он всегда ярок, краток и блестящ.

Здесь я помещаю два еврейских скетча.

Большая часть текста — моя, но кое-что есть и от ходячего еврейского анекдота.

Очень прошу читателей то, что им особенно понравится — отнести на мой счет, менее же удачное — отнести на счет еврейского анекдота.

Читателю все равно, а мне будет приятно.

Автор

БОЧКА КРАСНОГО ВИНА

Мозаика

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Помещик.
Комиссионер.

Номер гостиницы. Помещик сидит, читает газету. Стук в дверь.

Помещик. Ну, кто там?
Комиссионер. Что значит, кто? Я!

Помещик. Кто это — я?

Комиссионер. Я! Когда это я — так я говорю я! Если бы был другой, он сказал бы — другой!

Помещик. Что нужно?

Комиссионер. Что мне нужно? Вы спросите, что мне нужно. Ой, вы знаете — я ужасно боялся к вам идти.

Помещик. А что?

Комиссионер. Да около ворот лежала такая большая собака, что я прямо испугался.

Помещик. Ну, вот глупости! Вы же знаете, что большие собаки не кусаются.

Комиссионер. Видите, что... Я-то знаю, но я боюсь, что эта собачка этого не знала.

Помещик. Кто вы такой?

Комиссионер. Я? — Глобус!

Помещик. А-а! Глобус! Я слышал о вас. Слушайте — это совершенно неудобно. Вы знаете, весь город говорит о том, что зубной врач Кегельман живет с вашей женой.

Комиссионер. Подумаешь, какое счастье! Захочу — так я тоже буду жить с ней!.. (*Садится на стул, на котором лежит шляпа помещика*).

Помещик. Слушайте! Вы сели на мою шляпу!

Комиссионер. А вы разве собираетесь уходить? Ну, нате вам вашу шляпу. Я тоже так на одном балу сел на чужой стул... Вдруг чувствую, откуда-то дует!

Помещик. Что же это было?

Комиссионер. Это я, знаете, на веер сел. Что нового слышно за войну?

Помещик. А вы интересуетесь войной?

Комиссионер. Ну! Сам же я на войне был. Ой, как я сражался!..

Помещик. За родину сражались?

Комиссионер. Нет, за Рабиновича.

Помещик. То есть, как?

Комиссионер. Подвел, паршивец! Из-за него пришлось в солдаты идти. Понимаете, встречаю я его на улице — он спрашивает: «Яша, почему ты такой грустный»? Что значит почему? Когда человеку в солдаты на войну надо идти, так какое тут веселье! А он говорит: «Знаешь, тебя могут не забрать»! А что надо делать?

«Очень просто!», — он мне говорит, — «пойди ты домой и три дня читай подряд по три раза три главных еврейских молитвы... Три раза туда, потом три раза назад»... «Что ты говоришь? Помогает?» — «Замечательно!» Так я пошел и три раза, три дня читал молитвы и туда и обратно — куда угодно. Так, знаете, что? На четвертый день прихожу в приемную комиссию, а там говорят: «Годен!» Встречаю этого идиота Рабиновича... «Ну что?» спрашивает. — «Что же ты мне крутил голову с молитвами — забрали!» — «Что ты говоришь? А ты молитвы аккуратно читал?» — «Ну да! Три раза туда и назад». — «Слушай, а грыжа у тебя была?» — «Нет, не было». — «Так чего же ты тогда лез со своими молитвами?» Видали вы такого Рабиновича? Ну и пошел воевать. Ой, какие ужасы на войне. Одно такое место было, что только артиллерия и кавалерия могла пройти, а пехота — никак!

Помещик. Ну что вы за вздор говорите. Если артиллерия и кавалерия проходила, то пехота и подавно могла пройти.

Комиссионер. Нет, не могла, я сам в разведке был — так и донес, что пехота пройти не может.

Помещик. Почему?

Комиссионер. Собак было много. Страшно кусались.

Помещик. Вы затем и пришли, чтобы рассказывать мне эти истории?..

Комиссионер. Зачем за этим — я за другим. Слушайте!.. Есть товар! Хотите купить?

Помещик. Какой товар?

Комиссионер. 15 тонн секундных стрелок и 15 тонн повидла.

Помещик. Секундных стрелок мне не нужно, а повидло я бы, пожалуй, взял.

Комиссионер. Нет, отдельно не продается.

Помещик. Почему?

Комиссионер. Видите, тут одно маленькое неудобство — стрелки смешались с повидлом. Их еще студова выбирать нужно.

Помещик (*смеется*). Хороший товар! Я вам вот что посоветую. Предложите его моему приятелю Волкодавову...

Комиссионер. О-о, нет. Вы знаете, я к нему отношусь с заметным отвращением. Он хотел, понимаете, вчера ударить меня по морде...

Помещик. Откуда вы знаете, что он хотел?

Комиссионер. Так он уже ударил.

Помещик. Что же вы говорите, — хотел?

Комиссионер. Ну, если бы он не хотел, так он бы не ударил.

Помещик. За что же это он с вами так невежливо обошелся?

Комиссионер. Понимаете, он при мне рассказывал один случай, так совсем не так, как было. Он говорил, что знал одного человека Соловейчика, который в Бахмуте на свой теноровый голос заработал 800 рублей. Так я ему говорю: ничего подобного. Я знаю этот случай и дело было иначе: во-первых, не Соловейчик, а Воробейчик, не в Бахмуте, а в Рахмиштровке, не на теноровый голос, а на старой железе, не 800 рублей, а 300, и не заработал, а потерял. Ну?..

Помещик. Очень похоже! Ну проваливайте, я спать хочу.

Комиссионер. Что значит проваливайте, когда я еще главное не сказал. Знаете, зачем я к вам пришел? (*Хлопает помещика по плечу.*) Есть вино!

Помещик. Вина мне не надо.

Комиссионер. Я вам говорю, есть вино!! Так это такое вино, что пальчики оближите. Красное, прямо ужас какое.

Помещик. Говорю же вам, не надо. Я не пью вина.

Комиссионер. Вы не пьете? Так вы будете пить! Что вам трудно, что ли? Это вино имеет такой букет, что прямо можно в петличку вставить. Вино — чистейшей воды!

Помещик. Говорю же вам, отвяжитесь с вашим вином. У меня горло болит — разговаривать трудно.

Комиссионер. А вы думаете, мне легко? Горло болит — так вы примите что-нибудь против вашего горла.

Помещик. Не помогает. Я гоголь-моголь принимал.

Комиссионер. И гоголь-моголь не помогает? Что вы говорите?! Так если гоголь-моголь не помогает, попробуйте Пушкин-Мушкин принять — тоже был хороший писатель.

Помещик. Проваливайте с вашими советами.

Комиссионер. Нет, кроме шуток, возьмите бочечку красного вина. Прямо, знаете, такое вино, что жена и дети ваши будут пить, как лошади.

Помещик. Русским языком вам говорят — не надо! (*Встает и нервно ходит.*)

Комиссионер (*ходит за ним*). Слушайте! Если вы не купите и не будете пить этого вина — это будет прямо саботажничество! Я вам не предлагаю 10 бочек, возьмите одну. Так...

Помещик (*свирепо*). Пошел вон!

Комиссионер (*обиженно*). Виноват, вы это что, — серьезно или в шутку?

Помещик. Серьезно. Очень серьезно!

Комиссионер. Ну, хорошо, что серьезно, а то я таких шуток не люблю. Слушайте, когда вы купите это красное вино...

Помещик. А, черррт! (*Выталкивает его в дверь. Слышен грохот по лестнице. Возвращается тяжело дыша, садится, читает газету. Пауза.*)

Комиссионер (*входит*). Слушайте, я вижу теперь, что красное вино вам действительно не нужно. Так, может быть, вам белое вино нужно?

Помещик. Ни красного, ни белого вина мне не нужно!!!

Комиссионер. Так что же вам нужно?

Помещик. Что мне нужно?... (*хитро*). Суперфосфат у вас есть?

Комиссионер. Что? Что?

Помещик. Су-пер-фос-фат.

Комиссионер. Су-пер-фос-фат?... Нету.

Помещик. Идиот!

Комиссионер. Ой!.. (*Пауза.*) А скажите, господин помещик, у вас суперфосфат есть?..

Помещик. Нет! А что?

Комиссионер (*многозначительно*). Ну-у-у?

Помещик яростно бросается на Комиссионера, оба исчезают. Грохот на лестнице.

Занавес

ФЛИРТ РОЗЕНБЕРГА

Анекдот в 1-м действии

Скамейка на берегу моря. Неизвестная дама сидит, что-то вышивая.

Подходит Розенберг.

Розенберг. Слушай, маска! Я тебя знаю.

Дама. С ума вы сошли? Где у меня маска?

Розенберг. Неужели, без маски? Такая красивая, что я думал — в маске. Нет, вы, впрочем, не сердитесь. Это я так, чтоб завязать с вами разговор. Что это вы тут — на море любуетесь?

Дама. Не ваше дело!

Розенберг. Почему не мое? А, может быть, я сам моряк?

Дама. Не считаете ли вы себя моряком потому, что в лужу сели.

Розенберг *(испуганно вскакивая)*. Где? (*Смотрит под скамейку.)* Нет *(садится*). Зачем мне садится в лужу? А по Черному морю я больной плавать? Ох, если бы вы видели, мадам, как я себя держу на море — прямо как лев! Вы знаете, я как-то ехал на пароходе в Феодосию, там была такая буря, что пароход прямо пополам переламывался. А я стою, как Наполеон, и курю себе папироску. Так подбегает знакомый Шмелькин и кричит мне: «Розенберг! Идиот! Что вы стоите такой спокойный и не волнуетесь? Ведь пароход же тонет!» Так я ему говорю: «А что мне с того волноваться, что он тонет? Что он — мой, что ли»?

Дама. Не размахивайте руками. Вы мне мешаете работать.

Розенберг (*кротко*). Я не размахиваю, я только разговариваю. Ой, слушайте, я тоже один раз видел, как пароход «Двенадцать Апостолов» налетел на скалу! Так знаете, как налетел? Трах — и напополам, шесть апостолов налево, шесть апостолов направо!!

Дама (*показывая вперед, в воду*). Ой, рыба, рыба!

Розенберг. Где вы видите? Какая рыба?

Дама. Кажется, осетрина проплыла.

Розенберг. Что вы говорите? Осетрина? Скажите, и большой кусок? Вообще, эта осетрина вызывает всегда на меня воспоминания. Когда я играл в ресторане в румынском оркестре, так всегда ужинал с осетриной.

Дама. Как в румынском оркестре? Вы разве румын?

Розенберг. Немножко. Видите, в этом оркестре было только два румына: я и Шепшелевич. Остальные — все евреи. Скажите, мадам, вам нравится опера «Самсон Данилыч?»

Дама. Такой оперы нет. Есть «Самсон и Далила».

Розенберг. То, наверное, другая.

Дама. Как же вы попали в румынский оркестр?

Розенберг. С военной службы. Ой, как мне не везло! Сначала из меня хотели сделать кавалериста, так я сел на лошадь, а она стала так прыгать, что я совершенно на хвост съехал. Так я кричу: «Слушайте, давайте мне другую лошадь — ибо эта уже кончается!» Ну, меня сняли и перенесли в пехоту. Так там тоже были неприятности. Вы понимаете, однажды был смотр, и приехал корпусный генерал, так он говорит нам: «Здорово, ребята!?» Ну, раз он так спрашивает, так я выхожу вперед и говорю: «А какое наше там здоровье! Понимаете, генерал, — говорю я, — третий день в боке у меня что-то колит... Слушайте, как вы думаете, если я помажу с йодом — пройдет?» Так потом за это мне были большие неприятности.

Дама (*глядя вперед*). Ой, рак, рак!

Розенберг. Где вы видите рака? (*Испуганно подбирает ноги.*)

Дама. Вон там что-то красное проползло. (*Пауза.*)

Розенберг. Что? Рак? Красный? На море? Ой! Вечные женские иллюзии. Что вы там вышиваете?

Дама. Аппликацию

Розенберг. Ей-Богу... Я думал это болезнь такая бывает.

Дама. Так то — апоплексия. Удар.

Розенберг. Что вы говорите? У меня, знаете, тоже здоровье плохое. Доктора прописали мне Египет, так ни в одной аптеке не достанешь. Мадам, вы были в Палестине.

Дама. Не была.

Розенберг *(удивленно)*. Что вы говорите?! Я, положим, тоже не был. У нас же там свое государство. Понимаете: национальный банк, национальный музей, национальный театр, всюду национальный мрамор — очень красиво! А на рейде стоит наш крейсер с национальным флагом и на корме золотая надпись «Контр-адмирал Циперович!» Правда красивенько?

Дама. Послушайте, вы мне надоели.

Розенберг. Что значит — надоел. А может, вы мне нравитесь? Может, я буквально влюблен в вас! Слушайте, хотите я приду до вас.

Дама. Приходите. Мой муж спустит вас с лестницы.

Розенберг (*гордо*). Кого? Меня? Розенберга?! С лестницы?! *(другим тоном)*. Ну, так лучше, я тогда действительно не пойду.

Дама. Ну и прекрасно.

Розенберг. Хотите — я вас угощу с кофеем? По-варшавски или по-одесски — как хотите?

Дама. Что это такое — по-одесски?

Розенберг. Это когда один пьет, а другой платит. Пойдем, а? Что мне стоит на женщину разориться. Восемь лет тому назад одна мне стоила четырнадцать с полтиной, так я даже почти забыл об этом.

Дама. Проваливайте, вы мне смертельно надоели!

Розенберг. Послушайте! Вы меня еще не знаете. Если вы скажете «нет» — я пойду и утоплюсь.

Дама. Топитесь.

Розенберг. То есть как так: «топитесь»? Я же могу утонуть!

Дама. А мне какое дело.

Розенберг. Там же холодная вода. Я буду мокрый и вы... меня больше окончательно не увидите.

Дама. Я только этого и хочу.

Розенберг. Мадам! Вы же с огнем шутите! Вот я уже иду топиться. Нуте же! Держите меня! Держите меня за руку, а то я прямо брошусь в воду. Ну, держите же меня! Держите! (*Сует ей руку.*)

Дама. Отстаньте вы от меня с вашей рукой. Топитесь сколько влезет.

Розенберг. Ах, так! *(с оскорбленным видом отходит. Пауза. С невыносимой гордостью)*. Розенберги — не топятся. Ву-а-ля!

Уходит, помахивая тросточкой.

Занавес

ЖЕНЩИНА И ВОР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Чихаев, муж.
Анна Григорьевна, его жена.
Вор.
Швейцар.
Дворник.

Действие происходит в кабинете Чихаева. Два часа ночи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Чихаев, один.

Чихаев (*шагая по комнате*). Черт знает, что такое! Безобразие, ей-Богу. Повесить меня мало за это! С кокоткой поступать так — и то свинство! А тут — собственная жена... Воображаю, как она обрушится на меня, когда вернется! Хорошо бы как-нибудь вывернуться. Соврать ей что-нибудь, что ли. А все-таки, если вдуматься, так — свинство! Воображаю ее, беднягу, бегающей в одиночестве по огромному залу «Альказара» и ищущей меня — своего законного мужа!! Подло, в сущности, так подводить! Придется теперь наврать с три

короба... Что бы ей такое рассказать... (*в передней слышно хлопанье двери... Чихаев прислушивается.*) Гм! Дверь хлопнула. Наверное, она. Брр! Вот зальет сала за шкуру... Ну, так и есть — она!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Влетает Анна Григорьевна, *раскрасневшаяся, возбужденная, в одной руке шляпа, другая рука в рукаве тянущегося за ней манто.*

Анна Григорьевна. Как?! Ты уже дома?..

Чихаев (*принимается шагать преувеличенно сердито по комнате*). Да-с! Уже дома! Нечего сказать — хороша! Могу поблагодарить! Где изволила прогуливаться до сих пор?! Сговорились ведь быть в «Альказаре». Я сижу там, сижу, сижу в этом анафемском «Альказаре», сижу себе, как дурак, жду ее, жду, жду... А... она...

Анна Григорьевна (*кладет ему руки на плечи, приближая свое лицо к его лицу, пытливо в него вглядывается. Возмущенно*). Ну, это, знаешь ли... Можно быть нахалом, но не до такой же степени... Ты?! Ты?! Ты был в «Альказаре»! Ты мне говоришь это в глаза? Ты это говоришь мне, которая, как дура, ходила между столиками, торчала в вестибюле, как какая-нибудь шансонетка...

Чихаев (*к публике*). Не прошло! Жаль... (*Сразу обращая все в шутку, весело смеется.*) Ну, ладно уж, пошутил, пошутил. Действительно я так заработался за столом, что, когда посмотрел на часы, то... Ты уж прости меня, голубок.

Анна Григорьевна (*саркастически*). Так-с! Значит, ты рассчитывал так: если я почему-нибудь не была в «Альказаре», то твоя ложь сошла бы, как по маслу, а если я тебя ждала там и поймала сейчас на лжи, то ты... ну, просто скажешь: пошутил, мол...

Чихаев. Ну да ладно, ладно... Конечно, пошутил. Серьезно — заработался. Ты уж не сердись...

Анна Григорьевна (*щелкая мужа по носу добродушно...*). Что бы тебе другая жена за это сделала? А ты

погляди на меня: весь вечер потеряла — и хоть бы что!.. Да еще, кроме того, верю, что ты был дома.

Чихаев. Аня! Клянусь тебе нашей любовью... Тсс!.. (*прислушиваясь*). Ты слышишь? Что-то как будто упало?

Анна Григорьевна. Где?..

Чихаев. О, Боже мой! В ванной комнате... Я ясно слышал. Деревянный стук... Термометр как будто упал.

Анна Григорьевна (*шутливо*). Ну, раз термометр падает, — значит, в ванне стало холоднее. Трусишка ты!.. Ну, пойди — посмотри.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Чихаев, крадучись, с испуганным лицом, выходит из кабинета. Через несколько секунд где-то за дверьми слышен стук, шум борьбы, какой-то рев и тотчас же появляется Чихаев, таща за шиворот тщедушного, бледного человека, босого и в поношенном платье. Пронзительный крик Анны Григорьевны.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Чихаев, вор, Анна Григорьевна.

Чихаев. Вот-с! Имею честь рекомендовать.

Анна Григорьевна (*в ужасе*). Кто это?

Чихаев. Кто? Хе-хе... Ты их никогда живых не видела?

Анна Григорьевна. Да кто это, Господи?..

Чихаев. Вор, пташечка моя, вор.

Анна Григорьевна (*закрывает руками лицо и пронзительно взвизгивает*). Боже! Вор? Чего же ты его не убиваешь?

Чихаев. Уж так тебе сразу и убить человека! Достаточно будет, если посидит шесть месяцев. Ты как попал в квартиру, негодяй, а?

Вор (*неохотно, оглядывая потолок*). Ключом. (*Пауза.*) Отпустите, господин. Ведь ничего же не взял, в самом деле! Чего же там, Господи, держать человека?..

Чихаев. Вот я тебе покажу, как держать человека. Тебя подержат не по-моему... Аня! Я около него побуду,

а ты пойди — позвони в участок. Пусть там пришлют кого надо.

Анна Григорьевна. Сейчас, сейчас. Боже, какой он... ужасный! (*Боком, стараясь держаться подальше, выходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Чихаев. Вор.

Чихаев (*опускаясь в кресло, сухо.*) Подожди. Сейчас тебя возьмут.

Вор (*после некоторого молчания неожиданно*). Эх вы! Такая красивая у вас жена, а вы ее черт знает на кого меняете...

Чихаев (*изумленно*). Ш-ш-што? Что ты сказал?

Вор (*спокойно*). Вот вам и что. У этой, у жены вашей, и фигура есть, и лицо, а Модзалевская — что? Пичуга какая-то, пигалица... Ни рожи, ни кожи... Только что полька...

Чихаев (*озираясь на дверь, в которой скрылась жена*). Ты?! Откуда ты знаешь про Модзалевскую?!.

Вор. Подумаешь, важность — откуда. Знаю. У нее нынче весь вечер проторчали, а жене говорите: дома сидел, заработался. Хм? Заработался... Вы думаете, не слышал? Из ванны слышал, как вы говорили... Хм!.. Работа — нечего сказать.

Чихаев. М-молчи, черт: жена может войти.

Вор (*кричит*). С какой мне радости молчать!.. Вы меня в тюрьму сажаете, а я молчать должен? Нет, братик, не на дурака напал. Придет жена — сейчас же все ей расскажу... И что вы каждый день на Фурштадскую ездите, и что кульки с вином ей таскаете, и что...

Чихаев. Молчи, проклятый! Я тебе покажу — Фурштадскую! Ты... значит, следил за мной?..

Вор (*угрюмо*). Такое наше дело. Иначе какая же работа!..

Чихаев. Послушай ты, рвань... А если я тебя отпущу...

Вор. Ну?

Чихаев. Ты будешь помалкивать?

Вор. Что ж... Буду.

Чихаев. Тсс... Жена!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входит Анна Григорьевна.

Анна Григорьевна. Позвонила в участок. Сейчас приедут, Митя! Он... Настоящий вор? Какой страшный.

Чихаев. Ну, уж ты скажешь тоже — страшный! Ничего страшного и нет. Представь себе, Анюта... Сейчас без тебя тут я с ним разговорился. Гм!.. Понимаешь, их ведь положение тоже не того...

Анна Григорьевна. Что такое?!!

Чихаев. Я говорю: в сущности, надо войти в их положение. Работы нет, волчий паспорт, отовсюду гонят... Ведь мог бы быть полезным, всеми уважаемым членом общества.

Вор. Мог бы!

Чихаев. Видишь? На лице его написано искреннее раскаяние.

Анна Григорьевна (*обиженно*). Да... раскаяние, а сам хотел нас обокрасть.

Чихаев. Эх! Говорить легко! А знаешь ты, что он хотел украсть? Хотел, говорит, пошарить в буфете чего-нибудь съестного... Верно, Сергей?

Вор. Понятно.

Чихаев (*горячо растроганно*). Ужас, ужас... 12 дней человек не ел... Ты подумай?.. Да доведись это до меня... В голове от голода туман, в ушах шум, ничего не соображаешь... К горлу что-то подкатывается, к сердцу подкатывается, к груди подкатывается. В сознание заползает мысль о смерти... «За что же, думает он, я так страдаю? Почему люди так жестоки»?..

Вор (*равнодушно утирает кулаком глаз*).

Чихаев. Смотри! Уже плачет. (*С пафосом.*) Разве негодяй, разве злодей будет плакать?

Анна Григорьевна. Послушай... А у него нет ножа?

Вор (*не дослышав*). Что вы, сударыня! Маковой росинки во рту не было!..

Чихаев (*лирически*). А дома у него хворая мать, старушка, которая не надышится на своего первенца...

Анна Григорьевна (*смущенно*). А как же я... уже полицию позвала?

Чихаев (*суетливо*). А я сейчас позвоню туда, в участок, что вышло недоразумение, что — чья-то глупая шутка... Одним словом, придумаю... (*Чихаев направляется к дверям: жена делает инстинктивное движение испуга.*)

Анна Григорьевна. А как же... я...

Чихаев. А ты тут посиди с ним... Да не бойся! Сергей! Надеюсь, ты себе ничего тут не позволишь?.. Ты понимаешь?

Вор (*ободрившись*). Будьте покойны, — могила.

Анна Григорьевна. Что это... могила?

Чихаев. У них такой термин есть... арго ихнее. Ну, я иду звонить...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анна Григорьевна, Вор.

Кутаясь в платок Анна Григорьевна, робко усаживается на подоконник. Пауза.

Вор (*одобрительно усмехнувшись, шепотом*). Я думал — вы сдрейфите нынче, сдадите, а вы молодцом! Ловко все обставили. Люблю таких баб!

Анна Григорьевна. Что-о? Об... ставила... (*изумленно*). Что вы такое говорите?

Вор (*спокойно*). На ура, я говорю, пошли. И как вы это сразу догадались, что он в «Альказаре» не был? На риск, как говорится, пойдено...

Анна Григорьевна. Что? На какой риск? Я вас не понимаю.

Вор (*подмигивая*). Да ведь вы тоже в «Альказаре» сегодня не были!

Анна Григорьевна (*смущенно*). Как так — не была?! А где же я, по-вашему, была?

Вор. У Трепакина вы были, у господина. У Петра Николаича. В их квартире на Загородном, угол Бородинского...

Анна Григорьевна. Лжете вы! Я даже не знаю, о ком вы это гово... рите... Какой-то Загородный. Какой-то угол Бородинского... Первый раз слышу.

Вор (*вскочив с места*). Эх, милая барыня! Да второй-то месяц вы к кому же ездите? Под видом, будто в ки-

нематограф? Что же тут отказываться. Нехорошо. И я видел, и товарищ мой Петька-Режиссер видел... Такое уж наше дело, извините.

Анна Григорьевна (*спрыгнув с подоконника, подбегает к вору, схватывает его за руку*). Надеюсь... мужу-то вы этого не наболтали? Смотрите-ка: я ведь согласилась, чтобы вас отпустить.

Вор (*холодно*). Вот что, барыня, наша работа не хуже другой. Больше месяца мы с Сенькой на вашу квартиру потратили, а вы... черт вас надрал вернуться раньше! Всю работу нашу провалили... Значит, так месяц и пропал? Хоть убытки покройте. Не до жиру, быть бы живу.

Анна Григорьевна (*ходит нервно по комнате*). Двадцать пять довольно?

Вор. Гм! Ну, что уж с вами делать. И колечко это. Ничего! Мужу скажете: похудели, с пальца соскочило. Тсс! Идет, кажется.

Анна Григорьевна вынимает из ридикюля деньги, снимает кольцо, быстро отдает их вору.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Входит Чихаев.

Вор (*деловым тоном*). Ну, что? Успели?

Чихаев. Успел. Позвонил. Сказал, что приятель захотел подурачиться. Извинился, и все тут. Ну, а теперь иди, Сергей. Иди! Постарайся начать хорошую жизнь.

Вор (*опускается в кресло. Вдруг заложив ногу за ногу, и поглядывая на супругов*). А мне есть хочется.

Чихаев. Что? Это что еще за новости?

Вор. Ей-Богу, хочется. Ходишь тут голодный, а тут бывает, что какой-нибудь господин ездит на Фурштадскую и уж у него и кульки, и уж у него корзины с провизией, и...

Чихаев (*сразу начинает суетиться*). Да, да хорошо голубчик! Постой, постой! Мы сейчас тебя накормим! Анюта! Посмотри, там, кажется, что-то есть в буфете.

Анна Григорьевна. Сию минуту. Будьте добры подождать. (*Делает за спиной мужа знак вору Выходит из комнаты*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Чихаев, Вор.

Чихаев (*злобно*). Черт тебя тянет за язык, насчет кульков...

Вор. К слову пришлось. Я бы и выпил чего-нибудь. Коньяку нет ли?

Чихаев. Еще чего захотел! Откуда я тебе коньяк возьму?! Свинья ты, ей-Богу. Я думал, что ты порядочный человек, а ты... свинья! Разве с вами можно, как с людьми поступать. Дрянь вы, а не люди!

Вор. Коньяку хочу.

Чихаев. Уходи ты лучше!

Вор. Закушу и уйду. Эх, коньячка бы.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Входит Анна Григорьевна с подносом в руках. На подносе закуски.

Вор. Мадам! Нет ли коньяку?

Анна Григорьевна. Что ты, голубчик, какой теперь коньяк. Где ж его достать?..

Вор (*значительно*). Это уж, конечно, как придется. Только можно ха-арошний коньяк достать на Загородном, угол Бородинского, в том самом месте...

Анна Григорьевна (*торопливо*). Вы чего говорите, вам хочется?

Вор. А? Коньяку.

Анна Григорьевна. Коньяк-то есть. А я думала — что. Я сейчас, подождите (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Чихаев, Вор.

Чихаев. Не смей пить коньяк, слышишь?

Вор. Тебя спрошу! Хочу и буду.

Чихаев. Ну, хорошо. Выпей стаканчик и уходи.

Вор. Там видно будет.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Анна Григорьевна вносит коньяк.

Анна Григорьевна. Вот вам. Пейте, голубчик, на здоровье.

Чихаев. Кушайте, пожалуйста! Вот вам сардины, телятина. Соль!? Анюта! Где же соль? Как же ты так, право? Даешь все, а соль забыла.

Анна Григорьевна. Вот соль. (*Кокетливо.*) Только уж я вам не передам, а то поссоримся.

Вор (*грубо смеется*). Уж вы тоже скажете. (*Пьет.*)

Чихаев. Сардины, кажется, хороши. Вот вилочка.

Вор. Ладно, и так не убегут. (*Пьет коньяк, заметно хмелея.*) Мадам, а вы со мной коньячку, а?

Анна Григорьевна. Я не пью.

Вор (*пьет*). Ну и ладно. Мне больше останется. Что? (*Смотрит посоловелыми глазами.*) Что вы говорите?

Чихаев (*кротко*). Мы ничего не говорим.

Вор. То-то. Охо-хо! Как говорится: сыт, пьян и нос в табаке. (*Ковыряет вилкой в зубах; встает, располагается на диване. Благосклонно.*) Кто на пианине играет?

Чихаев. Я немножко играю. Только оно расстроено.

Вор. Черт с ним — неважно. Подумаешь! Меня столько по ухам били, что я уж никакого расстройства не слышу. (*Пауза.*) Сыграйте, господин.

Чихаев (*нервно*). Что ты, брат, задумал — ночью играть. Поел и ступай домой.

Вор (*многозначительно*). Эх! Слышал я, братцы вы мои, на Фурштадской одну барыню... Понимаете? Барыню одну; на Фурштадской. Слышал. В окно. Маленькая такая. Маленькая, маленькая, а играет так, что...

Чихаев (*вскакивая со стула*). Что тебе сыграть?!

Вор. Это уж ваше дело. Почудней что-нибудь. Чтоб ногтем по сердцу скребло.

Чихаев играет «Ноктюрн» Шопена.

Вор. Это что ж такое будет?

Чихаев. «Ноктюрн» Шопена.

Вор. Неважно. Трам-блям какой-то, «На сопках Манчжурии» изобразите — это я понимаю!

Чихаев. Не играю!

В о р. Извольте, я спою, а вы одним пальцем подберите — штука небольшая (*поет, склонив голову, сонный*). Тра-ля-ля-бам, тра-ля...

Ч и х а е в (*подбирает мотив. Вор, склонив голову и бормоча что-то, наконец, засыпает. Чихаев встает, становится рядом с женой, глядит на вора.*) Спит?

А н н а Г р и г о р ь е в н а. Спит.

Ч и х а е в (*с ненавистью*). Эх, с каким бы я удовольствием ошпарил эту жульническую морду кипятком!

А н н а Г р и г о р ь е в н а. Вот тебе раз! А сам давеча расхныкался над ним... Мама, да член общества... да то, да се... Чего ж тогда полицию не позвал?

Ч и х а е в молчит.

Неужели, он так и будет тут валяться?

Ч и х а е в. Вот бы по этой проклятой храпящей глотке ножом ка-ак чикнуть!

А н н а Г р и г о р ь е в н а. А давеча коньяком поил, Шопена играл. Нашел тоже меломана! Друзья-приятели...

Ч и х а е в (*молча шагает по кабинету. Вдруг круто поворачивается, падает перед женой на колени. Со стоном*). Не могу больше! Можешь бросить меня, разлюбить, но я не могу больше терпеть этого. Все тебе расскажу. Дай только слово, что простишь — сейчас же все расскажу!.. Ничего не потаю!!

А н н а Г р и г о р ь е в н а. Митя! Ты меня пугаешь...

Ч и х а е в. Аня! Клянусь тебе, нет ничего серьезного!.. Видишь ли... Я немного увлекся этой... Модзалевской. А этот негодяй видел, как я к ней ездил на Фурштадскую (о, клянусь тебе, ничего серьезного!) И вот... когда ты пошла к телефону... он припугнул меня, что расскажет тебе все... Аня! Аня! Не презирай меня... Клянусь тебе, это — пустяковое увлечение... Аня! Я тебя обожаю!.. А Модзалевская для меня ничто. Что мне Фурштадская! Плевать я хотел на Фурштадскую! Аня, пойми!

А н н а Г р и г о р ь е в н а (*стоит, сложив руки. Говорит тихо, но внушительно*). Митя! За все, что я тебе сделала... За мое чувство; за мою преданность; за мою любовь и верность; за то, что я ни на одного мужчину, кроме тебя, не позволила себе посмотреть... За все это ты...

(*плачет; сразу успокаиваясь.*) Что это, он, кажется, шевелится?

Чихаев. Какое! Спит проклятое животное, чтоб ему больше не просыпаться!.. У-у-у!..

Анна Григорьевна. Постой! Хорошо... О тебе поговорим потом... А сейчас сплавим этого... Позови швейцара и дворника, а сам уйди в спальню!

Чихаев. Почему... уйти в спальню?

Анна Григорьевна. Подумай, как разъярится этот человек, когда увидит, что ты его предал... Вдруг бросится на тебя и... Нет! Хоть ты и обидел меня кровно, я не допущу этого!

Чихаев уходит на цыпочках.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Анна Григорьевна. Вор.

Анна Григорьевна (*быстро оглядывается, подбегает к вору, вынимает у него из кармана деньги и свое кольцо, надевает его на палец*). Ну, теперь, кажется, все.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Входят Чихаев, дворник, швейцар.

Анна Григорьевна. Ну, вот и прекрасно! А ты ступай в спальню — слышишь? Потом тебя позову.

Чихаев уходит; Анна Григорьевна запирает за ним дверь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Анна Григорьевна, дворник, швейцар, вор

Анна Григорьевна. Возьмите вот этого вот. Забрался к нам и чуть не обокрал..

Швейцар (*встряхивая вора за шиворот*). Ну, ты! Заспался тут! Пора. Вставай. Иттить нам надоть.

Вор (*вскочив протирает глаза*). Ф-фу! Уф! Э-э-э... (*сокрушенно глядит на Анну Григорьевну*). Продали, черти! Ну да все равно уж — берите!

Анна Григорьевна (*приостанавливая швейцара и дворника, взявшего вора за шиворот*). Постойте! Вот что, ты... как тебя? Муж мне все рассказал сам. Во всем признался. И о Фурштадской, и о той даме, понимаешь? И я ему... тоже все... о себе рассказала. Тоже призналась. Так что теперь нам не страшно! Не напугаешь.

Вор (*крякнув, иронически*). Семейка! (*Его уводят.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Анна Григорьевна, одна, ходит по комнате что-то обдумывая. Потом кричит в дверь, за которой сидит муж.

Анна Григорьевна. Митя! Можешь идти теперь. Слышишь? Иди!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Анна Григорьевна, Чихаев робко входит, опустив голову. Стоит у стола.

Анна Григорьевна (*сложив руки, глядит уничтожающим взглядом*). Ну-с... А теперь (*отчеканивая*) мы с *вами* поговорим!!!

Занавес

ИГРА СО СМЕРТЬЮ (1919-1923)

чудаки на подмостках

ИГРА СО СМЕРТЬЮ

Комедия в 3-х действиях
(1919–1923)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Талдыкин Андрей Андреевич, деловой человек, увлекающийся каждым делом до самозабвения, вечно ослепленный новыми проектами, суета и горячка, 40 лет.

Талдыкина Ольга Григорьевна, его жена, просто 30-ти летняя скучающая кокетливая барынька, каких на каждом шагу сотни.

Зоя, их племянница, молодая девушка, 20 лет.

Казанцев Иван Никанорович, писатель, немного вялый, немного сонный, чудаковатый. В тоне ленивый юмор. Вид несколько мешковатый, в начале пьесы имеет вид болезненного безразличия, за которым кроется большая тоска. Лет ему 35–36.

Глыбович Петр Казимирович, агент общества «Прометей» по страхованию жизни. Чрезвычайно деловой человек.

Ноткин, тоже агент страхового общества «Будьте покойны», 25 лет.

Доктор Усиков, мягкотелый полумошенник, которому вечно что-нибудь мешает сделаться полным мошенником.

Минна Адольфовна, гувернантка Талдыкиных, немка.

Харичкин, хозяин дачной лавки.

Посыльный.

Ариша, горничная у Талдыкиных.

Действие происходит в большом провинциальном городе

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая гостиная Талдыкиных. Налево на диване полулежит Ольга Григорьевна Талдыкина, *у ног ее в нежной позе* Глыбович. *Она перебирает ему волосы.*

Ольга. Мой миленький! Сокровище мое ненаглядное! Вот уже почти месяц, как мы с тобой признались, что любим друг друга... По-моему, мы должны быть счастливы... Я, конечно, и счастлива! Но... но ты-ты меня беспокоишь! Что с тобой? Ты задумчив, молчалив, часто, сидя в уголку что-то шепчешь. На вопросы отвечаешь невпопад... Милый! Может быть, ты разлюбил меня? Может, я тебе за один месяц надоела? Или другую встретил? Я несколько раз ловила твои взгляды, устремленные на гувернантку — неужели тебе может нравиться эта немецкая копченая выдра? Конечно — если ты меня разлюбил — против этого ничего не поделаешь. Сердцу не прикажешь. Ты лучше признайся. И если это правда, мой драгоценный кумир, мой греческий бог — (*грозно*) я тебя застрелю, как собаку. Слы-шишь?! (*грустно*) я требую только одного: честности и откровенности. Встретил другую — что ж делать? Я примирюсь с этим. Нужно признаться. Скажи, любишь другую? Я затаю в себе все, все... Но имей в виду, если это правда — я так этого дела не оставлю. Слава Богу, серную кислоту можно еще в любой лавке достать!

Глыбович (*вздыхая*). Конечно, то, что ты говоришь о другой женщине — неправда! И оправдываться я считаю ниже своего достоинства. Я люблю только тебя, (*с фальшивым пафосом*) тебя одну — и вот это-то меня и угнетает!!

Ольга. Угнетает? Что именно, Боже мой?!

Глыбович. Скажи, тебе никогда не приходила в голову мысль о твоих детях?

Ольга. При чем тут дети?

Глыбович. Дети — это ангелы на земле! (*Почти декламирует, возведя глаза к небу.*) Дети — цветочки алые

на сожженной солнцем ниве... Это... это невинный глазок незабудки, выглядывающий из сорной травы нашей жизни.

Ольга. Ну и что же?

Глыбович (*прочувствованно*). Я их люблю, как своих родных детей... Меня пугает их будущее!

Ольга. Господи, помилуй... Да почему?!

Глыбович (*встает торжественно*). Скажи... Тебе никогда не приходило в голову — что будет, если твой муж узнает о наших отношениях?

Ольга. Что будет? Скандал будет!

Глыбович. О, нет, Ольга! Я боюсь другого. Я боюсь... (*наклоняясь к ней, шепотом*) убийства!

Ольга (*оживленно*). Ты думаешь, он тебя убьет?

Глыбович. О, как ты меня мало знаешь... Стал бы я о себе думать! Не меня!! Я боюсь, что он убьет тебя!

Ольга (*притягивая его к себе*). Тебе будет жалко, если я умру?

Глыбович (*рассеянно*). А? Что? Ну да, конечно, жалко. Еще бы не жалко! Как ты, ей-Богу, можешь спрашивать? Но не забывай — после тебя останутся дети — двое невинных крошек... два прекрасных цветочка, выглядывающих из этого... как его... Гм... Ну, неважно! Ты об этом подумай! Что с ними будет? Убийца-отец или пойдет на каторгу, или, в лучшем случае оправданный, начнет пить, чтобы алкоголем заглушить муки совести и раскаяния... Пьяный, опустившийся, будет приходить он в холодную, нетопленную комнату и будет он терзать безвинных деток своих. «Папочка, — будут спрашивать они, складывая на груди исхудалые ручонки, — «за что ты нас бьешь?» — «Молчите, проклятое отродье» — заревет отец... (*Ольга, припав к спинке дивана, тихо плачет, утирая глаза платком.*) А потом он умрет от белой горячки около трепещущих, испуганных, ничего не понимающих детей. С ужасом будут взирать они на его искаженное злобой и безумием лицо... (*Другим тоном, деловито.*) Кстати, у него есть какой-нибудь вклад в банке?

Ольга (*отрывая лицо от платка*). Что?

Глыбович. Я спрашиваю: у него есть что-нибудь? В процентных бумагах или на текущем счету?

Ольга. Что ты, дорогой! Откуда? Мы все проживаем. Так, кое-какие крохи наберутся. А почему ты вдруг об этом спросил?

Глыбович (*сурово*). Потому что дети, в таком случае, останутся выброшенными на улицу. Что их ожидает? Карманный воришка и падшая женщина!..

Ольга (*закрывая лицо руками*). Ой, не надо, не надо! Не говори так!

Глыбович (*торжественно*). Вот видишь! Вот что гнетет меня! Имеем ли мы право строить наше счастье на трупиках этих малюток?

Ольга (*ломая руки*). Ну что же... что же делать? Боже, Боже мой! Ну, укажи мне выход... Слушай... А почему ты думаешь, что он непременно меня убьет?

Глыбович. Он? Конечно, убьет. О, милая моя! Плохо же ты знаешь мужчин, которые любят... Никакие законы и никакие дети их не остановят...

Ольга (*вставая*). Значит что же?! Из твоих слов ясно, что мы должны расстаться?

Глыбович. Боже сохрани! Что ты! Но я хочу быть уверенным за судьбу твоих детей. Пусть они его дети — все равно! Я привязался к ним за этот месяц и люблю, как собственных.

Ольга (*задумчиво*). Но... им, все-таки, что-нибудь останется! У меня есть бриллианты.

Глыбович. Ну, бриллианты! Отец отнимет их и пропьет... Как ты их (*делая ударение на следующем слове*) застрахуешь от этого?

Ольга. Гм... Вот что... У меня есть одна старая тетка. Правда, небогатая...

Глыбович (*поспешно, с деловым видом*). Старая тетка? Она застрахована на случай смерти?

Ольга. Кажется, нет.

Глыбович. Ну, вот видишь... Уверена ли ты, что она застрахована, или если даже застрахована — что у нее нет других родственников, которые получат страховку?! Ну, скажи... Какие у тебя гарантии?

Ольга (*задумчиво, снова опускаясь на диван*). Как ты странно говоришь: страховка, страховано, застраховано... Послушай! А что если мне застраховаться?

Глыбович (*чуть не подпрыгнув на месте от радости*). Тебе?! Это, пожалуй, идея. Да! Прекрасная идея. Если, конечно, полис завещать детям! Только надо, чтобы муж не узнал об этом... И ты подумай! Тогда ничто не будет омрачать нашей любви...

Ольга. Неужели, ты меня, так любишь?..

Глыбович. Я? (*спокойно*). Обожаю. Только тобой и дышу! Значит я могу быть спокоен за твоих детей. Все, что нужно для страховки, я сам сделаю... Принесу проспекты и условия...

Ольга. Хорошо, милый, делай, как знаешь.

Глыбович. Ну, право же, ты моя добрая фея! (*осыпает ее руки поцелуями.*)

В это время в гостиную тихо входит Талдыкин. Молча смотрит, как Глыбович целует руки его жены.

Талдыкин. Гм... да! Извините... (*сухо.*) Вы тут, кажется, серьезный разговор ведете... я вам не помешал?

Глыбович (*вскакивает, показывает полное присутствие духа и спокойствие*). О, нет, ничего. Пожалуйста! Я как раз благодарил Ольгу Григорьевну за одно доброе дело, которое она сделала.

Талдыкин. Да? Очень мило. Она у меня, вообще, мастерица творить добрые дела! (*Значительно.*) Вот что, господин Глыбович... Мне нужно кое о чем серьезно поговорить с вами. Не пройдете ли вы в мой кабинет?

Глыбович. О, сделайте одолжение! Всегда готов служить чем могу! (*Поправляет волосы, галстук, расшаркавшись перед Ольгой Григорьевной, уходит вслед за Талдыкиным.*)

Ольга (*нервно ходит по комнате, сжимая голову руками*). Вот оно... Вот! Позор, скандал. (*Прислушивается.*) Громко разговаривают! Вдруг сейчас выстрел, крик, падение тела... Боже, подкрепи меня! Я этого не перенесу. (*Снова подходит к дверям, ведущим в кабинет, прислушивается.*) Объясняются. Господи! Господи! Что только со мной будет!

Из кабинета резкий голос Талдыкина: «Ни за что! Никогда этого не будет, слышите?» Голос Глыбовича: «Вы не правы! Это не справедливо! Если вы о ней не хотите подумать, то подумайте хоть о детях!»

Ольга. Опять о детях заговорил! Решительно не понимаю этого человека! Он о моих детях думает больше, чем обо мне. Не человек, а размазня! (*Прислушивается.*

Голос Глыбовича: «Конечно, кто первый умрет — это еще вопрос!»
Голос Талдыкина: «А я вам говорю... Да позвольте! Дайте мне хоть слово сказать!»
Голос Глыбовича: «Виноват, виноват! Вы должны допустить, что она женщина молодая!»
Голос Талдыкина: «При чем тут ее молодость?!»
Голос Глыбовича: «И что семейное счастье вещь не прочная... А главное — дети! Подумайте о детях!» Разговор делается тише.)

Дались ему мои дети! Будто акушерка какая, прости Господи! (*Прислушивается.*) Вот, прошу, покорно... Ведут самый мирный разговор... А я-то тут... Думала: выстрел, труп, падение тела... (*обиженно*). Однако, что же это такое? Неужели я такое ничтожное существо, что из-за меня и стреляться не стоит? Хоть бы пощечину друг другу дали! (*Прислушивается.*) Глыбович, как ручеек журчит, а мой муженек молчит, будто в рот воды набрал! Господи, до чего мужчины измельчали. Гм! Может еще целоваться начнут... У-у, червяки!

Входит гувернантка Минна Адольфовна.

Минна. Я позволий себье спросить, мадам... Чичас уже можно давайть Вовошке чоколад?
Ольга. Что? Вы еще тут чего со своим «чоколадом»?! Давайте ему что хотите, только оставьте меня в покое!
Минна (*осматриваясь*). Мадам! Я тоже хотел вас спрашивайть... Тут, кажеса, бил мосье Глибовиш. Он... укадиль?
Ольга (*нервно, со злостью*). Да вам-то что за дело: «билль» он тут или «укадил». Имейте в виду, что я в своем доме ничего подобного не потерплю! Я вам категорически заявляю, чтобы вы оставили Глыбовича в покое!

Минна. О, мадам, но как я имей старучка мама... И мосье Глибовиш...

Ольга. Ну, что... Что, Глыбович! И при чем тут ваша «старучка» мама? Что он — жениться должен на этой «старучке»?

Минна (*с достоинством*). Я не понимай, мадам, ваши волнение... Дело ишол не о моей маме, а только прикасательно до мене... и мосье Глибовиш...

Ольга. «Прикасательно»!! Вы лучше, чем такие штуки выкидывать, лучше бы в зеркало на себя взглянули!!

Минна. Серкало? Я заверчено не понимай...

Из кабинета вылетает Талдыкин, за ним Глыбович. Талдыкин тяжело дыша, облокачивается на пианино на первом плане, застывает так, совершенно измученный. Волосы у него влажные, в беспорядке... Глыбович же совершенно свеж. Увидев Минну, он подходит к ней, расшаркивается, шепчет ей что-то на ухо, потом отходит, делает общий поклон.

Глыбович. О, ля, ля! Уже третий час, а у меня еще тысяча дел. Общий поклон, господа! Лечу! До скорого. Мой телефон 402–52. Доктор там же. Можете вызвать, когда угодно! Ну, до скорейшего! (*Уходит.*)

Талдыкин (*стоит в прежней позе, утирая платком лицо*). Ф-фу!!

Ольга (*в сторону*). Доктор? Зачем им доктор? Неужели дуэль? Боже мой, что же это?! (*С наружным спокойствием.*) Что это у вас за разговоры были с Глыбовичем?

Талдыкин (*сердито*). Негодяй он, твой Глыбович!

Ольга. Во-первых, что это за «твой»? А во-вторых, я прошу тебя быть с моими знакомыми повежливее!

Талдыкин (*иронически*). Знакомый! Хороший знакомый! Если бы все были такие знакомые...

Минна. Я з вас не согласна, мосье Талдикин. Ви не карашо по отношений к мосье Глибовиш. Она ошень, ошень милий, симпатишни шеловек...

Талдыкин. Да-с? Почему же это вы им так очарованы, позвольте осведомиться? А по-моему «она — шеловек антипатишни!» По-моему, он — каналья!

Минна. О-о... ниет. Он с такая любовь относился до моя матушка, до моя старучка, которая даже не знай, потому,

как моя матушка аус Либава... Он такой сочувственный. Он каварил, чтоб я страховайся на польза моя матушка, чтоб она не бил без кусочек хлеба, если зо мной случийся...

Талдыкин. Как?! Он и вас застраховал?!

Ольга (*приблизившись, хватает его за руку*). Как? Что это значит « и вас»?.. Что ты хочешь этим сказать?!

Талдыкин. Что хочу сказать!? Очень просто, что хочу сказать: что он и меня сейчас почти застраховал!.. Полчаса я от него отбивался, но разве от этого чувствительного, слезоточивого репейника отделаешься? О детях он такое развел мне, что я чуть не заплакал. И ты тоже хороша! Позволяешь себе принимать черт знает кого — агента по страхованию жизни!!!

Ольга. Он?!! Агент по страхованию жизни?.. (*Опускается обессиленная на диван, про себя.*) О, мер-рзавец!

Ариша (*входя в комнату*). Барин... там...

Талдыкин. Что? Он и тебя застраховал?

Ариша. Чево-с? Там господин Казанцев пришли. Спрашивают вас.

Талдыкин (*оживляясь*). А-а... Проси, проси! А вы, медам, пассе муа ле мо — проваливайте! Тут дела...

Ольга (*подходит к Минне*). Так он и вас хочет застраховать? Не думала я, что вы такая глупая!..

Минна. Он ошень пожалей мой старучка... Он такой добренький... шуть-шуть не плакаль. (*Обе, раговаривая вполголоса, уходят налево.*)

В среднюю дверь входит Казанцев. Он худ, бледен, лицо больное изможденное. Войдя, закашливается, кашляет долго, мучительно. Потом, отдышавшись, здоровается с Талдыкиным.

Казанцев. Вы меня вызывали по какому-то делу?

Талдыкин. Да, да... Очень рад вас видеть! Ну, как здоровье?

Казанцев. Плохо.

Талдыкин. Да что вы? Как же это так... Садитесь! Ну, здоровье вещь пустая. А главное — дело. Дело, дело и только дело! Я вас вот по какому делу пригласил... Я знаю, что вы, хотя еще и не составили себе имени как писатель, но вероятно одно литературное дельце мы с вами сварганим, а? Хе-хе-хе!..

Казанцев (*морщится*). К черту дельце. Не хочу.

Талдыкин. Позвольте, позвольте, Иван Никанорыч... Так, кажется? Иван Никанорыч? Ну, так как же вы «к черту дельце»! Еще и не знаете, в чем суть, а уже к черту!

Казанцев. Видите ли... я сейчас... (*закашливается*). Я сейчас в таком положении... что меня решительно никакое «дельце» заинтересовать не может... Хотя бы миллионное.

Талдыкин. А вы раньше послушайте, а потом уж и капризничайте. Скажите, вы знаете поэта Аполодора Чавкина?..

Казанцев (*опуская усталую голову на руки*). Не знаю я поэта Аполодора Чавкина...

Талдыкин. Неужели, не знаете? Вот странно! Поэт, хоть куда. Даже стихи пишет. Так вот, перехожу к сути дела... Издал он месяц тому назад книжку своих стихов. Теперь предлагает мне купить всю партию по три рубля штука. Десять тысяч штук.

Казанцев. С ума он сошел, этот Чавкин?! Кто же печатает стихи в таком количестве?..

Талдыкин. Почему же? Его расчет математически прост... Чем больше книг напечатать, тем больше можно заработать.

Казанцев. А если книжка не пойдет?

Талдыкин. Здравствуйте? Почему же ей не пойти. Стихи как стихи. И рифма есть и размер — по всем правилам. Чавкин Аполодор продал за полмесяца 200 книжек. Исходя из этого, я делаю математически простой и осуществимый расчет: в полмесяца 200 книжек. Так? В год — четыре тысячи восемьсот, а в два года, значит, все десять тысяч у меня и уплывут! А? Недурно? Я вас спрашиваю, молодой друг мой, недур-рно? Хотите в компанию?

Казанцев (*вставая*). Закончим наш разговор в два слова. Я вам приведу другой расчет — он также математически прост и осуществим... Если человек за 2 минуты съедает 1 котлету, то за час он, значит, съест 30 котлет? А в рабочий восьмичасовой день 240 котлет? Человек может стакан пива опорожнить в 3 секунды. Значит бутылку — в 10 сек. Или 6 бутылок за минуту, или

360 бутылок в час? Или 144 ведра пива в восьмичасовой рабочий день?!

Талдыкин (*растерянно*). Почему вы... это... говорите?

Казанцев. Потому что можно съесть две котлеты, можно купить 200 книг, но не больше! Слышите вы — не больше!

Талдыкин. Однако же, раз 200 покупателей нашлось, почему не найтись еще нескольким тысячам?

Казанцев. Почему? Почему? Да потому что нет такой самой скверной, самой пустой книжонки, которая не продавалась бы в этом фатальном количестве — 200 экземпляров! Это издательское правило! Кто эти 200 покупателей, 200 чудаков? Неизвестно. Их никто не видал. Брюнеты они, блондины или рыжие, бородатые или бритые — черт их знает! Я бы дорого дал, чтобы хоть раз посмотреть на одного из этой таинственной «секты двухсот»!.. Чем они занимаются? Домовладельцы ли, антрепренеры, библиотекари или конокрады?.. Но я знаю только, что их двести, и они занимаются тем, что сбивают с толку неопытных поэтов и издателей... (*Пауза.*)

Талдыкин (*прохаживаясь по комнате*). Жаль, жаль. Гм!.. Сорвалось. А я так рассчитывал... (*Приостанавливается, пристально глядит на Казанцева.*) Послушайте! Вот что... Вам никогда не было жаль, Иван Никанорович...

Казанцев. Кого?

Талдыкин. Не кого, «чего». Вам никогда не было жаль выбрасывать перегоревшую электрическую лампочку?

Казанцев (*смеется*). Какой вы странный. Конечно, досадно. Но если уже перегорела — что же с ней сделаешь. К черту ее! Ведь она уже ни на что не нужна.

Талдыкин (*восторженно*). Так вот же, нужна! Что вы скажете, если я вам докажу, что нужна! Ага! Поражены? Ко мне тут изобретатель ходил делец, голова — министр! Чемберлен! И вот, можете вы себе представить, государь мой, изобрел он способ менять проволоку в перегоревшей лампочке, снова выкачивать из нее воздух и того... снова пожалуйте бриться! Снова горит как живая! Да вот тут у меня есть смета небольшой фабрички и всего производства... (*Роется в карманах.*)

Казанцев. Да не беспокойтесь! Не надо. Я же вам говорю, что едва ли вы меня заинтересуете самым великолепным делом.

Талдыкин (*горько*). Почему? Да что вам трудно взглянуть, что ли? Вы сначала посмотрите, а потом уже говорите! Вот видите (достает из кармана): план фабрички, общая смета, а вот смета стоимости ремонта тысячи лампочек. Видите?.. У меня и образцы есть. Да вот! (*Показывает на электрическую лампочку.*) Вот эта — горит, как проклятая. Видите? При мне он и уголек вставлял и воздух машинкой выкачивал. Без обману!

Казанцев (*пожав плечами, рассеянно перебирает бумаги*). Н... да-а... Позвольте... сколько по смете обходится ремонт сотни лампочек?

Талдыкин. А там сказано: 250 рублей.

Казанцев. А вы знаете какая оптовая цена сотни новых лампочек?

Талдыкин. Н... нет. Я все собирался навести справки, да некогда, знаете.

Казанцев. А мне как раз вчера попалась реклама магазина: 225 рублей. Новые-то, оказывается, на четвертную дешевле!

Талдыкин (*совершенно уничтоженный*). Серь... езно? Гм! Погибло. Все погибло. (*Пауза, уныло.*) Производство бумаги от мух вас бы не заинтересовало?

Казанцев. Вот странный человек! Да я же вам русским языком говорю, что не пойду в дело, хотя бы оно безо всяких затрат сулило миллионы!!

Талдыкин (*сердито, стукнув кулаком по столу*). Почему?! Объясните мне — почему?!!

Казанцев (*с кривой усмешкой стучит кулаком по столу, передразнивая Талдыкина*). Пот-тому! (*Делается серьезным, наклоняется к уху Талдыкина и явственно шепчет, глядя ему в глаза.*) Потому, что мне осталось жить 3 месяца. Чахотка. Доктора сказали! Вот вам! (*Откидывается, устало опускается в кресло.*)

Талдыкин (смущенно). А-а... Да... Вишь ты, какая беда. Гм! Как же это вы так?

Казанцев (*устало*). Что?

Талдыкин. Да вот это... заболели так неосторожно...

К а з а н ц е в. Извините, если не угодил чем... Больше не буду. (*Усмехаясь.*) Нет ли у вас какого-нибудь дельца, с помощью которого уничтожается процесс в легких? Вот в это дело я бы пошел.

Т а л д ы к и н (*грустно*). Нет, такого нет. Слушайте... Вам бы на юг поехать, а?

К а з а н ц е в. Экспорт трупа за границу? На это денег нет. Да и черт с ним. Я свыкся уже с этой мыслью. Мать только жалко. После моей смерти без средств будет старушка.

Т а л д ы к и н (*задумчиво*). «Старучка»...

К а з а н ц е в. Что-о?

Т а л д ы к и н. Это наша гувернантка Минна так свою мать называет «старучка». Застраховаться хочет в ее пользу... (*Вдруг медленно встает с места, глядит пристально на Казанцева.*) Послушайте! Мысль! Почему бы вам не застраховаться в пользу вашей матушки. Она бы...

К а з а н ц е в. Ну что вы! Кто же возьмется больного застраховать. Да и средств на страховые взносы откуда взять? Нет уж, куда там.

Т а л д ы к и н. Да постойте! Ведь это мысль! (*Сразу загорается.*) Это ведь может быть замечательно! (*Бегает по комнате, ероша волосы.*) Настоящее верное дело. Слушайте... у вас, действительно, здоровье не того..?

К а з а н ц е в. Сказал же доктор: 3 месяца!

Т а л д ы к и н. Прекрасно! Бесподобно! Тогда мы с вами такое дельце закрутим, что чертям будет тошно.

К а з а н ц е в. Черти-то почему должны страдать?

Т а л д ы к и н. Да не шутя!! Вы подумайте: (*подсаживается*) мы вас страхуем — это уже мое дело столковаться со страховым доктором — страхуем, скажем, в 100 тысяч, я плачу за вас первый взнос, а там... через три месяца — вашей матушке 50 тысяч, мне 50 тысяч — и все счастливы! Все довольны. Каково?

К а з а н ц е в. Все ли? — А страховое общество?

Т а л д ы к и н. Да ведь это крокодилы! Какое нам дело до них. Форменные акулы!! Они, говорят, наживают миллионы. Их ли жалеть? Ну представьте себе, что вас через месяца 3 переехал бы трамвай — не все ли равно?! Лишь бы ихний доктор нашел вас подходящим для

страховки! А остальное предоставьте мне! (*Оживленно.*) Ну, идет? По рукам? Да не делайте такого похоронного лица! Что изменится? Ничего, кроме того, что ваша матушка будет обеспечена...

Казанцев (*вяло*). Но уверяю вас, что доктор, если он не слепой — забракует меня.

Талдыкин. Ну, ладно! Забракует, значит сделка расстроилась... А если не забракует? Ведь вам же риску нет... забракует — идите с Богом! Примет — мамаша, получайте за сынка целую кучу бумажек. Вы хоть бы старушку пожалели. Хе-хе! Старучка, как говорится.

Казанцев (*брезгливо*). Нет... не надо... Позвольте мне уйти... Эти разговоры, это мотание по страховым обществам... И, примите же во внимание... Что я... хотя и странный человек... но все же таки человек!..

Талдыкин. Голубчик мой! Дружище мой замечательный! Разве же я не понимаю? Вхожу!.. Скорблю! Сочувствую! Но ведь это же дело! Согласитесь сами, что это не какие-нибудь там паршивые лампочки или книги! Ведь это все равно, что пшеницу посеял: нынче посеял зерно — другими словами — получил себе страховой полис и отдыхай! Гуляй три месяца. Даже лучше пшеницы: ни дождь не подмочит, ни град не пробьет. И никуда вам не нужно таскаться. Ни в какое общество. Хотите я сейчас вызову сюда же и этого пройдоху — Глыбовича и доктора ихнего... У меня и телефон их есть... (*Ласково, вкрадчиво.*) Ну соглашайтесь, голубчик, ну соглашайтесь, дусенька, хорошо, а? Ведь вам все равно, а «старучке» вашей хорошо будет. Ну и я, конечно, заработаю на этом деле, как пайщик. И капитала вам не нужно, капитал мой! (*почти в экстазе*) ну, ладно? Да соглашайтесь же! Ну хотите, я на колени стану, ручки ваши поцелую, в ножки поклонюсь... (*Делает вид, что хочет стать на колени.*)

Казанцев (*останавливает его устало, с оттенком брезгливости*). Не надо, с ума вы сошли?.. Делайте, что хотите, только оставьте меня в покое. Все равно уж! Господи, как я устал. (*Опускает голову на сложенные на столе руки.*)

Талдыкин (*ласково суетится около него*). Ну, вот — устали и отдохните, голубчик — тут вам никто не помешает... Вот нате вам подушечку под голову... Вот тут вода... (*берет диванную подушечку, графин с водой, переносит к столу подушку, несмотря на сопротивление, нежно подсовывает Казанцеву* под *голову*.) Отдыхайте, с Богом, а я пока побегу по всем телефонам трезвонить. Охо-хо... Дела, дела! (*С неожиданным энтузиазмом.*) Ведь это же замечательно!

Талдыкин на цыпочках уходит в кабинет налево. На сцене несколько секунд, кроме Казанцева, никого. Потом открывается правая дверь, входит Зоя.

Зоя (*подходит к столу, с удивлением смотрит на Казанцева, руки и голова которого покоятся на диванной подушке весело смеется.*) Спите? Послушайте! Это гостиная. Спальня там.

Казанцев (*подняв голову и подперев ее кулаками, долго смотрит на Зою*). Здравствуйте.

Зоя. С добрым утром. Кто вы будете, землячок?

Казанцев (*в тон ей*). Питерские мы, касатка. Крапивное семя, холоп ваш Ивашка, сын Никаноров, Казанцев тож. А вы из каких?

Зоя. В племянницах тут хожу. Познакомимся (*протягивает ему руку*), только не говорите «очень приятно» или «очень рад». Если познакомитесь ближе, тогда, может быть, и будет приятно, тогда и рад будете. А то так бывает, что и не обрадуетесь!..

Казанцев. Почему же? Человек вы, верно, не плохой...

Зоя. Да ничего себе. Поджогами не занимаюсь, в сбыте краденого не замечена. Девушка как девушка. А вы тут чего на подушке... самоуглубились? Небось, о какой-нибудь женщине думали?

Казанцев. О, да и проницательная же вы. На аршин под землей видите. О женщине думал, это верно. Только она не особенно молодая и с косой за плечами.

Зоя. Важное кушанье — коса. Вот и у меня есть (*перекидывает через плечо косу*), вишь, ты какая.

Казанцев (*шутя берет кончик ленты, вплетенной в косу*). Хорошая коса. Отменная. Только у моей не такая (*Задумался.*) Металлическая.

Зоя. А-а... Это, значит, она косьбой занимается, царица ваших дум. Косит?

Казанцев. Во-во. Еще как.

Зоя. А вы, значит, увидели и голову потеряли?

Казанцев. Еще не потерял, но скоро боюсь потерять.

Зоя. Ну желаю вам у нее успеха.

Казанцев. Не стоит благодарности.

Зоя. А у нас вы чего торчите? (*Присаживается на край стола*). По делу, что ли?

Казанцев. Старучку хочу обеспечить.

Зоя (*смеется*). Туманный вы человек. Это наша Минна так говорит: старучка. Вы ее знаете?

Казанцев. Не имел удовольствия.

Зоя. Ну, это удовольствие не первого класса. Вы дядю ждете?

Казанцев. Дядю. У меня с ним дело. Скажите, ваш дядя хороший человек?

Зоя. Человек он, по-моему, неплохой. В обычной жизни добрый. Но если уцепится зубами за какое-нибудь дело — пиши пропало! Делается слеп, нем и глух. Ничего не понимает и, как заводная игрушка в маленькой комнате, на все стены натыкается. Да и дела его все какие-то странные. Иногда смотришь — бегает человек, кричит, суетится, горячится, — по какому-такому делу? А подойдет ближе: оказывается открывает фабрику печенья из картофельной шелухи. (*оба смеются.*) Ей-Богу. Он и с таким делом носился. А теперь у него в голове перегоревшая электрическая лампочка.

Казанцев. Провалилась!

Зоя. Серьезно? Жаль тетю и детей. На лампочку шла вся игра и возлагались ба-альшие надежды.

Казанцев. Теперь у него другое дело. Со мной. И, кажется, более верное.

Зоя (*протягивая ему руку*). Ну, искренно желаю, чтобы оно удалось.

Казанцев. Искренно?

Зоя. Ну, да. Вы мужичок очень приятный. Только вид у вас не того. Палевый какой-то. Или старучка плохо кормит? Вы бы в деревне пожили. В природу бы нырнули.

Казанцев. К дьяволу природу. Не люблю.

Зоя. За что же это вы ее так?

Казанцев. А так. Она меня не любит, а я ее. Оба мы не жалуем друг друга (*закашливается*). Видите, какой я?

Зоя. Напрасно... А я люблю поваляться на травке, под солнышком — когда все до последней козявки, до последнего жучка живет полной жизнью, все жужжит, влюбляется. Собирает мед с цветов, тащит сухую травинку в свою норку и вообще исполняет свое назначение.

Казанцев. Жучок... Тоже, знаете, и жучки разные бывают и разные их предназначения. Иной жучок только тем и живет, что хлеб на корню лопает и убытки делает. А то в ухо заползет.

Зоя. А вам, наверное, еще дальше заполз. В мозги. Чудовище вы!

Казанцев. Да право! Иной вдруг начнет восхищаться «цветочным ковром». А что это за «ковер»? Одна безвкусица. Тона подобраны кое-как... Безо всякого толка и смысла...

Зоя. Вам, может быть, обидно, что и солнце круглое, а не четырехугольное?

Казанцев. Да зачем мне четырехугольное.

Зоя. А так. Пойду уж я. До свиданья. Желаю вам поправиться и довести дело с дядей до удачного конца.

Казанцев. Не могу голубушка. (*Разводит руками, печально улыбаясь*). Эти два фактора взаимно уничтожают друг друга.

Зоя. Туманно, чивой-то. Невдомек мне, бедной девушке. (*Пожав ему руку, уходит, потом возвращается.*) Да, писатель! крапивное семя! А вы оценили мою деликатность или даже не заметили? Под нос нужно ее поднести?

Казанцев. В чем деликатность?

Зоя. Да вот вы сказали: писатель. Другая бы сейчас прицепилась, как репейник к собачьему хвосту: «ах вы писатель? Да что вы говорите? Да как же это так?! Да что же вы пишете? Да трудно ли писать? Ах, смотрите, не опишите меня». Наверное, всем писателям эти ахи и восклицания вот как в зубах навязли?

А я хоть бы что. Сказали, что писатель, ну и ладно. Даже ухом не повела.

Казанцев. Ну, ушко такое красивое, что если бы вы и повели, так мне только приятно.

Зоя (*всплескивая руками*). Что слышу я, друг Горацио? Комплименты? (*Кокетливо.*) А ... что же женщина с косой? Ее уже забыли?

Казанцев (*грустно*). Ах, да... женщина с косой. О ней я ни на минуту не должен забывать. До свиданья, золотая девушка. Спасибо за ласку. (*Берет ее за обе руки.*) И если вам это будет приятно, я приложу все усилия, чтобы мое дело с вашим дядей окончилось в его пользу. Мне-то ведь все равно.

Зоя кивает головой, медленно уходит в двери, потом возвращается, кричит: «пейте молочко, кушайте яички» — уходит совсем. Казанцев прохаживается с грустной, не успевшей растаять улыбкой на устах. В среднюю дверь входят Глыбович и доктор Усиков. Кланяются Казанцеву.

Казанцев. Вам, вероятно, Андрея Андреича?

Глыбович. Совершенно верно. Он нам сейчас звонил в страховое общество.

Казанцев. А... а... Мою старучку хотите обеспечить?

Глыбович (*недоумевающе*) ... Виноват?

Талдыкин выходит из кабинета

Талдыкин (*весело*). Вот это быстрота! Главное в жизни — быстрота и натиск. Люблю деловых людей! Познакомьтесь, господа! Казанцев, Иван Никанорыч, господин Глыбович, господин?... (*к Усикову*) Ведь вы доктор?

Усиков. Да. Я врач-консультант при страховом обществе «Прометей».

Талдыкин (*от возбуждения лихорадочен*). Прекрасно, прекрасно! Люблю медицину. В вас, доктор, есть что-то располагающее к себе. Чувствую, что мы, если познакомимся поближе, будем друзьями... Не правда ли, доктор?

Усиков. Почту за честь.

Талдыкин. Садитесь, господа, что же вы стоите? Садитесь, садитесь. (*Суетится, усаживая Усикова и Казанцева.*

Глыбович уже развалился в кресле раньше). Я, господа, пригласил вас, чтобы сообщить вам приятное... Собственно, приятную для господина Глыбовича... Ну, и для вас, конечно, доктор, если вы блюдете интересы общества... приятную новость! Хотя вы, господин Глыбович, давеча уже почти уговорили меня застраховаться, но едва ли это выйдет! Скажу откровенно: человек я уже не юных лет, часто прихварываю и того... Да! А вот перед вами (*указывает на Казанцева*) сидит мужчина молодой, полный сил — и вот его-то я вам и предлагаю застраховать!

Глыбович (*порывисто вскакивая*). Его? Вот этого? А ну, пойдите-ка сюда. Берет Казанцева за руку, подводит его к окну, бесцеремонно осматривает. Гм, да! (*отходит*). Знаете что, Андрей Андреич? Все-таки я лучше вас застрахую.

Талдыкин. Ну!.. Ну!.. ну!.. не оригинал ли? Я ему предлагаю выгодную комбинацию, даю хорошего клиента, а он ко мне привязался, как... как банный лист! Хе! Хе!.. Почему же вам Иван Никанорыч не подходит, скажите на милость?

Глыбович. Видите ли... (*отводит Талдыкина немного в сторону, шепчет ему на ухо*).

Талдыкин (*горячо*). У него? Да что вы, голубчик?! Скажете такое-этакое! Грудь, как грудь! Лицо, как лицо! (*Берет Казанцева за талию, поворачивает к Глыбовичу.*) Ну, посмотрите. Может быть, вчера поздно лег, устал, а так, в другое время... да ведь это кровь с молоком! Буквальная кровь с буквальным молоком!

Казанцев (*в сторону, очевидно потешаясь всем этим*). А они начинают мне даже нравиться. Люблю деловых непринужденных людей!

Глыбович (*горячо*). Вот это, по-вашему, кровь с молоком? Бросьте! Кому вы говорите! А почему грудь впалая? Почему руки, как плети? Вы знаете, какой у него вес? Копейки я не дам за его вес!

Те же и Минна.

Минна. Пожалиста простить мне, что я помешал, но... как я знаю, что здесь мосье Глыбович, то могу я ему оторвать ад вас на айне клейне минютка?

Глыбович. А-а, многоуважаемая... к вашим услугам! Привез, все привез как обещал... И проспект, и условия. Простите, господа, я сейчас! (*Уходит с Минной.*)

Те же без Глыбовича и Минны.

Талдыкин (*после паузы*). Ну-с, дорогой доктор... Надеюсь, вы мне поможете устроить это дельце с моим молодым другом.

Усиков. Я, конечно, с удовольствием... Но мне нужно раньше осмотреть, выслушать господина Казанцева.

Талдыкин. Да зачем вам его осматривать? Что он — собор святого Марка в Венеции, что ли? Выслушивать его незачем! Вы лучше меня послушайте! (*Берет доктора за талию, отводит в сторону, шепчет что-то*).

Усиков. Что вы, голубчик... как же так? Осмотреть я его все-таки должен.

Талдыкин. Заверяю вас, что узоров на нем нет никаких. (*Шепчет что-то на ухо Усикову.*)

Усиков. Но вы, любезнейший, забываете о врачебной этике!

Талдыкин. Я забываю? Ничего подобного! Это я хочу, чтобы вы забыли. Да право, ей-Богу! Мало ли вы кого страхуете — не будете же вы меня уверять, что они все абсолютно здоровы!

Усиков. Конечно, вы отчасти правы... Абсолютно здоровых людей нет. Но...

Талдыкин. Позвольте, позвольте!.. Предположим, человека через месяц после страховки перерезало автомобилем. Так? Виноваты вы? Что же вы, когда перед страховкой осматриваете его, должны заранее найти в нем эту автомобильную болезнь? Абсурд! Все случай! Все лотерея! Иван Никанорыч! Ну, скажите вы ему сами... (*подбегает к Казанцеву.*)

Казанцев (*встает, потягивается*). А вы знаете... Вы любопытный человек. Вы меня забавляете. Я даже развеселился.

Талдыкин. Ну, вот, видите, я очень рад, что развеселил вас. Веселье — залог здоровья. Посмотрите, доктор, видите, какой он веселый! Разве больной человек может быть веселым? Эх, доктор, милый мой эскулапос! Да мы, может быть, еще на свадьбе его деток будем какое-

нибудь па-де-патинер отплясывать. Вот так: (*напевает*) та-ра-ра-ра-рам!.. Хе-хе!.. (*Перебегает от доктора к Казанцеву.*) Иван Никанорыч! Сколько, вы говорите, одной рукой выжимаете? Кажется, три пуда?

Казанцев. А знаете что? Убирайтесь вы к черту!

Талдыкин (*шепчет лихорадочно*). Сейчас, сейчас, голубчик. Вы же сами понимаете — нельзя без этого! Всякий купец свой товар хвалит.

Казанцев. Не понимаю, чего вы суетитесь? Все равно ведь доктор забракует.

Талдыкин. Он? Голубчик! Писатель вы, а не знаете людей... Если он мне сразу в ответ на мое предложение не дал по морде — значит, с ним можно вообще разговаривать. Представьте себе...

Казанцев. Проваливайте. Вы мне надоели.

Талдыкин. Ну, не буду, не буду. Простите. Знаю, что вам волноваться вредно. (*Громко.*) Эх, наш нервный век!..

Усиков (*вынимает папиросу*). Курить можно?

Талдыкин. Что? Папироса? Бросьте папиросу! У меня есть чудесные сигары. Пойдемте, дам! Сигары — нечто феерическое! Фимиам. Хе-хе. (*Обняв доктора за талию, уводит в кабинет.*)

Казанцев (*прохаживается по комнате, подходит к зеркалу, долго рассматривает себя*). Гм... да. Товар неважный. Однако никто в жизни так горячо и искренно не хвалил меня, как этот Талдыкин. Если бы критика относилась ко мне так же... (*Прохаживаясь, подходит к двери кабинета. Прислушивается.*) Вот Цицерон! Ишь как разливается. Мертвого ведь уговорит... Однако и доктор тоже фрукт, достойный пристального внимания знатока... Идут! (*Отходит от двери, садится в кресло на втором плане спиной к публике.*)

Из кабинета выходит Усиков, за ним Талдыкин.

Талдыкин (*многозначительно*). Ну, как сигара? Хороша?

Усиков (*тоже многозначительно*). М... м... Ничего. Слабовата. И потом я люблю размер побольше, эта мала!

Талдыкин. Ну от большой еще голова заболит.

Усиков. Ничего, я привычный.

Талдыкин. Да? Значит, не в первый раз.

Усиков. Что?

Талдыкин. Курите?

Усиков. Да! Я записной курильщик. Да ведь без курения не проживешь. Сам знаю — привычка дурная, но ведь почти все курят.

Талдыкин. Хе-хе. А некоторые только нюхают.

Усиков. Да, дураки нюхают.

Глыбович, входя, ловит последнюю фразу.

Глыбович. Что нюхают дураки?

Усиков. Табак. Я говорю о табаке.

Глыбович. А вот я даже не нюхаю.

Усиков. И напрасно. Если бы вы начали курить — больших бы дел мы с вами натворили!

Глыбович. То есть, почему?

Усиков. Да очень просто: курение освежает голову и вызывает усиленную деятельность... Вот, например, возьмите меня: пока вы там где-то болтались, я уже успел осмотреть и выстукать нашего нового клиента.

Глыбович (*быстро*). А! Ну и что же?

Усиков. Я полагаю, что на страх мы его можем принять. Здоровяк!

Глыбович. Что вы говорите? Вот не думал.

Усиков. М... да. Сложение худощавое, но крепкое. Сердце, хоть на выставку. В левом легком небольшие хрипы, но это от недавнего бронхита. Две-три недели и будет здоровехонек. Только пить ему нельзя и курить.

Казанцев. В особенности так «курить», как вы давеча.

Усиков. А? Да. Да. Гм!.. Ну-с, мое дело сделано. Теперь остальное по вашей части, Петр Казимирович.

Глыбович (*потирая руки*). Ну за мной остановки не будет. А в какую сумму вы предполагаете страховку?

Талдыкин. В сто тысяч.

Глыбович и Усиков (*вместе*). Ого-о-о! Вы знаете, какой годовой взнос на сто тысяч?

Талдыкин. Ничего-о-о... наскребем! Ну-с, а теперь, когда дело сделано — не мешало бы его и вспрыснуть... У меня как раз есть заветная бутылочка. (*Кричит в дверь.*) Ольга Григорьевна! Зоя! Идите сюда! Тащите ту бутылочку, что я привез на прошлой неделе! (*Весело*

потирает руки.) Хо-хо! А вечером мы катнем с вами в театр. Чтоб уж сегодня — не разлучаться. У меня как раз взята ложа! Знаете, театр как-то после делового дня освежает голову.

Усиков. А что нынче идет?

Талдыкин. «Живой труп». А вот и вино, кажется... (*Напевает на мотив из «Гейши»*). Живой труп-труп-труп, та-да-ра-да-рам... Кит-кит-кит-китай превосходный край...

Выходит Ольга Григорьевна с подносом, на котором бутылка шампанского, бокалы, за ней Зоя.

Ольга. Что это у вас за торжество?

Талдыкин. Дельце одно с Казанцевым склеили... Проволоку обрезали? Так. Холодное? Ого! Ничего. (*Разливает вино в бокалы.*) Доктор, пожалуйста! Глыбович! Зоя, а ты ж чего? (*Раздает бокалы с вином*). Итак, господа, ура-а!.. За успех дела с Казанцевым! (*Чокается.*)

Усиков. Ну, дай Бог, чтобы все хорошо было.

Талдыкин. Надеюсь! Это будет, кажется, первое дело, которое мне удастся.

Глыбович. Господа! В качестве представителя нашего общества, я поднимаю свой бокал за здоровье Казанцева. И это не фраза, что я желаю ему здоровья, хе-хе! Дай ему Бог.

Талдыкин (*в сторону*). Вот дурень-то! Так тебе Бог и пошлет.

Зоя. Не знаю, в чем там ваши эти путанные дела, но за успех этого дела пью. Дядя, Казанцев твой мне понравился. А, кстати, где же он? Неужели ушел?

Талдыкин. Черт возьми! А ведь и правда? Мы о нем действительно забыли!.. Вон он сидит, в кресле. Иван Никанорыч! Чего ж вы не идете выпить за успех? (*Радушно.*) Пожалуйста! (*Вытаскивает его, дает ему бокал.*) С женой вы, кажется знакомы. А это вот племянница Зоя.

Зоя. Да и мы знакомы. (*Подходит к нему.*) Здравствуйте, еще раз, землячок. Хотите чокнуться со мной за успех вашего дела?

Казанцев (*ласково*). Милая вы моя девушка. Вы собой являете образец самого великолепного неведения. За-

любоваться можно! Так за успех нашего дела? Вам я, наоборот, желаю долгой жизни!

З о я. Что значит — наоборот? Эти писатели страх как туманно выражаются.

К а з а н ц е в. Ничего не туманно. Вы пьете за мою женщину с косой, а я за вас — девушку с косой.

З о я. Не хочу пить за вашу женщину! (*Смеется.*) Я ревную. Провались она! Пейте, землячок.

К а з а н ц е в. Спасибо, касатка.

Т а л д ы к и н подходит к Казанцеву. Доктор в это время, развалившись в кресле, прихлебывает вино. Между Ольгой Григорьевной и Глыбовичем немая сцена. Она с негодованием что-то шепчет ему — он жестами оправдывается.)

Т а л д ы к и н. Ну-с, Иван Никанорыч... Чокнемся и мы с вами. С начатием дела, как говорится! Дай Боже! За вашу женщину! Ах! Вы уже выпили? Позвольте, еще налью.

К а з а н ц е в. Мне больше нельзя пить. Вы же знаете — доктор запретил.

Т а л д ы к и н. Ну, вот глупости. Ведь доктор уже дал свое заключение, и полис все равно получим. Как говорят французы: вино откупорено — его надо пить! Теперь уж можно пить! (*Казанцев молча смотрит на него пронизывающим взглядом, выпивает вино залпом.*) Чего вы на меня так смотрите? (*Суетливо, стараясь не смотреть ему в глаза.*) Сигарки не хотите ли? (*Сует ему в зубы сигару, Казанцев обессиленный стоит, опираясь на пианино.)*

Г л ы б о в и ч (*отошедший в это время к Зое что-то тихо говорит ей, потом громко*). «Живой труп»!

О л ь г а (*вздрогнув).* Где живой труп? Что за гадости вы говорите?..

Т а л д ы к и н. Это, Оленька, пьеса такая. Сегодня идет в театре.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Веранда дачи Талдыкиных. На сцене — горничная А р и ш а, *стирающая пыль с садовой мебели, и хозяин дачной лавки* Х а р и ч к и н.

Х а р и ч к и н. Нельзя же так, разрешите посудить сами. В прошлом месяце сказали, что заплатите в этом, в этом месяце сказали, что заплатите — на этой неделе, на этой неделе сказали, что заплатите на этих днях, а эти дни... Да вот же они и есть эти дни... Чего ж вы не платите?!

А р и ш а. Сказано вам: как только казанцевское дело окончится — так и получите сполна.

Х а р и ч к и н. Об этом казанцевском деле мы уже наскрозь наслышаны. Нам от казанцевского дела ни тепло, ни холодно... (*Сурово.*) Да ты-то, ежова голова, сама знаешь, что это за дело такое казанцевское?

А р и ш а. Мне-то откуда? Нешто я сую нос в барские дела. А только все ждут до окончания казанцевского дела, и я жду за два месяца, и ты подожди.

Х а р и ч к и н (*почесываясь*). Эх! Хороший вы народ, только Бог смерти не дает!

А р и ш а (*насмешливо*). Даст Бог и смерть. Мы сейчас же после вас Григориваныч! (*Уходит.*)

Выходит Т а л д ы к и н. *Он похудел, осунулся.*

Т а л д ы к и н. Харичкин? Здравствуй. Чего тебе?

Х а р и ч к и н. Да ведь помилуйте, господин Талдыкин, Андрей Андреич! Сами понимаете. Два месяца ведь.

Т а л д ы к и н. Чего два месяца?

Х а р и ч к и н... Да как. Вы тут, пребываете!

Т а л д ы к и н. Спасибо за сообщение. Я это и без тебя знал.

Х а р и ч к и н. Вот я и говорю.

Т а л д ы к и н. Что говоришь?

Х а р и ч к и н. Да насчет, стало быть, двух месяцев. Разрешите посудить сами.

Т а л д ы к и н. Разрешаю. Ну?

Х а р и ч к и н. Так вот: два месяца.

Т а л д ы к и н. Слышал. Два месяца! Ну? Восемь недель... Ну?! Шестьдесят дней!! Ну?! Что дальше?

Х а р и ч к и н. Точно изволили сказать: шестьдесят дней! А я за это время, как говорится, ни синь-пороха.

Т а л д ы к и н. Охотиться собираешься?

Х а р и ч к и н. Никак нет. Зачем мне охотиться?

Т а л д ы к и н. Чего ж ты о порохе говоришь?

Х а р и ч к и н (*утирая лоб*). Ф-фу! О порохе я к слову. Я больше насчет того, что два месяца...

Т а л д ы к и н. Вот что, голубчик! Я сам человек деловой, серьезный и не люблю длинных разговоров. Чего ж ты топчешься и мямлишь о двух месяцах и порохе. Говори прямо — чего надо?

Х а р и ч к и н (*неожиданно взрывается*). Денег надо!!!

Т а л д ы к и н. Вот это я понимаю: точный, ясный ответ. Деньги ты получишь.

Х а р и ч к и н (*всколыхнувшись*). Когда?..

Т а л д ы к и н Когда? (*вынимает медленно часы, смотрит на них, прикладывает их в уху*). Когда? (*на лице Харичкина радость.*) Вот, братец ты мой, когда. (*Прячет часы.*) Через месяц.

Х а р и ч к и н (*опечаленный*). Да что вы! Никак этого невозможно!

Т а л д ы к и н. Чего там невозможно! Вот казанцевское дело кончится и — все до копеечки!

Х а р и ч к и н. Да ведь и в прошлом месяце и давеча говорили, что казанцевское дело кончится.

Т а л д ы к и н. Фу, какой ты, братец! Ну, посуди сам: не могу же я для твоего удовольствия отравить человека!

Х а р и ч к и н. Нам этого не требуется.

Т а л д ы к и н. Ну, вот — видишь, видишь! Надо быть деловым человеком. Деловой человек — одно, а убийца... гм!.. другое. Ну, ступай. Да! Я нынче как раз жду Казанцева: так ты винца пришли... покрепче! Коньяку там бутылочки две, мадерцы. Да, сигар, тех, что я брал.

Х а р и ч к и н (*нерешительно, вертя руками*). Разрешите посудить сами...

Т а л д ы к и н. Ну! Ну! Ну! Ну! Харичкин... Ха-аричкин! Стыдись.

Х а р и ч к и н. Ф-фу! (*разводит руками, почесывается, уходит. Талдыкин в грустной задумчивости прохаживается по террасе*).

Ольга Григорьевна (*входит на террасу с цветами, ставит в кувшин*). Кто это у тебя был?

Талдыкин. А? Так, один знакомый.

Ольга (*поправляет скатерть на столе*). Ты полюбуйся — вечером забыли убрать скатерть — до сих пор влажная. И как это можно снимать дачу в таком сыром месте. Ведь тут болото!

Талдыкин. Ну... много ты понимаешь. Мне это нужно было... для моих дел.

Ольга. Не понимаю! Какие это могут быть дела, для которых нужна сырая дача. Вечные фантазии в голове.

Талдыкин. Казанцев к нам нынче приезжает.

Ольга. Зачем?

Талдыкин. Да так просто. Погостить.

Ольга. Этого только еще не доставало! Сами в последнее время еле концы с концами сводим, а тут на тебе — гость! Кстати, ты мне уже две недели не давал денег. Я без копейки. Можешь дать рублей полтораста?

Талдыкин. Голубушка! Откуда? Подожди, казанцевское дело кончится — тогда вот как свободно вздохнем. Ведь ты знаешь — я в это дело все свои свободные денежки убухал. И все новые и новые приходится доставать. Признаться — немного затянулось.

Ольга (*села*). Да что это за дело, скажи мне на милость? Кругом говорят — казанцевское дело, казанцевское дело — а что это за дело, никто и не знает толком!

Талдыкин. Ну это тебе мало интересно. Сухие цифры... гм! (*Мнется.*) Сложные расчеты, планы... Ну да, одним словом, — дело, как дело! Вот ты мне скажи, где я для Усикова денег достану?

Ольга. Для какого Усикова?

Талдыкин. А для доктора. Ты же знакома с ним. Еще три недели тому назад обещал я деньги этому злополучному Усикову. Хорошо, что он не показывается. Наверное, забыл. Или умер. В городе, говорят, холера.

Усиков (*показывается в дверях*). Кто? Усиков умер? Плохо же вы знаете Усикова. Усиков, по-моему, бессмертен или, как говорит наш добрый русский народ: «Холера его не возьмет». Здравствуйте (*здоровается с Талдыкиными*).

Талдыкин. Оля, выйди. Нам нужно по делу переговорить (*Ольга уходит.*) Эх, принесла вас нелегкая. Не вовремя!

Усиков (*добродушно*). А что?

Талдыкин. Да денег нет.

Усиков (*свистнув*). А как наш... клиент?

Талдыкин. Настолько здоров, что сегодня приезжает к нам. Хотя ведь... это болезнь такая, что может сразу свалить. А?

Усиков. А черт его знает. Ведь вы даже тогда не дали его осмотреть. Откуда я знаю, в какой он степени.

Талдыкин (*отвернувшись от доктора*). Он... этого. Говорил о трех месяцах...

Усиков (*нерешительно*). Послушайте... А ведь в конце концов мне эта штука начинает не особенно нравиться. Выходит, что мы будто какие-то коршуны над трупом кружимся...

Талдыкин. Что вы, доктор! Опомнитесь. Мы-то тут при чем? Приходит человек, уверяет, что житья ему всего-навсего осталось 3 месяца! Пожалуйста! Изменить ведь мы этого не можем? А раз не можем изменить, почему на этом не сварганить дельца? Казанцева жаль? Очень жаль! Чрезвычайно! Но спасти его мы не в силах. Страховое общество жаль? Не жаль! Нисколько не жаль. Они миллионные дивиденды своим разжиревшим акционерам выплачивают. Эх, не деловой вы человек, доктор!

Усиков. Мошенник я — вот кто я.

Талдыкин. Ну, знаете... Человек, который говорит, что он сумасшедший — всегда психически здоров. Если вы называете себя мошенником — значит, вы не мошенник. В чем можно вас упрекнуть? Только в служебной небрежности. Должны были освидетельствовать человека и не освидетельствовали.

Усиков (*уныло*). Нет, и не говорите! Мошенник я. Признаться, я в первый раз-то и смошенничал. (*Пауза.*) Правду сказать, я и раньше пытался мошенничать два раза в жизни-да как-то все выходило, что оставался честным человеком. Ей-Богу!.. Один раз написал анонимный донос на хорошего человека и послал с моим слугой опустить в почтовый ящик. И что же

вы думаете? Слуга оказался таким же мошенником, как и я: почтовые марки отодрал, а письмо выбросил. В другой раз принял на страх знакомого человека, а у него болезнь сердца. И тут, представьте, окончилось по-честному: после двух взносов в общество он перестал платить, потерял право на полис, и общество не потерпело никакого ущерба!

Талдыкин. Значит, если я тоже перестану платить взносы — и казанцевский полис потеряет силу? И мои денежки, что я вносил — кровные мои — тоже пропали?

Усиков. А как же?!

Талдыкин. Жулики они у вас там, это ваше общество!

Усиков. Ничего не поделаешь. Они жулики, высочайше утвержденные, а я так себе... кустарный мошенник.

Талдыкин. Будет вам! Главное, чтобы я вас считал честным человеком

Усиков. Вы?! А по-моему, главное, чтобы окружной суд считал меня честным человеком. (*Входит Зоя.*) А! Вот и царица сих мест!

Зоя. С добрым утром, дядя. (*Он целует ее в лоб.*) Ты что, нездоров? (*Протягивает руку Усикову.*)

Талдыкин. Здоров! А что?

Зоя. Да вот — этот вестник бедствия у тебя тут сидит.

Усиков. Зоя Николаевна! Стыдитесь!

Зоя. Перед доктором-то? Кто же стыдится доктора?

Усиков. Я говорю о нравственном стыде. А физически... конечно! Вы смело могли бы даже снять передо мной платье.

Зоя. Уверена в этом! Если начну у вас лечиться, вы последнее платье снимите.

Усиков. Ну и язычок же у вас — бритва.

Зоя. Так точно. И перед тем, как брить — я намыливаю как следует.

Усиков. Значит это — только предварительная операция? Бритье после?

Зоя. Конечно. Чтобы шерстью не обрастали.

Талдыкин. Нынче Казанцев приезжает.

Зоя (*радостно*). К нам?

Талдыкин. Нет, к алжирскому бею. Чего это ты так всполошилась?

Зоя. Да я так... так просто одета для гостя. Надо бы переодеться...

Усиков. Нечего сказать, вежливо. А я что ж, собака?

Зоя. Ну, что вы! Это обидное сравнение.

Усиков. Для собаки?

Зоя. Ну да. Она все-таки друг человека. Что, съели? А я вижу, вы мастер вымогать комплименты с револьвером в руках. (*Поправляет цветы в кувшине, что-то напевая.*)

Усиков (*лукаво*). А вы чего-то сразу повеселели, Зоя Николаевна? (*Смотрит на часы.*)

Зоя. Это вы меня развеселили.

Усиков. Чем?

Зоя. Да вот на часы посмотрели. Значит скоро уедете.

Талдыкин. Зоя!!

Зоя. Есть на борт! Он же знает, что я шучу. Скоро мы с вами, милый доктореночек, будем коллегами. На акушерские курсы с осени поступаю.

Усиков. Чего это вам вздумалось?

Зоя. Деньги зарабатывать. Буду дяде помогать! С мебели бахрома исчезла, а на краях брюк появилась.

Талдыкин. Зоя!!

Зоя. Асеньки? Ей-Богу, дяденька, не верю я во все эти твои дела!

Усиков (*смеется*). Но почему же именно на акушерские курсы?

Зоя. Как почему? Да поймите вы, доктореночек мой замечательный, что мы с вами будем самыми необходимыми людьми: без акушерки трудно родиться, без доктора трудно умереть.

Усиков. Так-с. Процесс намыливания кончился. Это, я вижу, начинается бритье.

Зоя (*расшаркивается*). К вашим услугам. Прикажете чистым одеколоном? Вам все лицо или где брито? Мальчик! Почисть.

Талдыкин. Помилосердствуй! Откуда у тебя такие познания по нашей мужской части?

Зоя. А это мне один юнкер анекдот рассказывал: барышня из женской парикмахерской, обливает изменившего ей любовника серной кислотой и тут же в силу

привычки, машинально спрашивает: «Вам все лицо, или где брито?» Этот юнкерок был в меня влюблен, и поэтому всякие такие истории... (*Увидев в дверях входящего Казанцева, сразу расцвела и бросилась к нему с протянутыми руками.*)

Те же и Казанцев. Он немного пополнел, лицо посвежело, глаза не такие печальные и измученные, как в первом действии.

Зоя. Господи! Какое приятное явление! Здравствуйте, дорогой землячок! Здравствуйте, голубчик Иван Никанорыч. Ну, как здоровье? Вы очень мило выглядите!

Казанцев. Спасибо, касатка. На здоровьпе я нынче жаловаться перестал. Кашель почти исчез, аппетит появился!.. И в весе прибавился на 12 фунтов. Здравствуйте, господа!

Талдыкин (*при виде поздоровевшего Казанцева лицо его вытянулось, жест испуга и разочарования в сторону доктора*). Гм... да! На сколько, вы говорите?

Казанцев. Чего на сколько?

Талдыкин. Да в весе-то! Прибавились?

Казанцев. Да. На 12 фунтов. И, знаете, настроение както лучше. (*Подходит к Зое, у них тихий оживленный разговор.*)

Талдыкин (*доктору, вполголоса*). Видали? Ну, что вы на это скажете?

Усиков. На что?

Талдыкин. Да что в весе прибавился. На 12 фунтов?

Усиков. Это хорошо.

Талдыкин. Значит безнадежен?

Усиков. Нет, наоборот. Пожалуй, выздоравливает.

Талдыкин. Тьфу! Чтоб вас всех черт побрал. (*Вскакивает, прохаживается нервно по террасе.*) Иван Никанорыч! На минутку! Простите, господа! (*Отводит Казанцева в сторону.*)

Казанцев. К вашим услугам! (*Усиков подходит к Зое.*)

Талдыкин. Иван Никанорыч! Что же это вы, а?..

Казанцев. А что такое?

Талдыкин. Да как же... То говорили 3 месяца, 3 месяца, а теперь... 12 фунтов!! Я, конечно, не какой-нибудь

кровожадный палач, можете себе жить, хоть 100 лет... Но я, извините, деловой человек. Я вложил капитал! И если уж мы начали дело...

Казанцев (*добродушно*). Дорогой мой, но чем же я виноват? Ей-Богу, я не хотел вас подвести... Даю вам честное слово, что я не старался.

Талдыкин. Да! Не старались. А 12 фунтов откуда?

Казанцев. А черт их знает. Поверьте, что я если бы знал, что причиню вам такое огорчение...

Талдыкин. Позвольте... Но кашель-то все-таки есть?

Казанцев. Иногда. По ночам.

Талдыкин. Грудь болит? Или совсем перестала?

Казанцев. Иногда покалывает.

Талдыкин. Гм! Покалывает! Покалывает... Ну ладно (*неожиданно, хватая за руку Казанцева*). Вы меня извините, Иван Никанорыч... Но если бы вы знали, как мне теперь круто приходится. Все деньги, какие были, ахнул в это дело. Тому плати, этому плати...

Казанцев. Господи! Да разве я не понимаю? Не зверь же я, в самом деле... Да вы не вешайте головы. Может, это так просто... временное улучшение. Знаете, как свеча перед тем, как погаснуть, ярче вспыхивает.

Талдыкин (*радостно, схватив за руку*). Вы думаете? (*Опомнившись.*) Ради Бога, простите! Но мои глаза застилает какой-то туман. (*Трет себе глаза.*) Я уже как-то потерял способность различать — где дело, а где... гм! Свинство.

Казанцев (*трепля его по плечу*). Не беспокойтесь! Я вас понимаю. И поверьте, что моя деликатность никогда не допустит...

Зоя. Господа, что это у вас за секреты? У вас, Иван Никанорыч, такое лицо, будто вы в чем-то провинились и вас собираются высечь?..

Казанцев (*разводя руками*). Да! Вот, выходит, что вашего дядю кое в чем подвел. (*Подходит к Зое.*)

Талдыкин. Знаете что, докториссимус? Пойдем, по саду пройдемся.

Усиков. Зачем?

Талдыкин. А вы думаете, мне легко видеть этого... неунывающего россиянина. Изволите видеть — явился! Как

яблочко, румян!.. Да нет!! Это еще бабушка надвое сказала! Подождем! Над нами не каплет.

Усиков (*берет его под руку*). Над вами, может быть, и не каплет, а надо мной скоро начнет капать!..

Талдыкин. То есть?

Усиков. Да вот скоро осень, дожди... А если с квартиры выгонят за неплатеж...

Талдыкин. На себя пеняйте!

Усиков. Почему?

Талдыкин. Хороши — нечего сказать! И как это так — страховать человека, не освидетельствовав, как следует.

Усиков (*возмущенно смотрит на него*). Ну, знаете... Тьфу!

Талдыкин. Вот вам и тьфу! Хорош я буду, если мне еще год за него платить придется.

Усиков. Нам обоим тогда закаплет. (*Уходят.*)

Зоя, Казанцев остаются вдвоем.

Зоя (*усаживаясь в кресло*). Ну, а вы, что это время поделывали, землячок?

Казанцев. Лечился, касатка, лечился. По вашему же совету молочко пил, яички ел. А теперь работаю. Пьесу пишу.

Зоя. А-а!.. Где пойдет?

Казанцев. Сначала, если, конечно, примут — в Петербурге. А если в Петербурге пройдет, как следует — провинция обеспечена. Я сейчас с головой ушел в работу.

Зоя. Вы знаете — я так рада за вас. Вы ведь и рассказы пишете? Так жаль, что я ничего вашего не читала.

Казанцев. Зимой вышла целая книжка (*Грустно.*) И, представьте, никакого успеха не имела.

Зоя (*горячо*). Свиньи!

Казанцев. Кто?!

Зоя. И критика, и публика. Знаю я ее.

Казанцев. Касаточка! Да ведь вы моей книжки не читали. Может, она самая гнусная.

Зоя. Не смейте на себя клеветать! Разве вы способны написать что-нибудь гнусное? Урод вы этакий... Книжка провалилась, галстук повязан кое-как... Давайте, перевяжу (*перевязывает галстук*). Эх, вы! Что бы вы без меня делали — не знаю... Чтобы пьеса была хорошая — слышите?

Казанцев. Раз вы требуете, как же может быть иначе. Буду любимцем кременчугской публики!

Зоя. Почему кременчугской?

Казанцев. А как же. Я своими глазами видел афишу кременчугского театра: «С дозволения начальства пойдет пьеса «Гамлет» Виллиама Шекспира, — любимца кременчугской публики» (*Смеется.*)

Зоя. А вы, землячок, с зимы что-то повеселели. Видно, ваше дело идет на лад.

Казанцев. Какое дело?

Зоя. Да то дело, что вы затеяли с дядей.

Казанцев. (*беря ее за руку, грустно*). А вы... знаете, Зоя, что это за дело?

Зоя. Нечистый его знает. Разве дядя посвящает меня в свои дела? Но только мне уже все прожужжали уши этим делом. Прямо в воздухе звенит: «Когда окончится дело с Казанцевым...», «Вот дайте срок, когда получим казанцевские деньги»... Казанцев, Казанцевым, о Казанцеве!.. При всех обстоятельствах разговор на это дело сводится! Мне-то, конечно, все равно, но раз вы с дядей тут заинтересованы, я очень желаю вам благополучного окончания дела.

Казанцев. Спасибо (*многозначительно.*) Вы очень добры... (*пауза*) к вашему дяде! Скажите, вы его любите?

Зоя. Вы меня, помнится, уже раз спрашивали о чем-то в этом роде. Видите ли... он у меня дядюшка со всячинкой. Я, вообще, думаю, что в жизни, людей об одной стороне, людей одного цвета — не бывает. Это только в плохих романах. Черный — так уж черней сажи, розовый — так такой розовый, что глядеть больно. Злодей — так уж: «товарищи-граждане! Прячьте ваши кошельки, прячьте жен и детей — злодей идет!» Добродетельная душа, так уж: «товарищи-граждане! Братия! Умилимся, станем на колени перед этим голубем чистым, и восхвалим его песнопением»... А в жизни — сегодня человек вексель подделал, а завтра — сироту в школу на свой счет определил.

Казанцев. А разве ваш дядя вексель подделал?

Зоя. Не говорите глупостей, вы, любимец кременчугской публики! Векселя он не подделал, но в стиле пригре-

той сироты что-то такое есть в его формуляре. Ведь вы знаете, он сам по своей охоте забрал меня к себе и воспитал, когда мама умерла.

Казанцев. Да, за такую штуку многое может проститься сему мытарю.

Зоя (*тихо*). Иван Никанорыч...

Казанцев. Ну?..

Зоя. А вы хороший?

Казанцев. Не знаю, право. Насколько помнится, зла никому не делал. Но это не от избытка добродетели. Просто от лени. Ведь зло предполагает какую-то активность. Предположим, решил я ухлопать неприятного человека. Вы подумайте, сколько хлопот: ножик поточи, человечка в глухое место замани, подозрительность его усыпи, зарежь его, да потом еще следы замети, как следует. Хлопот, как говорится, полон рот. А добродетельному — что? Сходил в церковь, дал нищенке двугривенный — вот тебе и вся работа.

Зоя. Чудак вы — барин, как я на вас посмотрю.

Казанцев. Меня чудаком еще в гимназии называли. У меня, как говорил мой один друг, ежовая шуба шерстью внутрь.

Зоя. Это еще что за одеяние?

Казанцев. А видите ли: на каждом человеке надета невидимая ежовая шуба. У добрых она ежовыми колючками внутрь, у злых — наружу. Поэтому, злым легче живется. Нет колючек внутри.

Зоя. Ну, а если встретится добрый мужчина и злая женщина?

Казанцев. О, это, конечно, не помешает им заключить друг друга в объятья. И тогда, когда женщина прижмется к нему — его колючки вонзятся ему в тело.

Зоя. А ее колючки?

Казанцев. Тоже вонзятся в него! Ведь у нее они наружу. Вот, позвольте, я вам покажу на примере... (*делает вид, что хочет ее обнять.*)

Зоя. Те-те-те... (*увертывается.*) Вы с ума сошли, землячок? Во-первых, в такую жару на нас нет шубы, а во-вторых...

Входит Ольга Григорьевна.

Ольга (*входя, кричит кому-то назад*). Говорят же вам — подождите! Не долго ждать... Вот дело с Казанцевым

кончится, получим деньги и тогда... (*Вдруг видит Казанцева, приостанавливается.*) Простите... я вас не заметила. Здравствуйте. О, да вы прекрасно выглядите. Поздоровели. Очень рада. Ну, как ваше дело с мужем?

Казанцев. Да знаете, как вам сказать... Именно мое здоровье и мешает окончиться этому делу поскорее...

Ольга. Жаль! Вы еще не завтракали? А впрочем, в деревне не спрашивают. Сейчас будем завтракать. А пока прогуляйтесь по саду — тут на столе будут накрывать. (*Расстилает скатерть.*)

Зоя. Пойдем, землячок.

Казанцев. Пойдемте... (*Приостанавливается, с мучительной гримасой прикладывает руку к груди.*) Ой...

Зоя (*беспокойно*). Что с вами, что?

Казанцев (*со слабой улыбкой*). Ничего. Уже прошло. Это я, вероятно, о вашу ежовую шубу укололся.

Зоя. Ну, знаете, я вижу, у вас тоже не вся шуба шерстью внутрь! (*Берет его под руку, они уходят.*)

Ольга (*в дверь*). Ариша! Ариша! Приборы приготовила? Ах ты, господи, что это за глухая тетеря. (*Уходит в двери. Сцена несколько мгновений пуста.*)

Глыбович входит со стороны сада.

Глыбович. Ф-фу! Извольте в такую жару по делам трепаться... (*Усаживается в кресло, насвистывает.*)

Входит Ольга Григорьевна с приборами.

Глыбович (*расшаркивается*). Свидетельствую свое почтение. Все ли в добром здоровье?

Ольга. Вы?.. Здесь? И у вас хватило наглости явиться сюда!.. (*Вид у нее взволнованный.*)

Глыбович. Я по делу. К Андрею Андреичу. (*Пауза. Ольга нервно расставляет приборы.*) Ольга Григорьевна! Вы на меня сердитесь?

Ольга. Я?! На вас? (*С презрением.*) Разве на страховых агентов сердятся? Их просто не пускают в дом. А если и есть для них ход, то через кухню!

Глыбович. Или через будуар хозяйки.

Ольга. Негодяй!..

Глыбович. Не скажите (*Пауза.*) А у вас на даче сыровато. (*Большая* пауза.) А купанье близко?

Ольга. Вы наглец! Я не хочу с вами разговаривать — слышите?!

Глыбович. А я, знаете, на лето в городе остался. Думаю: стоит ли? Ведь целый день пройдет в поездках в город и обратно. Не так ли?

Ольга. У-у! Вот уж, знаете, думала, что бывают всякие мерзавцы... Но чтобы был такой мелкий, такой мизерный мерзавец — скажи кому, так и то не поверит. (*Пауза.*)

Глыбович. Продукты здесь достаете или из города приходиться возить.

Ольга. То есть, знаете, взяла бы эту вилку и с таким удовольствием проткнула ею ваши подлые глаза.

Глыбович (*спокойно*). Верно. А когда-то вы их целовали, называли звездочками.

Ольга (*с презрением*). Звездочки? Это у агента-то по страхованию жизни? Звездочки?

Глыбович (*встает с кресла, серьезно*). Ольга Григорьевна. Ну, давайте говорить серьезно. За что вы меня так возненавидели?

Ольга. Он еще спрашивает! Вполз, как змея, в приличный дом, ухаживал, говорил красивые слова, развел слюни, захлебывался, разливаясь о моих детках, о их будущем, о трагизме нашего положения — и все это во имя чего? Чтобы получить клиента для вашего этого паршивого, жульнического общества.

Глыбович (*с достоинством*). Виноват! Меня вы можете ругать и унижать — сколько хотите, но общество оставьте в стороне. Неужели вы думали, что мы бегаем, хлопочем, кружимся, как белки в колесе, делаем гигантские, нечеловеческие усилия, совершаем чудеса — только из-за денег? Неужели, вы не можете допустить фанатизма, поэзии в этом деле, как и во всяком другом?! Я — поэт — чувствуете вы это?! Вот, например, вы идете по улице, видите проходящего человека — что он для вас? Так... Ничто! Фикция! Обыкновенный прохожий человек! Прошел — и черт с ним! А ведь для меня всякий такой прохожий человек — это сырой, необработанный материал, это глина, из которой я могу

вылепить то, что мне нужно. Вот я заговариваю с ним... Знакомлюсь... Конечно, произвожу на него впечатление, потому, что человек я не глупый — вы сами знаете! Дальше, больше! Дальше, больше!!. Очаровываю его, опутываю его постепенно тонкой незаметной паутинкой лести, разных соображений, участливых разговоров о его делах, о его семье, о их необеспеченности — все дальше! Дальше! Дальше!!!! Все глубже залезает он в паутину, окутанный, убаюканный моими теплыми, журчащими, как ручеек, словами... И вдруг — трах!! (*Кричит почти в экстазе.*) Муха поймана — вот уже бьется она, беспомощная, в моих умелых лапах... Ага-а... попался, голубчик... А вот мы тебя сейчас... На дожитие хочешь? На сколько? На пять? На десять лет? Или на случай смерти?.. Постой, постой!.. Куда же ты? Не вырвешься... Стоп! Готово!! Пожалуйте! Он и сам не заметил, как застраховался. Только пофыркивает, да тяжело дышит, как запаренная лошадь. А я — свежий, бодрый, энергичный спешу, лечу дальше — ко второму, к третьему, четвертому... Дружба, супружеская любовь, материнское чувство — все ссыпается в один гигантский котел — в наш великолепный «Прометей», и оттуда все это в сотнях, в тысячах полисов расползается по всему земному шару. Все полисы, полисы, полисы!! О, Боже! Если бы вы знали, если бы только знали, какая нам еще предстоит гигантская работа! Если бы вы знали — сколько еще бродят по всему свету не застрахованных!! (*Утирает лицо платком, усталый.*)

Ольга. Я бы могла понять, если вы играете на материнском чувстве или на супружеских чувствах. Но любовь! Любовь мужчины к женщине... Делать ее не целью, а средством! Средством мелкой коммерческой операции...

Ариша вносит закуски, вино и уходит.

Глыбович. Ольга Григорьевна! А ля герр, ком а ля герр! На войне все средства хороши! Поймите, что приди я к вам не через ваше сердце, а через черный ход, как простой, ординарный агент по страхованию жизни, ведь вы бы меня и на порог не пустили. Ради Бога, не считайте меня подлецом — я только деловой че-

ловек. Ведь это входит в круг моих обязанностей. Я недурен собой, умею говорить: моя сфера, главным образом — сердечная сфера. Будуары! Лейбович — наш агент — он старый и хромой, поэтому он в игорных домах и клубах обрабатывает игроков. Цапкин имел меняльную контору: его специальность — финансы — и теперь в нашем деле он работает только около финансистов! Всякому свое. И потом — если бы мы и приносили зло! Уверяю вас — если бы весь мир понял всю пользу, которую приносит ему страховка — весь мир бы у нас застраховался! Не трагедия ли это, что мы должны объяснять, разжевывать человеку его собственную выгоду?! Это все равно, что тащить человека за шиворот в Царствие Небесное. А он, подлец, каналья, не хочет! Ну, посудите вы сами: у вас есть семья — есть детки, которые не обеспечены, потому что не в характере русского человека откладывать на черный день. Но если вы застрахуетесь в нашем обществе — то у вас является обязанность делать периодические небольшие взносы, является угроза, принуждение — для вашей же пользы угроза, что если вы перестанете платить, то ваши милые детки, ваши малютки...

Ольга. Опять мои детки. Поперек горла вы стоите мне с моими детками! (*Встает с места, ходит по террасе, разгоряченный Глыбович по ее пятам.*)

Глыбович. Хорошо! Хорошо! Не надо деток — и не надо. Провались они. Чума их возьми, деток этих! В таком случае вы можете застраховаться (*нежно, вкрадчиво.*) Скажем вы делаете в течение десяти лет этакие маленькие, малюсенькие взносики. Если бы вы вносили их в банк, то при слабом человеческом характере, вы бы снова их выбрали, вытащили обратно, а уж если деньги попадут в наше общество, то сам черт...

Из сада возвращаются: Талдыкин, Усиков, за ними — Зоя и Казанцев.

Талдыкин (*увидя Глыбовича, ходящего по пятам жены*). Господи! Спасайся, кто может! Глыбович при дневном свете на глазах у всех жену мою страхует!.. Держись, Ольга, мужайся, мы идем на выручку!

Глыбович (*моментально остывая*). Андрей Андреич! Душевно рад видеть вас (*здоровается со всеми*).

Талдыкин (*отводя его в сторону*). Вас еще чего сюда нелегкая принесла?

Глыбович. А как же! Вы разве забыли? Сегодня срок очередного взноса!

Талдыкин (*сердито*). Нет у меня денег! Все уже вытянули.

Глыбович. Позвольте в ваших же интересах доложить, что заплатить надо. Столько времени уже платили и вдруг из-за одного взноса вся страховка провалится. Жалко ведь. Ну, для вас я устрою, что недельку-другую мы подождем...

Талдыкин (*в отчаянии*). Провались вы, пропади, лопни вы с вашим обществом!

Глыбович. Что вы! Как же мы можем лопнуть, когда у нас основной капитал — восемь миллионов!..

Ольга. Господа! Пожалуйте к столу, закусить. За столом наговоритесь.

Все шумно усаживаются, слышны голоса: «Вы около меня садитесь. Тут вам будет удобнее! А я здесь». Талдыкин разливает вино в рюмки.

Талдыкин. Ваш бокал, доктор! Петр Казимирович, позвольте вам, Иван Никанорыч (*тянется к нему с бутылкой*).

Казанцев (*грустно*). Вы... хотите, что бы я пил?

Талдыкин. Я... (*лицо его меняется, светлеет*). Я... Нет! Я вам не дам вина! Ведь доктор тогда еще говорил, что вам нельзя пить...

Казанцев (*тихо*). Но ведь вам это не выгодно...

Талдыкин. Пусть меня черти унесет в ад — я ничего не понимаю: что выгодно — то гнусно, что порядочно — то разорительно, что разорительно — то... А ну вас! Не дам вам вина!

Казанцев. Нет! Не деловой вы человек, Андрей Андреич... Или вернее — не до конца деловой... Сами же говорили — помните? Раз вино откупорено — его надо пить! Так не дадите вина?

Зоя. Дядя. Чего ты обижаешь Иван Никанорыча? Дай ему вина, бедненькому.

Т а л д ы к и н (*нерешительно держа бутылку в руке*). Ему доктор запретил пить.

Г л ы б о в и ч (*весело*). Браво, Андрей Андреич, браво! От имени общества «Прометей» приношу вам свою благодарность за заботы о нашем общем клиенте! Не трогательно ли, Зоя Николаевна, дядя сам же застраховал его в большую сумму, сам же платит взносы и сам же печется о его здоровьи?!

З о я (*вскакивает, глаза сверкают*). Ка-ак?! Что вы говорите?

Т а л д ы к и н (*стукнув сердито кулаком по столу*). Молчите, черт вас возьми! Что за болтливая баба.

З о я (*отодвигает стул, выходит из-за стола — после большой паузы раздельно*). Так вот оно что... Вот оно — «Казанцевское дело»... Вот они эти денежки... Эта «живая копейка», как любил шутить дядюшка... (*прорвавшись*). Да как же вам не стыдно?! Да как же вы смели?! В какое положение вы поставили меня, сидящую с вами рядом, бок о бок, пьющую за успех этого «дела»? Хорошее дело! Нашли больного юродивого и обрадовались, закружились, закаркали, как воронье над неостывшим еще трупом... И мы ждали этих денег?! И мы в душе молились за «благополучное окончание этого дела»?! И если я теперь только на минуту вдумаюсь, в чем заключается конец этого дела...

К а з а н ц е в (*подходя к ней, ласково*). Послушайте, касаточка.

З о я. Не приближайтесь ко мне — вы такой же, как они! А я-то к вам подошла, как к настоящему большому «своему» человеку, (*грустно*), как к землячку... Какой позор!! «Казанцевское дельце». Хорошая компания, нечего сказать... (*Горько смеется.*) Ну, что ж, господин Казанцев... Здоровьем своим вы уже распорядились — хорошо, вероятно, продали? Что у вас там осталось? Ваше писательское перо? Его тоже купят! То же страховое общество, что бы им сочиняли хвалебные оды о пользе страховки! Глыбович вам это устроит! Что там еще осталось? Скелет? Скелет вы тоже можете продать за большие деньги в какой-нибудь паноптикум... Пожалуйте, господа, публика! Редкий уникум! Подлинный скелет писателя Казанцева — любимца кременчугской пуб... Господи, что с ним?

В это время стоящий перед Зоей К а з а н ц е в, *пошатнувшись, хватается за сердце, падает,* Т а л д ы к и н *подхватывает его.*

Т а л д ы к и н. Ему дурно!.. Пододвиньте кресло. Воды ему, воды скорее!! Да шевелитесь же, черт возьми!

У с и к о в (*бестолково мечется*). Доктора! Позовите доктора! Скорее!

Т а л д ы к и н (*злобно*). Видели вы такого фрукта? Вот олух! Да ведь вы же и есть доктор! Забыли?! Помогите же ему!!!

З о я *подает воду, салфетку.*

У с и к о в. Ах, да! Верно!.. Я доктор... Совсем голову потерял (*прикладывает к голове Казанцева мокрую салфетку.*)

З о я. Доктор, что с ним?

У с и к о в. От жары верно сомлел. Да еще, пожалуй от ваших комплиментов. Не умеют женщины брить... Того и гляди — порежут (*приклыдвает ухо к сердцу Казанцева.*) Гм! Да. (*Отходит к Талдыкину.*)

З о я. Землячок! Что с вами, а! (*Казанцев с трудом открывает глаза, ласково смотрит на нее.*) Вам лучше? Вы простите меня, если я...

К а з а н ц е в. Ничего, касаточка... Чего там! Только вы прижались ко мне крепче, чем хотели... Иглы и вонзились в самое сердце...

З о я. Голубчик... Это ваши иглы. А ведь моя шуба тоже шерстью внутрь. И прижавшись, я поранила и себя. Ах, Иван Никанорыч, Иван Никанорыч!

Т а л д ы к и н (*на первом плане; он обеспокоен*). Доктор, чем вы объясняете этот припадок?

У с и к о в. Очевидно, он все-таки, болен... И это улучшение здоровья, я полагаю — временное. Знаете, как свеча перед тем, как погаснут, всегда ярче вспыхивает...

Т а л д ы к и н (*схватывается за голову, глядит на Усикова полубезумными глазами*). Свеча? Ярче вспыхивает?.. Перед тем, как погаснуть?! (*Со стоном бьет себя в грудь.*) Ведь он мне это обещал?! Обещал!!! Обещал!!! Да что же это такое?!!!! (*Закрывает лицо руками.*)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена представляет бедную, скудно меблированную комнату. Это — квартира Талдыкина, но уже другая — не та, что в первом действии. За столом сидит мрачный, осунувшийся, похудевший, плохо одетый Талдыкин. *Набивает папиросы. Входит* Ольга Григорьевна. *В руках у нее крахмальная мужская сорочка.*

Ольга. Ну, ты полюбуйся: уже третий раз зашиваю прорехи — никакого толку! Материя от стирки такая, что по живому месту за иголкой лезет. И манжеты тоже: если обрезать и подрубить бахрому — они коротки будут! Наказание мне с тобой (*Ласково, поправляет ему волосы.*) Ты чего ж молчишь? У тебя нынче неважный вид. А?

Талдыкин. Да... нездоровится что-то. Плохи наши дела, Оленька. Боюсь, как бы совсем не пойти ко дну.

Ольга (*Шьет. После паузы*). К Казанцеву заходил?

Талдыкин (*вскакивая*). Не могу! Вот, что ты хочешь со мной делай — не могу я явиться к нему! Ведь если я приду — это что будет значить? «Здравствуйте» — «Здравствуйте»... «Чем могу служить?» — «Вы еще живы?» — «Жив» — «Жаль, жаль, а я все жду, что бы вы скорей протянули ноги — денежки нужны!» Ну ты подумай, какой это ужас! И, понимаешь, у него еще проклятая манера участливо относиться ко мне, утешать меня. Да и утешает-то так, что мороз по коже подирает: «Ничего, говорит, не вешайте носа — Бог даст, все уладится!» Что уладится? Что уладится, черти тебя подери?! То уладится, что ты скапутишься в конце концов? Что я за это твои загробные денежки получу?! О, будь он проклят этот Глыбович! Все из-за него!.. Ты знаешь — он мне даже снился — ей-Богу. Приходит по ночам с рогами, копытами, вертит умильно хвостом — и все мохнатую лапу протягивает, все денег требует. А не дам — щекотать начинает, по всем карманам своими проворными лапами шарить... Ей-Богу! Да не будь его — мне бы и в голову не пришло уцепиться за это проклятое

дело. (*Другим тоном.*) А мало ли есть спокойных интересных предприятий... Ты знаешь, например, я придумал вещь: комбинацию велосипедного колеса с педалями и извозчичьей пролетки без лошади — да ведь будь у меня те деньги, что я этой акуле в пасть швырял — я бы на этом изобретении сотни тысяч взял!.. (*В это время за дверью появляется Глыбович.*) Ах, Глыбович, Глыбович. Если бы ты мог только почувствовать...

Глыбович (*выходя на средину комнаты*). Чувствую! Все, мои дорогие друзья, чувствую! Вот почувствовал я, что сегодня последний срок очередному взносу за Казанцева — и что же? Я уже здесь! Я уже перед вами — аккуратный, как часы! (*Направляется к Ольге Григорьевне, протягивает руку — она прячет свою. Глыбович соболезнующее пожимает плечами, здоровается с Талдыкиным. Ольга, собрав свое шитье, демонстративно уходит.*)

Талдыкин. Значит... За деньгами?

Глыбович. Да вы радоваться должны! Это только наше общество такое заботливое, что агент сам приходит за деньгами... Хлопочет, напоминает, чтобы вы не пропустили срок. А в других обществах — не внесли вы в срок денег — они молчат, а потом взяли потихоньку и вычеркнули вас из списка своих клиентов — и пропали денежки, хе-хе!

Талдыкин. Акула вы! Паук! Ведь вы совершенно высосали меня! Вы подумайте: я человек по своей природе добрый, а вы довели меня до того, что я иногда по ночам грежу, как на этого несчастного ни в чем неповинного Казанцева налетает автомобиль, слышу хруст костей... и... и...

Глыбович. Позвольте, дорогой Андрей Андреич! А кто же вам велел страховать его в такую большую сумму?

Талдыкин. Кто... кто... кто?.. Я, голубчик мой, человек деловой, и если уж мне нужно что-либо устраивать, так устраиваю en grand! Дело — так дело! Тогда я ни перед чем ни останавливаюсь! Вот у меня, например, есть идея велосипедного колеса с педалями,

приспособленного к извозчичьей пролетке без лошади... И вы понимаете — эта пролетка...

Зоя (*Появляясь в комнате. Оглядев присутствующих. Смущенно*). Дядя, ты... А, Глыбович!.. я и не знала, что вы тут. Ну, как. У вас аппетит... по-прежнему, хороший?

Глыбович. Благодарю вас. Почему вы это спрашиваете?

Зоя. Да ведь вы моего дядю почти совсем объели. Видите, одни косточки остались. Как вы так можете... без уксуса, без горчицы, без перца?

Глыбович. Ну, когда мне перец понадобится, я к вам обращусь.

Зоя. О, с удовольствием. Я вам такого перцу задам!.. Впрочем, отвяжитесь. Я вас начинаю бояться. Вот с вами так разговариваешь, разговариваешь и не заметишь, как вы застрахуете. Дядя, я к тебе на минуту... Я нынче вечером еду в концерт и хочу надеть мамины серьги и брошку, которые у тебя спрятаны.

Талдыкин (*растерянно*). Концерт?.. Какой концерт?

Зоя. Ну, будто это так важно. Скрипичный концерт, Гольдман играет. Мне билет подарили.

Талдыкин. А, знаешь что?.. Не советую! Определенно не советую ехать. Вообще, этот Гольдман... я о нем слышал много нехорошего. И играет он, как сапожник (*мнется*). Детонирует, говорят. Мажет верхние ноты...

Зоя (*смеется*). Дядя, что с тобой? С которых пор это ты таким придирчивым меломаном сделался? Нет, я все-таки, поеду. Сама послушаю, как это он верхние ноты мажет...

Талдыкин. Поедешь?.. Гм! Ну, поезжай. Что ж тебе нужно развлечься. В самом деле — поезжай — чего там!

Зоя. Ну, конечно. Так где же эти серьги? Ты только скажи, где они лежат — я сама возьму.

Талдыкин. Да зачем тебе их надевать? Еще, смотри, украдут...

Зоя. Дядюшка! В людном-то месте?! Из ушей?

Талдыкин. А что ты думаешь... Я где-то читал, что такие есть шайки... Которые у женщин серьги с мясом вырывают... Вообще, знаешь, эти преступники (*окончательно смущается, бормочет невнятно.*) Д... да, преступники. С ними нужно... Ой-ой... Держать ухо востро.

З о я (*все время, пока Талдыкин говорит, смотрит на него внимательно, пронзая взглядом. Берет его за руки*). Дядя! Скажи прямо: где мои серьги и брошка?

Т а л д ы к и н (*смущенно*). Ах, чудак-человек... Ну, где ж им еще быть... Где они могут быть?.. Вот странная девочка!

З о я. Дядя! У тебя их нет!! Да?

Т а л д ы к и н. Ну успокойся, голубка. Сейчас нет, скоро будут. Да не смотри ты на меня так... Совсем как твоя мать-покойница. Вот окончится скоро казанцевское дело — и выкуплю... И того... тогда...

З о я (*вспыхнув*). Как? Чтобы ты выкупал мои серьги... на эти, на «казанцевские деньги»?! На эти деньги, отравленные трупным ядом?! Дядюшка, дядюшка!.. До чего ты себя довел... (*Отходит к столу, роняет голову на руки. Затихает.*)

Т а л д ы к и н. Вот вам ваша страховка! Черт вас побери. Полюбуйтесь! Пойдем уж ко мне — там поговорим. Вы с вашим обществом уже сделали из меня вора — скоро убийцу сделаете.

Г л ы б о в и ч (*горячо*). Но поймите же, поймите же дорогой Андрей Андреич, что это в ваших же интересах... (*Уходят, в дверях.*) Ведь раз вино откупорено, его надо пить...

Т а л д ы к и н. О, черт вас возьми! Опять знакомая фраза. Я или сам ее сказал, или от Казанцева слышал. (*Уходят.*)

З о я — одна. За столом, в прежней позе. Через несколько секунд открывается дверь, входит К а з а н ц е в... У него совсем здоровый, цветущий вид. Щеголевато одет.

К а з а н ц е в (*увидев Зою, склонившую голову на руки, тихо приближается, стоит над ней, задумавшись. Обошел стол, стал напротив, облокотившись*). Спите? Послушайте, касатка... Разве это спальня? С добрым утром!

З о я (*поднимает голову, долго смотрит на него, медленно*). Здрав... ствуйте.

К а з а н ц е в (*задушевно*). Послушайте... Вы помните, несколько месяцев тому назад я сидел в вашей гостиной в такой же позе, и вы приветствовали меня точно так же. Ведь я тогда не спал, как и вы теперь не спите.

Помните?.. Тогда мне было очень плохо. Теперь я застаю вас в такой же позе. Я имею основание полагать, что теперь и вам так же плохо. В чем дело, касаточка? Не могу ли я вам чем-либо помочь? Скажите, а?..

Зоя. Противно все! Грязно.

Казанцев. А вы скажите: может быть, я смогу взять тряпочку и смою всю грязь

Зоя. Поздно, землячок, поздно... Да ведь, если быть откровенной, то вся эта грязь если и захлестывает меня, то только благодаря вам! (*С криком.*) Вы мне больше всех делаете больно!

Казанцев (*с кривой усмешкой*). Не знаю... отчего бы это? Ведь у меня шуба ежовым мехом внутрь.

Зоя. Ну, скажите, скажите мне... (*хватает его за руки.*) Как вы могли пойти на такую гнусную аферу?!

Казанцев. Ах, я и сам не знаю. У меня тогда было такое состояние, что совершенно ничего не понимал. Ведь вы же видели! Меня хватали, тормошили, перебрасывали из рук в руки, будто бы я был кусок мертвого мяса. Меня захлестнула тогда волна такого безразличия, что если бы мне стали отпиливать голову тупым ножом — то и тогда бы я не сделал попытки защищаться... А тут налетел на меня ваш дядюшка. Нужно отдать ему справедливость — напор у него огромный — Ниагарский водопад! Да, помню, кроме того и забавляли они меня все тогда! Если бы вы присутствовали при этой сцене — без смеха вспомнить не могу — будто больную лошадь продавали. Только что в зубы не смотрели! (*Смеется.*)

Зоя. Как вы можете смеяться над такими вещами — не понимаю. Ведь это ужас. Вы, я вижу, ужасный циник! Оттого-то вы, вероятно, и природы не любите!

Казанцев. Да, кстати! Вы помните, я при первом знакомстве говорил, что мы с природой одинаково относимся друг к другу: она не любит меня, я ее.

Зоя. Помню.

Казанцев. Так вот: наш роман с природой с тех пор потерпел существенную эволюцию. Она меня полюбила —

видите (*С довольным видом хлопает себя по груди.*) Тут все в порядке... Починил! Она меня полюбила... А я ее, по-прежнему — не люблю!

Зоя. Не любить природы! Да ведь вы — литератор, писатель — как вам не стыдно! Если вы не любите самой природы, то описания ее — гениальные описания должны любить! Ну, вслушайтесь хоть в это:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась...
На нивах шум работ умолк,
С своей волчихою голодной
Выходит на охоту волк...
. . . .
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу...

Казанцев. Ну?

Зоя. Что «Ну»? Чудовище! Вам этого мало? Я всего наизусть не помню, но ведь это же так чудесно, что сердце вздрагивает... Прислушайтесь:

Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась...

Казанцев. Не понимаю — что тут особенного? Мне это напоминает полицейский протокол. В чем собственно дело? Ясно, что осенью солнце реже показывается, чем, например, в июне... «короче становился день»... А что ж ему, на осень глядя, длиннее делаться, что ли? И что сень лесов в это время теряет листву — тоже совершенно нормально, тоже не Америка открыта. Поэт говорит, что осенью на нивах шум работ умолк — еще бы! Хотел бы я посмотреть на того мужика, который в октябре вылез бы на поле с косой, и ну ею по голой земле елозить. А что волк вышел со своей дрожайшей половиной на дорогу — так психология простая: голоден — сам же поэт это говорит — вот и вылез, каналья. Да и гуси тоже... Я понимаю, было бы удивительно,

если бы гусей крикливый караван тянулся не к югу, а к северу, на зиму глядя... Это было бы, по крайней мере, удивительное зрелище каравана сумасшедших гусей, спутавших север с югом!.. (*Смеется.*)

Зоя. Какой позор! Какое извращение вкуса! А еще сами писатель...

Казанцев. И, представьте, к общему удивлению, недурной. Я и сам не думал. Помните, говорил вам о пьесе, которую пишу...

Зоя (*с интересом*). Ну? Ну? Ну?

Казанцев. Совершенно неожиданный успех... Да какой! После Москвы — вся провинция с руками рвет. В газетах шум, треск, и как это ни печально, а благодаря рыночному успеху пьесы — и рассказы мои в книжках и просто так: в журналах — читаются нарасхват!.. Критика неожиданно стала петь дифирамбы... Так что на вашего землячка опрокинулся буквальный золотой дождь!

Зоя. Вы знаете... (*жмет ему руку.*) Я очень, очень радуюсь за вас. Помните, я в вас и тогда верила.

Казанцев. Спасибо, ненаглядная. А теперь скажите и вы мне — что вас гнетет, отчего у вас был такой убитый вид, когда я вошел.

Зоя. Это ничего. Просто глупые мелочи. Я уже и забыла...

Казанцев. Ну, да все-таки скажите.

Зоя. Я лишилась серег и брошки — это память мамы.

Казанцев. Как лишились? Безвозвратно?..

Зоя. Как ваше здоровье?

Казанцев. Что? Ха! Ха! Очень хорошо, я прекрасно себя чувствую.

Зоя. Тогда — пропали мои сережки. Безвозвратно.

Казанцев. Не понимаю я вас... Да вы не печльтесь. Этих нет — другие будут. Еще лучше.

Зоя. Откуда же это? С неба свалятся?

Казанцев (*ходит быстрыми шагами по комнате, что-то обдумывая, потом приостанавливается около Зои.*) Слушайте... Гм!.. Знаете что? Скажите: вы умная девушка? Без предрассудков?

Зоя. Ну, знаю я! Когда начинают беспокоиться о предрассудках, наверное, какую-нибудь гадость скажут.

Казанцев. Нет, это не гадость. Я нынче уезжаю в Москву. По литературным делам. До отъезда (*смотрит на часы*) полтора часа. За это время, конечно, ничего не успеешь... Но если вы умная девушка действительно, а не на бумаге — вы должны понять меня. Кажется мне, что я вам не противен, и если бы нам пожить бок о бок так... ну месяц или полтора, вы могли бы влюбиться в меня и согласиться выйти за меня замуж! Но — поверьте мне, касатка, — этого времени у нас нет, а я... не прочь жениться на вас! Я знаю, конечно, что нужно делать все постепенно: сначала взгляды, потом легкое пожатие руки, мимолетный вздох, поцелуй после недолгой борьбы и потом — предложение руки и сердца. Кладем на нежное пожатие руки две недели, на вздох — две недели и на поцелуй — неделю. Итого больше месяца. Предстоит трудная задача — проделать все это в полтора часа. Вдумайтесь — если вы меня поняли, если вы вникли в мою мысль — мы, по приезде моем из Москвы, — можем быть счастливы...

Зоя (*ошеломленная*). Никогда я не слыхивала более дурацкого объяснения в любви!

Казанцев. Почему?! Сделай я это самое предложение полтора месяца спустя, — вы бы не удивились ни капельки, а тут — на тебе! Вдруг отказываетесь... А что особенного могло случиться за эти полтора месяца так называемого «ухаживания»? Два-три букета цветов, несколько билетов в театр, десяток коробок конфект?.. Ну, если вы так привержены обычаю, традиции — извольте! Я могу еще и сейчас успеть прислать вам целую партию и конфект, и цветов, и лож в театр — все, что причиталось бы с меня по традиции за эти полтора месяца. Ведь это все равно, в сущности.

Зоя (*обиженно*). Я не знаю, кто вам дал право так разговаривать со мною. Нет, господин Казанцев! У вас слишком американские приемы. Это не по мне. Если природа для вас — полицейский протокол, то предложение руки любимой девушке — нечто вроде циркового сальто-мортале на лошади!

Казанцев (*грустно*). Я думал... вы меня поймете. Неужели вы не чувствуете, что я люблю вас... Ну, хотите, я для вас останусь — ни в какую Москву не поеду. Черт с ней, в самом деле, с Москвой!!

Зоя. Скажите, пожалуйста, — какая жертва! Мне ничего не надо! Оставьте меня сейчас одну, слышите? Уходите! Я не хочу вас видеть! Вы не человек, а какая-то патентованная машинка для... для... черт его знает, для чего! Хм! Десяток букетов сразу?! Слышали ли вы, люди добрые, что-либо подобное?! (*Отворачивается от него, взволнованная.*) Я вам говорю: оставьте меня — вы слышали?

Казанцев (*грустно*). Это в первый раз, что вы меня не поняли. *(Поворачивается, выходит из комнаты, Зоя делает движение к нему, протягивает руки, потом сдерживает себя, постояв несколько секунд в задумчивости, тихо выходит в другую дверь. Сцена несколько мгновений пуста.)*

Из двери, в которую вышла Зоя, входит Ольга. В руках у нее нитки, иголка и пиджак Талдыкина. Она садится, принимается за работу.

Ольга. Не понимаю, что делается с Зоей. На бедную девушку смотреть жалко. И все-то она молчит. А какая была...

В дверях показывается страховой агент общества «Будьте покойны» — Ноткин. Он озирается, выходит на средину, раскланивается.

Ноткин. Позвольте представиться — Ноткин.

Ольга. Что вам угодно?

Ноткин. Я по делу к господину Талдыкину.

Ольга. Муж сейчас выйдет. Присядьте. (*Искоса оглядывает его, сует пиджак под стул. Кокетливо оправляет прическу, охорашивается*). Вы знакомы с моим мужем?

Ноткин. Нет еще, не имел чести. Он, значит, очень молодой?

Ольга. Почему вы так думаете?

Ноткин. Потому что у него такая замечательная молодая и красивая жена (*придвигается к ней*).

Ольга (*кокетливо*). О-о, да вы человек опасный. Прямо с комплиментов начинаете...

Ноткин. Ну, где там! Я уверен, что у вас успеха иметь не буду!..

Ольга. Бедняжка... Почему же это вы так решили?

Ноткин. Я думаю, вы только первый год, как замужем... Гм! Вы сами понимаете: медовый месяц! До меня ли вам?

Ольга (*весело смеется*). Вы решительно опасный мужчина! Я вижу, ваша специальность — кружить головы нам, бедным женщинам... Впрочем успокойтесь: я замужем уже 10 лет, и у меня уже двое детей...

Ноткин. Ой! Двое детей? Как вы счастливы! Я обожаю детей! Такие маленькие малюточки с ручками. Только мне всегда их почему-то жалко...

Ольга. Да вы, кроме всего, обладаете еще и чувствительной душой! Почему же вам так жалко детей? Если они чистенькие, не капризные, если папа и мама с ними нянчатся...

Ноткин. Э, нянчатся! Что значит нянчатся? А представьте себе: какая-нибудь эпидемическая болезнь — тиф там, или холера. Отец, представьте, умер, мать осталась необеспеченная, без средств — каково тогда бедным деткам! Да и у матери сердце разрывается, когда она смотрит на их голодные, похуделые ручки! Вот вы о чем подумайте! О детках подумайте!!!

Ольга (*во время монолога Ноткина, подозрительно поглядывает на него потом отодвигается*). О детках? Подумайте? Позвольте, позвольте... Да вы кто такой сами? Чем занимаетесь?

Ноткин. А что? Причем тут занятие?

Ольга (*встает, в глазах тревога*). Нет, вы мне скажите — какое ваше занятие? Где вы служите? Скажите мне!!

Ноткин. Ну, если вы так хотите, я агент страхового общества «Будьте покойны». Наше общество дает клиентам гарантию, что...

Ольга (*грубо*). Вам мужа нужно?!

Ноткин. Мадам! Чего вы так испугались?

Ольга. Подождите здесь! Не понимаю я этой развязности... Лезут прямо в комнаты (*сердито выходит из комнаты*).

Ноткин. Чего она так сразу испугалась? Может быть, у меня костюм не в порядке? (*Осматривает себя.*) Не понимаю: костюм, как костюм.

Выходит Глыбович, с довольным видом пряча деньги, полученные от Талдыкина. Увидев незнакомого человека, с недоумением посматривает на него, потом кланяется.

Глыбович. Что вам угодно?

Ноткин. Что значит — что? Скажите: вы господин Талдыкин?

Глыбович. Нет. (*Пауза.*)

Ноткин. Женаты?

Глыбович. Кто?

Ноткин. Вы.

Глыбович. Я? А вам какое дело?

Ноткин. Какое мне может быть дело? А только я вам позавидовал, знаете.

Глыбович. Чему позавидовали?

Ноткин. Что у вас такая красивая жена.

Глыбович. Откуда же вы знаете, что она красивая?

Ноткин. Ну! Это же логически ясно: я вижу — вы человек красивый. Симпатичный. Когда вы женились — так что вы думаете: разве красивый человек на некрасивой женится? Не такой он дурак. Значит, вы женились на красивой. Вот я вам и завидую. А что вы думаете, нет?

Глыбович (*пройдясь по комнате*). Скажите, у вас родители есть?

Ноткин. А если есть, так что?

Глыбович. Обеспечены?

Ноткин. Какое у них может быть обеспечение? Я один и работаю. Брат еще есть, так что с того брата, когда он шарлатан?

Глыбович. Да это очень грустно!. Очень (*садится.*) Скажите, и вам не жаль своих родителей. Ведь они совершенно необеспеченны? Вдруг вы умрете?

Ноткин (*подсаживается к Глыбовичу*). Вы знаете — мне этот разговор начинает нравиться. Я вижу, что вы замечательно добрый человек на ваше сердце. Поэто-

му, раз вы такой добрый, так я спрошу вас: что вам мои родители, вы лучше о них забудьте, а подумайте немножко о своей жене.

Глыбович. Да что вы к ней привязались, к моей жене?

Ноткин. Что значит — привязался?! А если молодая красивая женщина после смерти мужа остается одна, без средств.

Глыбович. Да вы о ней не беспокойтесь. Если она красивая, так она сразу же замуж выйдет, а вот ваши старики после вашей смерти... ведь они замуж не выйдут! Вы об этом подумайте!

Ноткин. Что мне думать? Я умру, так тогда уже и им умереть пора!

Глыбович. А-а... (*укоризненно.*) Вы жестокий сын... Нехорошо. Родителей любить нужно. Они того... трудились, рожали вас, а вы... Знаете что, молодой человек? (*На ухо, сжимая руку Ноткину.*) Застрахуйтесь!

Ноткин (*вскакивает. Как ужаленный*). Чего?

Глыбович. Я говорю... Застрахуйтесь! Застрахуйте свою жизнь в их пользу!

Ноткин. Что бы я... Застраховался?! (*Очень взволнован. Пауза.*) Вы знаете, мой папа раньше жил с того, что делал сам маковники на меду и продавал их на базаре. Так он мне всегда говорил: Яша! Слушай! Я уже 20 лет как делаю маковники, которые все покупают и кушают. Но я сам никогда еще не съел ни одного маковника своей работы — и тебе не советую!!! Так теперь, как вы хотите, чтобы я застраховался?

Глыбович. А черт вас подери — я и не разобрал сразу. Значит, вы агент по страхованию жизни?

Ноткин. Или нет? Конечно!

Глыбович (*сурово*). Какого общества?

Ноткин. Общество «Будьте покойны». Основано в 1894 году.

Глыбович. Скверное общество. Не дает месячной рассрочки, затягивает премии. ... Тогда как наше общество «Прометей»...

Ноткин (*быстро, сердито*). Что общество «Прометей»? Что такое ваш «Прометей»? Ну, он дает рассрочку. Да, пускай! Так зато у него не было ни одной выплаты,

чтобы он клиента в суд не тащил! И он вечно спорит ваш «Прометей», вечно вскрывает трупы!

Глыбович. Вы врете! Если наш «Прометей» и вскроет чей-нибудь труп, так это ваш! Чтобы посмотреть, что у вас там в голове, вместо мозгу.

Ноткин (*яростно*). Черта лысого, вы меня вскроете! Вы меня раньше застрахуйте! Какой дурак станет страховаться в обществе, где на просрочку взноса насчитывают сложные проценты!

Глыбович. Ложь! Ложь! Вы за это перед судом ответите! А ваши инспектора зато взятки берут! На ваше общество все плюют! Вы знаете, как его называют в городе? «Будьте покойники»! Вот вам!!

Ноткин. За это... за это... (*В бешенстве.*) За это вы пойдете к барьеру!!

Глыбович. Что-о? К какому барьеру?!! Что я лошадь, что ли?

Ноткин. Вы не лошадь, а осел, и ваш паршивый «Прометей» — конюшня...

Глыбович. А, мер-рзавец!.. Погоди же!! (*Хватает стул, Ноткин убегает, Глыбович бросает стул вслед ему, убегает за ним, на пороге сталкивается с посыльным, нагруженным тремя букетами, десятком коробок и пачек, посыльный в испуге, отброшенный Глыбовичем, вылетает на средину комнаты.*)

Посыльный. Господи помилуй! Что же это такое? (*Письмо, которое он держал в руках, берет в зубы, в освободившуюся руку перекладывает букеты.*)

Из других дверей выбегает Талдыкин. Он без пиджака.

Талдыкин. Что это за шум? Что за грохот?.. Ты чего тут, братец, кричишь? С ума сошел?

Посыльный (*письмо в зубах мешает ему говорить*). Дозвольте доложить...

Талдыкин. Что? Ты мне не докладывай, а лучше веди себя потише. Почему стул свалил? Слепой, что ли?

Посыльный. Позвольте объяснить... это не я...

Талдыкин. Святой дух, что ли? Да и не мудрено, что ты наталкиваешься на мебель. Вишь, тебя нагрузили, как верблюда. Кому это все?

Посыльный (*машет головой, протягивает письмо, зажатое в зубах*).

Талдыкин. Черт знает что! (*Брезгливо выдергивает письмо, читает.*) «Зое Николаевне Ахматовой». (*В двери.*) Зоя! Зоя! К тебе с востока караван верблюдов прибыл... с дарами!

Зоя выходит грустная, увидев посыльного, изумленно останавливается.

Зоя. Это что такое?! Кому это?

Талдыкин. Тебе это, моя девочка. Вот и письмо... (*Талдыкин видит под стулом свой пиджак. Надевает его.*)

Зоя (*берет письмо, вскрывает, читает*). «Касатка. Посылаю Вам не в рассрочку, как это принято у обыкновенных влюбленных, а оптом, потому что сердце у меня большое и дело солидное, оптовое... так вот посылаю три букета, полпуда конфект и книжку билетов в 90 мест на сегодняшнее представление «Свадьба Кречинского». Это Вам не «Живой труп»! А теперь, когда я честно исполнил весь ритуал — разрешите прийти лично, получить от Вас взбучку и Вашу руку, которая, помните, так умело и заботливо перевязывала мой галстук. *Казанцев Ивашка, пиита и Ваш преданный холоп».* (*Зоя опускает письмо, всплескивает руками, смеется.*)

Талдыкин (*во время чтения письма разгружает посыльного*). Ну, ты ступай, любезный... Да только в будущем не опрокидывай мебель...

Посыльный. Позвольте вам объяснить.

Талдыкин. Ладно, ладно уж. Знаем мы вас! Ступай! (*выпроваживает его, оборачивается*). В чем, собственно, дело?

Зоя. Дядя! Казанцев с ума сошел...

Талдыкин. С ума? Послушай, а за это мне общество ничем не заплатит?

Зоя. Не дурачься! Ты знаешь, что он пишет? Предлагает руку...

Талдыкин. Кому?!

Зоя. Ясно — тебе! Восхищенный твоими добродетелями, влюбился и вот...

Талдыкин. Постой, постой... Так это он тебе... Гм! Всего ожидал, только не этого... (*Пауза.*) Слушай... а ты... Как на него смотришь?

Зоя. Мне кажется... что я его тоже люблю! (*Будто оправдываясь.*) Но только — имей в виду — немножко! Так... самую чуточку! Он такой смешной... На него нельзя сердиться!.. Вон прислал три букета и целую книжку билетов на сегодняшнее представление. Урод этакий!

Талдыкин. Гм... да! Значит, выходит, что мы играли с тобой друг против друга?

Зоя. Как?

Талдыкин. Ясно! Наши интересы с тобой в отношении Казанцева резко расходились... Хотя, знаешь что... Скажи... он совсем здоров?

Зоя (*весело*). Совершенно! Давеча так расхвастался, что противно было.

Талдыкин. А знаешь... ей-Богу я рад! И за него рад... и за тебя... Да и за себя, правду сказать. Какой-то туман болотный окутал мой мозг, ослепил меня, оглушил меня, погасил мой ум и умертвил сердце, а (*грустно усмехается*) воображаю, каким вам всем я казался злодеем и убийцей. Это потому что в моем мозгу клеточка деловитости давит на другие клеточки...

Зоя. Дядя, бедный дядя. Вот теперь ты настоящий! Теперь ты прежний! Однако постой, ведь оказывается, что Казанцев разорил тебя.

Казанцев в дверях.

Казанцев. Клевета, исходящая от невесты! Самое тяжелое! Кого и когда мог разорить бедный Казанцев...

Зоя. А, землячок, идите, я вас за уши выдеру. Вы у меня, землячок, узнаете «Свадьбу Кречинского».

Казанцев. Ну, раз «землячок», тогда все благополучно.

Зоя. Вы у меня увидите «Свадьбу Кречинского»!

Казанцев. Вы знаете... Вы мне лучше покажите свадьбу мою собственную (*Целует ей обе руки.*) Да? Скажите одно только словечко: «Да».

Зоя. Нет!

Казанцев (*обнимает ее, целует*). Ну, вот и умница! Вот и хорошо.

Зоя (*она в его объятиях*). Вы видели такого наглеца? Ему говоришь нет, а он целоваться лезет.

Казанцев. А зачем же меня мама грамоте учила. В глазах прочел «да»!

Талдыкин во время этой сцены сидит, задумчивый. Казанцев подходит к нему.

Дядя! Что это с вами? Вы плохо выглядите... Хотите я вам предложу одно дело...

Талдыкин (*оживленно*). Да? Какое?!

Казанцев. У вас такой вид... что... Хотите теперь я застрахую вас?

Талдыкин. Вот вы шутите, а у меня действительно есть замечательное дело. Хотите пополам?

Казанцев (*весело*). С восторгом! Теперь я иду на всякие дела... Какое дело?

Талдыкин (*оживляясь, встает*). Вы задавали себе вопрос — почему наши извозчики бедствуют? Очень просто — их разоряет лошадь. Ее нужно сначала приобрести, потом кормить, иметь для нее конюшню, подковывать и тратиться на ремонт сбруи. О кнуте я уже не говорю. Что же делаю я? Лошадь — к черту! Оглобли — к черту! Просто я приделаю впереди большое колесо, педали для ног извозчика, как на велосипедах и мой извозчик (*радостно*) начинает ничтоже сумнящеся, ездит без лошади, овса и сбруи! О кнуте я уже не говорю!

Казанцев. Позвольте... О кнуте вы уже не говорите. Если два седока — ведь общий вес получается пудов 16–17. Одному человеку не сдвинуть этого — хоть вы приделайте 10 колес!

Талдыкин. Я уже думал об этом. Если даже это и не совсем так — оно не важно! А сдвинуть с места... Если извозчиковы ноги не одолеют сопротивления — ведь

можно сделать и механический двигатель... Паром там или электричеством...

Казанцев. Да, да! Поставить бензиновый двигатель — и конец!

Талдыкин (*радостно*). Ну, конечно! Вот вы меня и поняли!!

Казанцев. А для управления приделать руль!

Талдыкин. Ну, да! Верно!!

Казанцев. А двигатель сделать посильнее, да и устроить экипаж на четырех пассажиров.

Талдыкин (*восторженно*). Да!! Да!! Ей-Богу!

Казанцев. И тогда... (*пауза*) и тогда вы будете иметь обыкновенный автомобиль, изобретенный несколько десятков лет тому назад, тот автомобиль, который вы можете видеть на улицах в числе нескольких тысяч экземпляров. (*Смеется.*) Увы! Изобретение хорошее, но вы опоздали.

Талдыкин (*тяжело опускается на стул, совсем усталый*). Погибло... Снова все погибло... А я строил на этом дело!..

Зоя. Ну, зачем вы огорчаете дядю, землячок!

Казанцев. Что вы! Да я его уже давно полюбил, как родного! (*Обвивает рукой талию Зои.*) Нет, дядюшка! Теперь я вам предложу дело... Только мне для этого снова понадобится Глыбович... Где он, дядюшка?

Талдыкин. Глыбович? А черт его знает...

Казанцев. Он нужен сейчас, как воздух!

В дверях Глыбович. Он растрепан, воротничок у него растерзан, галстук на сторону, вид веселый. Присутствующие его не замечают.

Талдыкин. Этот Глыбович такой, что когда не нужен — так черти его и принесут, а когда, в кои-то веки один раз понадобится...

Глыбович (*весело*). Так он тут, как тут. Плох был бы тот агент, который не являлся по первому желанию клиента!

Все (*говорят наперебой*). Боже мой?! Что за вид! Что с вами?

Глыбович. Сейчас бил Ноткина! Это ничтожество, эта пародия на агента осмелился утверждать, что наше

общество отказывается переводить с посмертного страхования на дожитие!!

Казанцев. Глыбович! Вы гениальны! За этим-то вы и были нужны! Так ваше общество может перевести с посмертного страхования на дожитие?

Глыбович. Сколько угодно. Кого перевести? На какой срок?

Казанцев. Меня! Лет на 5. За это время, я думаю, все выплачу. Дядюшка! Сколько вы всего заплатили за меня господину Глыбовичу?

Глыбович. Это не мне, а обществу. Сейчас! (*Вынимает записную книжку.*) 11700 р.

Казанцев. И прекрасно! Дядюшка! Я у вас покупаю за эту сумму мой полис и перевожу его на дожитие... А вам, кроме того, возвращаются все расходы.

Те же и Усиков.

Усиков (*входя*). О, какое большое общество! Делаю общий поклон. Что за оживление, господа?

Талдыкин. А, доктор. Тут замечательное дело. Посмертную страховку переделываем на дожитие, и я получаю все свои взносы обратною

Усиков (*ему тихо*). А что же я получаю?

Талдыкин. Вы? Ничего! Ведь, оказывается, что мы с вами застраховали тогда здорового человек. Так что ничего противозаконного и не было!..

Усиков. Та-ак! Значит, опять не удалось сделаться мошенником. Не судьба! И это который уже раз!

Казанцев. Ну, спасибо вам, Глыбович! Вы сейчас, вероятно, первый раз в жизни явились как раз вовремя. Господа — ура Глыбовичу.

Все. Ура-а-а!

Те же и Ольга Григорьевна.

Ольга. У нас сегодня самая шумная квартира в городе... В чем дело?

Глыбович. Видите, Ольга Григорьевна... Это «ура» в честь меня. Оказывается — я самый нужный человек.

Ольга. Развязный нахал, вот вы кто!

Глыбович. Наполовину неправы. (*Ко всем.*) Господа! Когда мы заканчивали ту сделку, первую, — так вечером поехали на «Живой труп». Куда мы поедем после этой сделки?

Казанцев. На «Свадьбу Кречинского»!!

Глыбович. А билеты есть?

Зоя. Ого! Целых девяносто!!

Глыбович. Господи Иисусе?! Почему же девяносто?

Талдыкин. Это по числу лет, которые проживет Казанцев... Ура!!

Занавес

КОНЕЦ!!!

Моя пьеса «ИГРА со СМЕРТЬЮ»

Это — моя первая большая пьеса...

Я ее написал в 1919 году, скрываясь от захвативших Севастополь большевиков, хотя я сам в то время «играл со смертью», но, увидит зритель, в пьесе нет и намека на ту гримасу жестокой смерти, которую переживала и переживает несчастная моя родина. Я скрывался (*а как трудно скрыться в маленьком городе?*), меня разыскивали, потому что мои статьи и книги были ножом в сердце большевиков, я бил по их самым чувствительным местам и, думаю, что если бы я попался в красные лапы, то едва ли палачи довели бы меня живым на обычное место расстрелов — они бы «отгрызывали от меня по кусочку мяса на котлеты», как обещала одна коммунистическая газета...

Но я искусно прятался и в это время с увлечением писал «Игру со смертью», живя больше жизнью героев, чем моей собственной... Я нарочно не вводил в пьесу элементы злободневности, полагая, что все, что теперь делается — преходяще, а мой герой Талдыкин и через десять лет останется таким же живым, как и сейчас — с его неутомимой жаждой выгодных дел, с его суетой и горячкой, с его подчас жуткой прямолинейностью в вопросе о жизни и смерти писателя Казанцева, раз эта смерть венчает сложные и выгодные коммерческие комбинации...

В пьесе нет плохих людей, как и вообще в жизни их очень мало. В одном и том же человеке может причудливо совмещаться и Торквемада, и Франциск Ассизский.

Как говорит один из моих героев — «сегодня человек фальшивый вексель подпишет, а завтра сироту пригреет и покормит»... Яркий пример — агент по страхованию жизни Глыбович. С одной стороны — он негодяй, потому что пользуется любящей женщиной для устройства своих дел; он на всякого человека холодно смотрит, как на объект страховки, но, с другой стороны, он энтузиаст, он — поэт, и если ему предложить взятку — с негодованием откажется. Даже доктор Усиков, этот — «полумошенник, которому всегда что-нибудь мешает сделаться полным мошенником» — и он неплохой человек, хотя потому бы, что при всяком удобном случае этот доктор «кается»...

Зоя — чистый светлый образ неиспорченной жизнью девушки... В конце второго действия ей кажется, что она окружена стаей хищных воронов, но и она, в конце концов, видит, что кругом только деловые люди, а что объектом их дел является спекуляция на смерти — это случай. С таким же энтузиазмом окружающие занялись бы эксплоатацией перегоревшей электрической лампочки, если бы это принесло не меньший доход, чем смерть Казанцева. Я знаю, что публика будет смеяться, смотря пьесу, но в пьесе есть жуткие, страшные места, и я буду счастлив, если чуткие актеры почувствуют это и оттенят.

В заключение — несколько слов о переводе на чешский язык... Я очень счастлив, что перевод попал в руки талантливого В. Червинки — чуткого внимательного переводчика. Но, к сожалению, в пьесе есть ряд мест, в которых совершенно непереводимая игра слов. В. Червинка, однако, с честью вышел из всех затруднений. И мне приятно, что пьесу впервые увидят при свете рампы чехи — мои лучшие друзья в международном масштабе...

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

(Дамское вышивание по бумаге)

Диалог

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Издатель.
Писательница.

Кабинет издателя.
Издатель один, за столом. Он просматривает рукописи.
Писательница (в шляпе, в манто), вихрем влетая, садится у стола. Тяжело дышит.

Издатель (*вежливо*). Присядьте.

Писательница. Я уже села. А я, знаете, к вам!

Издатель. Вот совершенно бы не подумал этого.

Писательница. Да, да! Слушайте, неужели вы издатель?

Издатель. Представьте!

Писательница. А я думала — все издатели седые и в очках. Ну, да черт с ними! Слушайте! Издайте мой роман. Я написала.

Издатель. Неужели написали? Однако, вы довольно бодро переносите это несчастье.

Писательница. Какой вы смешной!.. Ну, вот. Так, видите ли, написала я роман назвала его «Великий полководец». Вы ведь знаете, что Наполеон был очень и очень неплохим полководцем!

Издатель (*недоверчиво*). Ну что вы говорите!

Писательница. Ей-Богу. Я об этом где-то читала. Писали даже, что он был императором. Вы подумайте: из простых консулов — да в императоры! А возьмите наших теперешних консулов — подумать стыдно. Вот уж именно: ни кожи, ни рожи. Я слышала как-то о нем анекдот, что он своих братьев королями поделал. Вот это был мужчина! Разве теперь мужчины?

Издатель (*меняя исторический разговор*). Хороший роман написали?

Писательница. Роман, как роман! Как говорится: не боги горшки обжигают!

Издатель. Гм... хорошее изречение. По источникам писали?

Писательница. Какой вы смешной! Что вы такое говорите?

Издатель. Я говорю: когда роман писали — источниками пользовались?

Писательница. Помилуйте! Все лето на Кавказе провела.

Издатель. Ага! Значит, не пользовались?

Писательница. Именно, пользовалась.

Издатель. Разве... там... можно... найти?

Писательница. Какой вы смешной? Вот и видно, что вы никогда не бывали на Кавказе! Источников там сколько угодно! Эссентукский, Железноводский, Нарз...

Издатель. Мерси, я вас понял. Не можете ли вы в кратких словах рассказать содержание романа!..

Писательница. Пожалуйста. Знаете ли, вы, что Наполеон был в Москве?

Издатель. Да что вы! Чего уж это его нелегкая туда понесла?

Писательница. Он же был завоеватель! Неужели вы не знали, что он был в Москве?

Издатель. Изредка до меня доносились смутные слухи, но я не придавал им никакого значения!

Писательница. Напрасно! Это факт! Он был там. Я узнала также, что в это время была сожжена Москва!

Издатель. Ужасная неприятность. Застраховано?

Писательница. Где там! Разве наши потомки тогда об этом думали...

Издатель. Предки.

Писательница. Это неважно! Предки — потомки — один черт. И представьте, французы любовались на это с птичьего полета.

Издатель (*недоумевает*). Почему... с птичьего?

Писательница. Ну да. У москвичей очень своеобразный язык: они называют это — «с Воробьевых гор». Парафраз.

Издатель (*бормочет под нос*). Пара фраз, а какие глупые.

Писательница. Что вы говорите?

Издатель. Я говорю — с нетерпением жду дальнейшего!

Писательница. Да-с. И вот стоят они и любуются на пожар Москвы. Наполеон со штабом. Вся его свита: Марат, Дантон, Мей, Бонапарт, Барклай де Толли...

Издатель. Позвольте, позвольте! Какой Марат?!!

Писательница. Известный. Тот, которого потом утопила в ванне Шарлотта Корде.

Издатель. Простите, она его убила раньше, а потом потопила.

Писательница. Как раньше? Как же он мог быть на пожаре Москвы, если раньше. Труп его возили, что ли?

Издатель. Да, дело в том, что с Наполеоном был не Марат, а Мюрат.

Писательница. Да? Ах, понимаю — это, кажется, называется корректорская ошибка. Ну, как говорится: «не вмер Данила, болячка задавила». Сойдет.

Издатель. Потом у вас тут в штабе Наполеона затесалась какая-то странная личность: Бонапарт.

Писательница. Ну да? Что вас так удивляет?

Издатель. Бонапарт-то... Ведь это и есть Наполеон.

Писательница. Еще что выдумайте! Был генерал Бонапарт и был император Наполеон.

Издатель. Но, клянусь вам, что это одно и то же лицо!! Его так и звали: Наполеон Бонапарт.

Писательница. Э, черт. Ну, какая досада! То-то, я и по истории смотрю, что они все вместе были: куда Наполеон, туда и Бонапарт. Я, признаться, думала, что это его адъютант. Вот положение!!

Издатель. Что вас так огорчает?

Писательница. Да как же! Я ведь Бонапарту совсем другой характер сделала, чем Наполеону! Он у меня

холерик, а Наполеон сангвиник: они часто спорят между собой, и Бонапарт даже однажды впал у Наполеона в немилость. Ведь тут у меня любовная интрига! Оба они влюбляются в одну и ту же помещицу. И Наполеон однажды застает у нее Бонапарта! Помещица у меня такая есть: Афросимова. Она тоже хотела бежать из Москвы, но на полдороге, благодаря недостатку бензина, была перехвачена.

Издатель (*растерялся*). Какой бензин? Зачем?

Писательница (*хладнокровно*). Бензин. Автомобильный. Представьте, на полдороге недостаток бензина, испортился этот... как его, черт? Карбюратор.

Издатель. Позвольте, позвольте! Вы можете мне довериться?

Писательница (*с беспокойством*). А... что?

Издатель. Тогда автомобилей не было!

Писательница (*растерялась*). Ну, что вы?! Не было? Какой удар! А что же было?

Издатель. Лошади были.

Писательница. Причем тут лошади, когда у меня весь эффект 12-й главы на автомобиле построен. Мотор налетает на дерево, останавливается, в это время непобедимая наполеоновская гвардия выскакивает и бросается на помещицу, но тут, как из-под земли вырастает телефонист Тустепов с партизанами, и грозно говорит... Слушайте у меня нос не блестит?

Издатель. Это кто кому говорит? Телефонист помещице или помещица телефонисту?

Писательница. Какой смешной? Это я у вас спрашиваю (*вынимает пуховку, пудрится*). Теперь хорошо?

Издатель. Нос — хорошо, телефонист — нехорошо. Это какой у вас телефонист?

Писательница. Такой, знаете. На телефоне. В те старые времена о телефонистках еще и не слыхивали... Были такие... телефонисты.

Издатель. В старые времена и о телефонах тоже не слыхивали. Телефона не было. Слышите, вы?! Он изобретен лет семьдесят спустя!!

Писательница (*она осунулась*). Какой удар! Какой удар! А у меня на этом все построено. Понимаете, все телефонисты разбежались со станции, остался

один мой герой. И что же! Он подслушивает распоряжения Наполеона, передаваемые Бонапарту, Барклаю-де-Толли и другим генералам, и потом доносит русским о всех передвижениях неприятельских войск. Потом, разоблаченный, отбивает у неприятеля пулемет и мчится на паровозе прямо к Пскову, где...

Издатель (*жестким тоном*). Пулеметов не было! Паровозов не было! И потом, скажите на милость — почему у вас Барклай-де-Толли затесался к французам?

Писательница. Да он кто?

Издатель. Русский полководец!!

Писательница. Какой вы смешной! А фамилия у него французская. У меня ведь была мысль, чтобы и Багратиона отнести к французам, а потом вижу, что он же и Мухранский — э, думаю, осади назад. (*Тоскливо.*) А Наполеон принимал у себя русских полководцев или не принимал?

Издатель. Не принимал.

Писательница. А у меня принимает. Перед ним, знаете ли, выстроились русские полководцы: Каульбарс, Гриппенберг, Штакельберг, Куропаткинберг, и он осмотрел их и сказал историческую фразу: «с такими молодцами, да не победить русских! Это было бы невозможно». Теперь уж я и сама вижу, что у меня немного напутано.

Издатель. Хорошее — немного! Да у вас камня на камне нельзя оставить...

Писательница. Боже, Боже! Удар за ударом... Неужели, из-за этих мелких промахов должен пропасть весь роман?.. Все мои боевые картины: и пожар Березины, и подделка слесарем ключей от Москвы и бегство Наполеона с полуострова Св. Елены!

Издатель (*с интересом*). Березина разве горела?

Писательница. Со всех четырех концов. Как свечка!

Издатель. Да что вы говорите?!!

Писательница. О! Это у меня лучшая глава романа: Пожар Березины! Вы себе представить не можете, что это было за необычайное, эффектное зрелище. (*Вскакивает.*) Понимаете — дым! Искры! Головешки!..

Издатель (*усаживая ее, деликатно*). Один очевидец... гм! Рассказывал мне, что Березина... мм... в сущности, река!

Писательница. Вздор! Как же она могла гореть?

Издатель. Она и не горела. Она в этом отношении солидарна с полуостровом Св. Елены, который не только не горел, но даже более того — он не полуостров, а целый остров!

Писательница. Какой вы смешной! Ну, предположим, что Св. Елена и остров, но не весь же остров занимал Наполеон!! Совершенно ему достаточно было и полуострова.

Издатель (*вскакивает, ходит в волнении*). Позвольте, позвольте! Значит, половина острова, по-вашему — полуостров...

Писательница. Ну, ей-Богу же, вы прекомичный! (*Смотрит на свои часики.*) Однако, который... Боже... ты мой! Опять стали! (*Трясет их, прикладывает к уху.*)

Издатель. Часики не в порядке?

Писательница. Да! Давала чинить — ничего не выходит!..

Издатель. Да уж, эти часовые мастера! Позвольте я посмотрю. Может быть, удастся починить!..

Писательница. Вот курьезный! Неужели и часы можете починить?

Издатель. Отчего же. Во всяком случае, попробую! (*Берет часы, открывает, ковыряет перочинным ножиком. Оттуда высыпаются все колесики и винтики*). Вот — как говорится: попытка не пытка...

Писательница. Ну, что?

Издатель. Действительно, часы. Только почему-то вся начинка из них высыпалась.

Писательница. Позвольте... Зачем же вы... высыпали все?..

Издатель. Да я только ковырнул...

Писательница. Послушайте!.. Да вы сами-то... понимаете что-нибудь в часах?!

Издатель. Как вам сказать... Скорей не понимаю, чем понимаю...

Писательница. И вы! Никогда! Не занимались! Часовым делом?!!

Издатель. Откровенно говоря... нет. Вот сейчас только... Ковырнул, а оно и... тово.

Писательница (*вспыхнув*). Да что же это за безобразие, чтобы человек, ни черта не смысля, взялся не за свое дело?!!

Издатель. А вы тоже хороши! Ничего не понимая — вдруг — на тебе! Роман.

Писательница. Значит, вы... действительно... не понимаете... в починке?

Издатель. Сударыня! Я понимаю в починке часов столько же, сколько вы в писании романов.

Писательница. Какой смешной! Ну, черт с вами! Целуйте руку в знак прощения! Я вам принесу другой роман!

Издатель. И часы приносите свеженькие. Может быть, мы, в конце концов, оба научимся. Я — чинить часы, вы — писать романы.

Писательница. Изумительно смешной экземпляр! (*Уходит.*)

Занавес

ЕВРЕЙСКИЙ РЕСТОРАН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гость.
Хозяин.

Гость. Скажите, можно у вас поесть?
Хозяин. А чего я здесь сижу. Садитесь.
Гость. Что у вас есть?
Хозяин. Все есть — рыба жареная, холодная.
Гость. Дайте рыбу жареную.
Хозяин. Один кусок или два?
Гость. Один.
Хозяин. Рыбу.
Гость. Рыбу.
Хозяин. Жареную. (*Уходит.*)
Хозяин (*входит*). Жареной рыбы нет.
Гость. Вы же говорили, что есть.
Хозяин. Так что с того? Скушайте холодную.
Гость. Давайте.
Хозяин. Один кусок или два?
Гость. Один.
Хозяин. Рыбу?
Гость. Рыбу.
Хозяин. Холодную. (*Уходит.*)
Хозяин (*входит*). Холодной рыбы нет.
Гость. Черт знает что такое! Что же у вас есть?
Хозяин. Вы не серчайте. Когда действительно сейчас очень тяжело. На базаре ничего нет. В ресторан никто не хо-

дит. Жена у меня больна. Вы знаете, я ей недавно сказал: «Знаешь, Сура, ты скоро умрешь перед большим праздником. Почему? Потому что, когда ты умрешь у меня будет большой праздник». — Нет, я шучу... Знаете, скушайте оф!

Гость. Что?

Хозяин. О — оф!

Гость. Что такое оф?

Хозяин. Он не знает, что такое оф! Вы меня удивляете! Оф... Это... ну как... (*Хлопает руками*) ... Ну... Курица!

Гость. А-а..! Ну давайте курицу.

Хозяин. Жареную или холодную?

Гость. Жареную.

Хозяин. Оф?

Гость. Оф.

Хозяин. Оф! (*Уходит.*)

Хозяин (*входит*). Скажите, что мне ваше лицо знакомо?

Гость. Это не удивительно — я актер.

Хозяин. Вы актер? А знаете, за этим столом у меня сидело много артистов. У меня даже кушала оф знаменитая... как ее? Марья... Сави... Савицкая...

Гость. М.Г. Савина.

Хозяин. О! Вы знаете, какая она идиотка.

Гость. То есть как идиотка? Это одна из умнейших женщин.

Хозяин. Ну что вы мне говорите?! Это замечательная идиотка. Я сам ее видел в этой пьесе Достоевского.

Гость. Так вы говорите о пьесе Достоевского. Но она называется «Идиот», а не идиотка.

Хозяин. Вот когда вы будете ее играть, так это будет идиот. А когда она играла — это была идиотка. (*Пауза.*) Скажите, а что у вас представляли вчера?

Гость. «Ольгу Николаевну».

Хозяин. А-а! Это где она живет с художником, а возле нее еще путается студент.

Гость. Нет. То — «Екатерина Ивановна».

Хозяин. Положим легко спутать, когда обе пьесы Горького.

Гость. Ну, что вы? Первая — Аверченка, вторая — Андреева.

Хозяин. А. Аверченко! Это гордость еврейского народа.

Гость. Почему еврейского? Ведь он русский.

Хозяин. Аверченко — русский? М-да... ничего себе писатель. Но... хуже Юшкевича. (*Пауза.*) У вас вчера был большой сбор?

Гость. Да, большой!

Хозяин. Альгиванг?

Гость. То есть вы хотите сказать, аншлаг.

Хозяин. Ну да, я же говорю Аншлаг. (*Пауза.*) Что я хотел сказать? Да! — горячего оф нет.

Гость. Так что же вы мне полчаса голову морочили, если у вас ничего нет.

Хозяин. Как нет? Все есть... Только сейчас нет. Знаете что, я вам дам холодный оф.

Гость. Давайте.

Хозяин. Один кусок или два?

Гость. Один.

Хозяин. Один. (*Уходит.*)

Хозяин (*входит*). Нате кушайте компот.

Гость. Это безобразие! Да на что мне ваш компот, если я есть хочу. Зачем мне сладкое?

Хозяин. Он не сладкий — он кислый.

Гость. А вы знаете, мне ваше лицо тоже знакомо. Это не вас выбросили вчера из вагона трамвая?

Хозяин. Меня? С трамвая? Вчера? Ничего подобного. Это было позавчера.

Гость (*вытаскивает волос*). Фу! Женский волос.

Хозяин. Нет. Ребячий.

Гость (*пробует*). Какая гадость! Можете сами пить эту дрянь!

Хозяин. Зачем же я буду ее пить, если мне уже пять людей говорят, что это дрянь.

Гость. Безобразие! Возмутительно. (*Хочет уходить.*)

Хозяин. Постойте! Не горячитесь! Может, еще что-нибудь найду. Скажите — вот вы артист, а все артисты любят старинные вещи. Может, вы что-нибудь купите: у меня есть целый чулан.

Гость. А что у вас есть. Нет ли часов старинных?

Хозяин. Что значит — нет? Конечно, есть!

Гость. Старинные?

Хозяин. Такие старинные, что их даже в руках страшно держать — рассыпятся.

Гость. С кукушкой?

Хозяин. С кукушкой? А с другой птичкой вы не хотите?

Гость. Нет, вы не понимаете! Они висячие?

Хозяин. Если их повесить — будут висячие, положить — лежачие.

Гость. Но они не карманные?

Хозяин. Нет... В карман они не влезут. Вот какие.

Гость. С маятником?

Хозяин. Нет! Без маятником.

Гость. Так это не годится!

Хозяин. Почему?

Гость. Потому что они без маятника.

Хозяин. Так что с того?

Гость. То, что они не могут ходить.

Хозяин. Почему?

Гость. Потому что они без маятника.

Хозяин. А вы же ходите без маятника.
Ходите ничего не кушаете.
Только время отнимаете.
Безобразие!

Конец

СТАКАН ЧАЮ

Пьеса в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Муж.
Жена.
Свояченица.
Няня.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Муж и жена.

Жена. Тебе покрепче, мое солнышко?..

Муж. Конечно! Ты же знаешь. (*не отрывая глаз от газеты, берет стакан, подносит его ко рту и вдруг, закричав, вскакивает со стула*).

Жена. Что такое?

Муж (*вертясь по комнате, как подстреленный, подскакивает к столу и, негодующе глядя на жену, стонет*). Это ты... нарочно?

Жена. Что такое? Что нарочно?

Муж. Подсунула мне кипяток?

Жена. Какой там кипяток? Что такое! Обыкновенный чай.

Муж. Нет-с, это настоящий крутой кипяток-с!..

Жена. Что ты хочешь этим сказать?

Муж. То и хочу сказать, что это низость! Ты была бы очень рада, если бы я обварил горло!

Жена. Что ты хочешь этим сказать?

Муж. А вот то! Хочу сказать, что ты рада сделать мужу гадость...

Жена. Ну, знаешь ли... Ты сам виноват...

Муж. Сам?! Сам?! Почему сам?

Жена. Если ты такой дурак — не нужно было жениться. Пил бы себе холодный чай!

Муж. Нет, это тебе не нужно было за дурака замуж вых... То есть, нет, я хочу сказать тебе, что ты дура! Слышишь, ты? Дура!

Жена. Я?!!

Муж. Ты.

Жена. Что ты хочешь этим сказать?

Муж. А то, что если дают кипяток, то об этом предупреждают!

Жена. Странно... Владимиру Ивановичу всегда наливаю такой чай, и он пьет...

Муж. Это потому, что у твоего Владимира Ивановича вместо горла водопроводная труба!

Жена. Что ты этим хочешь сказать?

Муж. Ну, вот! Заладила сорока Якова...

Жена. Какого Якова? На какого ты Якова намекаешь?!! Я тебе на твою немку не намекаю...

Муж. Во-первых, у меня никакой немки нет, а затем она всегда наливает чай, как следует, а не кипяток!

Жена. Ах, вот что?!. Так ты бы и шел к ней!..

Муж. И пойду! Я, слава Богу, еще не в аду живу, где грешников кипятком шпарят.

Жена. Все равно — скоро попадешь туда.

Муж. Да, конечно! При твоем содействии. Сегодня кипяток, завтра кипяток, — конечно, в конце концов, сваришься. Ты рада меня со свету сжить, а самой убежать к твоему чертову Владимиру Ивановичу!..

Жена. Что ты хочешь этим сказать?

Муж. Ну, вот! Черта крести, а он говорит пусти.

Жена. Да уж верно!!! Тебе только черта и крестить — для обыкновенных ребенков ты не годишься!!!

Муж. Ш-ш-то-с?!. Так я тебе говорю: если ты мне еще раз подсунешь такой кипяток...

Жена (*вскакивает, роняет стул и кричит*). Это не кипяток!! Обыкновенный горячий чай, который все пьют — слышишь ты это?!! Все!!.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит свояченица.

Жена (*схватывая ее за руку, кричит*). Ну, вот, вот, пусть Лиля скажет; она — лицо незаинтересованное. Попробуй, Лиля, что это за чай... Горячий он?

Свояченица (*берет стакан и отхлебнув глоток чая, морщится*). Фи, какая гадость... Еле теплый.

Муж (*схватывая себя руками за голову, мечется по комнате, крича истерически*). Теплый?! Еле тепленький?!. Все, все в этом доме заодно! Я знаю, я всегда ваш враг, вы всегда друг с другом против меня!!. Если вы кипяток считаете тепленьким, я считаю вас лживыми, истеричными бабами.

Свояченица (*с достоинством выпрямляясь*). Николай Николаевич! Если вы оскорбляете меня, пользуясь тем, что мне негде жить, и я живу у вас из-за милости моей сестры, то... дайте сами оценку своему поступку.

Муж (*кричит, размахивая руками*). Не желаю. Не желаю давать оценки своему поступку. Сами давайте оценку!!

Свояченица. Извольте! То, что вы делаете, — гадость. Если вам моя сестра не нравится — вы могли на ней не жениться, а издеваться над беззащитными...

Муж (*обращаясь к самовару*). Ну, вот!!. Видали вы, люди добрые, что она говорит?!. В огороде бузина, а в Киеве дядька.

Жена (*вскакивает со сверкающими глазами*). Какой дядька? Вы это про какого дядьку говорите? Вы на кого намекаете?!! То про какого-то Якова, то про дядьку. Я тебе про твою немку не намекаю!

Муж. Чего ты кричишь? Небось, если бы себе спалила горло так же, как я, — не покричала бы.

Жена. Мне палить горло нечем. Я алкоголя не пью!!!

Муж. Господи! И среди таких людей мне приходится жить! Среди такого общества вращаться...

Жена. Да-с, да-с! И это честь для тебя!!. Я знаю, ты хочешь внести сюда нравы ночлежного дома!!! Но я...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит няня.

Няня (*негодующе*). Вы рази о дите подумаете. Только что дите уложила, как нате вам! Завели волынку!!! С утра самого: гыр-гыр-гыр, гыр-гыр-гыр!

Муж (*хватая няньку за руку и таща ее к столу, кричит*). Нянюшка! Вы единственная толковая женщина... Скажите вы по справедливости: можно пить такой чай?!.

Няня (*отхлебнув чай, сплевывает, убежденно говорит*). Никак такого чаю пить нельзя; кто же такой чай пить будет? Разве это возможно? Прямо нужно сказать: не такой это чай, чтобы его пили... Слава Богу, у хороших господ жила — знаю.

Муж. А что? Я знал, что нянюшка умная, справедливая женщина...

Жена. Она справедливая женщина? Просто она подмазывается к тебе, чтобы попросить в счет жалованья. Вот и делает вид, что обожглась!

Няня. Стара я, матушка, подмазываться-то. А только — где же это обожглась, если мне дают холодный брандахлыст, я и говорю: никто его пить не станет!

Муж (*в бешенстве*). Черт! Уберите от меня эту старуху, или... или я за себя не ручаюсь!! Это какое-то сонмище ядовитых змей! Извести вам меня надо? Так вы просто подсыпали бы мне чего-нибудь в кушанье... яду бы... яду, яду!..

Няня (*хлопнув себя по бедрам, громко рыдая*). Это я? Я тебя хочу отравить?! Это — я-то, ядом? Да чтоб мои глазыньки...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Господин из публики.

Господин (*идя от задних рядов к сцене громко кричит*). Постойте, постойте!.. (*всходит на сцену*). Одну минутку, господа! Простите, что я врываюсь, не будучи гм... этого самого... не имя к вам никакого отношения! Но дело в том, что я сидел там, видел все, кажется раскусил в чем тут дело и, как говорится, хочу вывести вас на чистую дорогу!.. Вот в чем дело: хотя

вы, милостивые государи, ссоритесь, спорите между собой, всяк из вас совершенно другого мнения, чем его оппонент, но дело в том, что хотя вы все и разного мнения, но все вы правы! Господа! Здесь произошла очень странная загадочная таинственная тайна, основанная на физическом законе природы! Вы, сударыня, действительно, налили супругу очень горячего чаю... Будем говорить даже точнее: кипятку! Супруг ваш обжегся и вступил с вами в пререкания. Ваша сестрица пришла через 6 минут после наполнения стакана кипятком и, естественно, нашла чай теплым. Эта уважаемая старушка пришла еще немного минутами позже — и застала совсем холодный, как она выражается: «брандахлыст». Выражение это не научное и в физике, в главе о жидкостях совершенно не употребительное. Глава седьмая физики (*садится*) именно глава о жидкостях в отделе третьем именно в той его части, которая занимается температурой жидкостей, учит нас, что температура жидкости от соприкосновения с окружающим воздухом, если температура этого последнего не превышает по Реомюру...

Муж (*угрюмо*). Что вам, собственно, угодно?

Господин. Собственно, ничего. Я только хотел открыть вам глаза на истинное положение вещей. Я выудил оттуда все, что вы делали...

Жена. Очень милое занятие: подглядывать. Как не стыдно, право...

Свояченица. Да-с. Воспитаньице! Врываются в чужой дом, дают наставления, учат какой-то физике... (*все сдвигаются ближе...*)

Няня. У нас один тоже у господ, где я допреж жила... Пришел так-то сам — и шубу с вешалки унес. Тоже все об физиках расписывал. Такой же... физик. Иди себе, батюшка, иди... Нечего тут. Бог с тобой! Иди... (*Выпроваживают господина.*)

Все. Идите, идите. Нечего тут...

Господин. Вот так всегда: непросвещенные массы гонят науку! (*Уходит.*)

Занавес

ХВОСТ ЖЕНЩИНЫ

Трагедия в 1-м действии и 2-х картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Елена Ивановна (Лена), любимая женщина.
Петухов, любимый мужчина.
Муся, подруга Елены Ивановны.

Действие в квартире Петухова, в кабинете.

КАРТИНА ПЕРАВЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Елена Ивановна. Петухов. Она в шляпе.

Петухов. Елена Ивановна, не бойтесь. Садитесь. Наконец-то, вы у меня. Я так счастлив! Елена Ивановна...

Лена. Ну?

Петухов. Лена...

Лена. Ну, что, глупый...

Петухов. Я... не могу... У меня сердце разрывается от счастья!

Лена. Что вы делаете?! Это безумие!.. Милый, милый... Почему ты все-таки догадался, что я тоже люблю тебя? Скажи, о чем ты сейчас задумался?

Петухов. Я хотел бы, чтобы ты была здесь у меня!.. Чтоб ты осталась здесь навсегда!.. Я хотел бы, чтобы мы жили, как две птички в гнездышке!..

Лена. Значит, ты хочешь, чтобы я разошлась с мужем?

Петухов. Солнышко мое! Неужели, ты хоть на минуту могла предположить, что я примирюсь с его близостью к тебе, раз ты меня любишь?! Раз мы любим друг друга — с мужем должно быть кончено!.. Сегодня же переезжай ко мне!..

Лена. Хорошо, милый! Послушай... Но у меня есть ребенок! Я ведь его тоже должна взять с собой!..

Петухов. Ребенок? Да что ты? Ах, да! Ребенок... Верно, верно. Кажется, Марусей зовут!..

Лена. Марусей.

Петухов. Хорошее имя. Такое звучное. «Маруся!» Как это Пушкин сказал: «И нет красавицы Марии равной!».. Очень славные стишки. Очень.

Лена. Так вот... Ты, конечно, понимаешь, что с Марусей я расстаться не могу.

Петухов. Конечно, конечно!.. Послушай... Но, может быть, отец ее не отдаст?..

Лена. Нет. отдаст.

Петухов. Как же это так, а? Разве можно свою собственную дочь отдавать? Даже звери, и те...

Лена. Нет, он отдаст. Я знаю.

Петухов. Нехорошо, нехорошо! А, может быть, он втайне страдать даже будет? Этак, в глубине сердца. А? По-христиански ли это будет с нашей стороны.

Лена. По-христиански, по-христиански. Не беспокойся. Что же делать? Зато, девочке, конечно, будет у меня лучше!..

Петухов. Ты думаешь, лучше? А вот я курю сигары. Детям, говорят, это вредно. А отец не курит.

Лена. Ну, ты не будешь курить в той комнате, где она — вот и все.

Петухов. Ага! Значит в другой курить?

Лена. Ну да. Или в третьей.

Петухов. Или в третьей. Вредно. Или в четвертой. Маруся... Хе-хе... Очень хорошее имя. Ну, что ж... Если уж так получается — будем жить втроем. А сейчас — я тебя буду ждать. Отправляйся домой за вещами и возвращайся уже навсегда.

Лена. Навсегда?

Петухов. Навсегда!

Петухов. Какая чудесная жизнь начнется. Вот только Маруся... Гм!..

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Та же комната. Лена за столом, перед зеркалом делает прическу. Петухов прохаживается по комнате.

Петухов. Вот, наконец, ты и у меня! Какое счастье!..

Лена. Да, милый. Только ты сейчас мне не мешай. Ты прости, что я твой кабинет заняла... А ты пока пойди посиди в другую комнату. В столовую, что ли.

Петухов. Ну, что ж... Пойду. (*Уходит на цыпочках. Через несколько секунд вбегает очень встревоженный.*) Лена!

Лена. Что ты, голубчик?

Петухов. Послушай, Лена... Там кто-то сидит!!.

Лена. Где сидит?

Петухов. А вот там, в столовой.

Лена. Кто ж там может сидеть? Это, вероятно, Маруся приехала?

Петухов. Какая Маруся? Ей лет тридцать, она в желтом платке. Сидит за столом и мешает что-то в кастрюльке!.. Лицо широкое, сама толстая... Мне страшно!..

Лена (*смеясь*). Глупый! Это няня Марусина. Она ей кашку, вероятно, приготовила.

Петухов (*растерянно*). Ня... ня... Какая ня... ня... Зачем ня... ня...?

Лена. Как зачем? Вот чудак! Марусю-то ведь кто-нибудь должен нянчить?

Петухов. Ах, да... Этого я не предусмотрел. Впрочем, Марусю мог бы нянчить и мой Егор.

Лена. Что ты, глупенький! Ведь он мужчина. Вообще, мужская прислуга, такой ужас...

Петухов (*пригорюнившись*). Няня, значит?

Лена. Няня.

Петухов. Сидит и что-то размешивает ложечкой.

Лена. Кашку приготовила.

Петухов. А? Да! Кашку?

Лена. Ну да, чего ты так взбудоражился?

Петухов. Взбудоражился?

Лена. Какой у тебя странный вид.

Петухов. Странный? Да. Это ничего. Я большой оригинал. Хи-хи. Кашка, говоришь? Ну, я пойду посижу в спальню. (*Уходит.*) (*Через несколько секунд выбегает испуганный.*) Лена!!

Лена. Что ты? Что случилось?

Петухов. Там... В спальне... Тоже какая-то худая черная. Там она... есть. Стоит около кровати и в подушку кулаком тычет. Забралась в спальню. Наверное, воровка. Худая, ворчит что-то. Леночка, мне страшно.

Лена. Господи, какой ты ребенок. Это горничная наша. Ульяша. Она и там у меня служила.

Петухов (*упавшим голосом*). Ульяша. Там. Служила. Зачем?

Лена. Деточка моя, разве могу я без горничной. Ну, посуди сам?

Петухов. Хо... хорошо. Посудю... я... Что я хотел сказать?.. Ульяша?

Лена. Да. Имя такое.

Петухов. Хорошее имя. Нежное такое: У-ли-а-ша!.. Хи-хи. Служить, значит, будет? Так. Послушай: а что же — нянька?

Лена. Как ты не понимаешь, ей-Богу. Нянька для Маруси, Ульяша для меня.

Петухов. Ага... Ну-ну.

Лена. Ведь вот у тебя же есть Егор?

Петухов. Уж Егора придется рассчитать... Ульяша? Оччень... очень звучно! Ну, я пойду посижу пока на кухню.

Лена. Почему же именно на кухню?

Петухов. А куда ж мне? Кабинет я уступил тебе, в столовой нянька с Марусей, в спальне Ульяша. Хорошее имя такое... Уу — ли — а — ния!.. Очень мило! Пойду на кухню. Единственная свободная комната!.. (*уходит на цыпочках. Через несколько секунд вбегает в ужасе.*) Лена!!!

Лена. Господи!! Что там еще? Пожар?!

Петухов (*опускается в кресло*). Тоже сидит!

Лена. Кто сидит? Где сидит?

Петухов. Какая-то старая. В черном платке. На кухне сидит. Пришла, уселась и сидит. В руках какую-то кривую ложку держит, с дырочками. Большую такую. Какая-то посторонняя. Украла, наверное, да не успела убежать.

Лена. Кто? Что за вздор?!

Петухов. Там. Тоже. Сидит. Какая-то. Старая. Ей-Богу.

Лена. На кухне? Кому ж там сидеть? Кухарка моя, Николаевна, там сидит.

Петухов. Ник... Николаевна? Ах, какое замечательное имя... то есть, отчество: Николаевна. Папа, наверное, Николай был. Коля. Ха-ха... Уютное имя (*робко*). Послушай: а зачем Николаевна? Обедали бы мы в ресторане, как прежде. Вкусно, чисто, без хлопот. Чаду не будет.

Лена. Нет, ты решительное дитя!

Петухов. Ре... шительное?

Петухов. Или, не решительное. Послушай: в ресторанчик бы, а?

Лена. Кто? Ты и я? Хорошо-с. А няньку кто будет кормить? А Ульяшу? А Марусе, если котлеточку изжарить или яичко? А если сестра Катя к нам погостить приедет? Или моя подруга Муся — она обещала вот-вот приехать. Кто же целой семьей в ресторан ходит?

Петухов. Приедут, да? Мутя... Кася... Куся... Матя... Наверное, хорошие девушки, хи-хи... (*Звонок. Петухов грустно сидит в кресле*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Влетает Муся с чемоданом.

Муся (*не замечая Петухова*). Вот где я тебя, наконец, нашла! Заезжаю к тебе на старую квартиру, а там пустыня! Так вот как ты устроилась? Мне можно у тебя пожить?

Лена. Ну, конечно, конечно! (*Целуются.*) Я так рада! (*Целуются.*) Какое на тебе прелестное платьице.

Муся. Это что! А я привезла два новых. Одно очарование! Хочешь, покажу?

Лена. Покажи, покажи! А я думаю себе заказать такое цвета гри перл, спереди совсем гладко, а сзади такое... знаешь? (*Раскрывают чемодан.*) А это что у тебя (*вынимает одно платье*). Ну, это я уже видела! (*не замечая Петухова, бросает ему на голову.*) А это? Очень миленькое... Только я с отделкой не согласна. (*Бросает его небрежно на Петухова. То же и со следующими платьями, которые постепенно совсем скрывают Петухова.*) Ах, ты вот про это говорила? Действительно, прелесть! Я так счастлива, что ты у меня погостишь!

Муся. Послушай (*целуются*). А где же твой новый муж?

Лена. Он, кажется, по делам ушел. Это неважно, Мусенька, он будет рад. Если бы еще Катя приехала! Вот бы весело было!

Муся. А где же ты меня поместишь?

Лена. Муся! И ты еще спрашиваешь?! Конечно, у меня в спальне. А муж может на эти несколько дней переехать в гостиницу. (*Петухов встает, стряхивая с себя платья*).

Муся. Смотри, вот он!

Петухов (*глаза у него безумные*). Это кто? Мутя или Кася? Куся или Мотя?!. А знаете ли вы, господа, что у всякой женщины есть хвост?! И это не такой хвост, как у ведьмы — тот болтается себе сзади и никому не вредит. А у женщины — огромный, преогромный хвост. Вот он тянется за ней... Страшный... Призрачный... Я его вижу: маленькая Маруся! За ней толстая женщина в желтом платке... За толстой — худая черная Уу-лі-а -шія. За этой Ууліашіей — старая, с кривой ложкой с дырками, а там дальше, дальше... несутся в воздухе... несутся еще и еще: сестра Катя, сестра Бася, подруга Мася... тетя Аня, тетя Варя, кузина Меря, Подстега Сидоровна и Ведьма Ивановна (*падая на стул, рыдает*).

Лена. Муся! Что с ним такое?

Муся. По-моему, он с ума сошел! Боже, какие теперь непрочные мужчины пошли!!

Занавес

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Мелодраматическое представление
в 3-х картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гость.
Хозяин.
Хозяйка.
Горничная.

Действие 1-е и 2-е происходят в гостиной хозяина дома. Действие 3-е — все равно где, только в открытом месте.
Оркестр музыка.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

РАНЬШЕ — КОГДА ПИЛИ

Сцена представляет: налево маленькую переднюю; направо — большую гостиную. Посреди гостиной стоит большой стол, сплошь уставленный закусками, винами и прочим.

Рождественское утро. Календарь показывает 25-е число декабря.

Музыка играет увертюру — веселый бодрый грохочущий марш.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сцена пуста. Звонок. Через гостиную в переднюю бежит нарядная кокетливая горничная. *Открывает переднюю дверь. Входит* гость *во фраке, сияющий.*

Горничная. Здравствуйте, барин! (*радостно*) с праздничком вас, желаю всего хорошего.
Гость. Спасибо, Луша. Хозяева принимают?
Горничная. А как же, помилуйте! Такой день!

Гость входит в гостиную.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Из других дверей показываются хозяин *и* хозяйка. *Оба нарядные, он в сюртуке.*

Хозяин. А-а! (*Обнимает гостя; целует*). Вот и молодец, что пришли! С праздничком вас! Желаю всего! (*Гость здоровается с хозяйкой.*) Живеньки, здоровеньки? Ну, ну, мой молодой друг! Не будем терять драгоценного времени — к столу, к столу, к столу — трижды к столу!
Гость. Да я, собственно говоря, уже пил. Прямо-таки не лезет...
Хозяин. Это со мной-то! Да, вы меня кровно обидите! Садитесь! Вам какой? Есть вишневая, есть сливович — крепкий, как собака, есть коньяк... (*наливает; пьют.*) Поросеночка? Икорки? Колбаски? А ну, еще одну, единственную распроединственную.
Гость. Ни-ни! Увольте. Не могу. И так не знаю, как домой доберусь!
Хозяин. Да мы сделаем очень просто! Мы вас не пустим. Жена! Наливай ему еще одну, а я поросенка отрежу. Луша! Спрячь его пальто и шапку, чтобы он не удрал! Выпили? А теперь мадерки! Ни-ни! И думать не смейте отказаться — такой праздник! Вы шутите с Рождеством? Христианин вы или басурман? А ну, еще по одной!!
Гость (*выпивает, встает, пошатываясь из-за стола, и облокотившись на стул, глядит на публику мутным хмельным взглядом*).Ф-фу! Од-днако!..

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

ТЕПЕРЬ — КОГДА НЕ ПЬЮТ.

Сцена представляет ту же гостиную и переднюю, только без прежней нарядности... Вместо большого стола с закусками, маленький столик в углу, покрытый салфеткой. Сцена пуста.

Музыка играет печальный меланхолический вальс, полный тоски и грусти по безвозвратно ушедшем.

Звонок. Как и в первой картине, пробегает в переднюю горничная, но она уже не в праздничном переднике и чепце, а в затертом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит тот же гость — во фраке, как и прежде.

Гость. Здравствуйте, Луша, с праздничком вас.
Луша (*грустно*). Спасибо. Что прикажете, барин?
Гость. Ничего не прикажу, чудачка! С визитом пришел.
Луша (*бестолково*). Нешто вы доктором сделались?
Гость. Зачем доктором?
Луша. А с визитом-то. Которые из докторей, так, действительно, к больным...
Гость. Да нет! Вот оригиналка-то? Понимаешь, я пришел с праздничным визитом. Как вообще. Как приходил в прошлом году, в позапрошлом.
Луша. В позапрошлом? Извольте, я спрошу у барина.
Гость. Да, да, конечно, доложи. Я тут подожду (*усаживается, пригорюнившись, в уголку передней. Луша бежит в гостиную, сталкивается с вошедшими из других дверей хозяином и хозяйкой.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хозяин и Хозяйка. Он в халате. Она повязана фартуком. Вид у них затрапезный.

Хозяйка. Кто там, Луша?
Луша. Кунин господин — пришли.
Хозяин (*изумленно*). Ку-унин? Зачем?

Луша. Не знаю. Говорят, к вам пришли; как в позапрошлом годе...

Хозяин. В позапрошлом? (*В недоумении.*) А что было в позапрошлом году?

Луша. Не могу знать. Мало ли что было.

Хозяин (*к жене*). Бузя, ты не помнишь, зачем приходил к нам Кунин в позапрошлом году?

Хозяйка (*призадумавшись*). Был он несколько раз. А зачем заходил — не помню.

Хозяин. Странно... Праздник нынче, первый день Рождества, а он приходит. Луша! Может, ему что-нибудь нужно?

Луша. А мне откуда знать.

Хозяйка. Может, ему что-нибудь экстренно понадобилось. Такое, что нельзя было отложить до после праздников, — вот он и пришел...

Хозяин. Гм!.. Все может быть. Не на войну ли он едет? Луша! Он, Кунин этот, не в военном костюме?

Луша. Нет-с, помилуйте. Во фраке, при белых перчатках, с цилиндром.

Хозяин. Черт знает что. Я, прямо-таки, теряю голову. Не предложение ли он приехал делать?..

Хозяйка. Ты скажешь тоже... Кому?!

Хозяин. А? Кому-нибудь из нас.

Хозяйка. Умно. Если мне — так я замужем, тебе — так ты мужчина... Лиле? Так Лиля умерла когда еще... Зинке? — Зинке, положим, тринадцатый год, но все-таки...

Хозяин. Луша! Пойди просто спроси его: по какому делу он приехал? Что ему нужно?

Луша (*выходит в переднюю*). Что вам нужно?

Гость. Как... что мне... нужно? Я с визитом пришел! Понимаешь? Теперь Рождество, — вот я и пришел, Луша!

Луша. Вот вы и пришли? Ну мне что, я — скажу. (*Возвращается в гостиную.*) Говорит, с визитом.

Хозяин (*пораженный*). Господи! Нашел время визиты делать!.. Ну, что же делать, — зови его.

Луша (*возвращаясь*). Пожалуйте. Просят.

Гость входит в гостиную...

Хозяин (*удивленно*). Сергей Николаич? И во фраке? Чему это приписать столь торжественный вид?

Гость. Помилуйте, ведь Рождество. Первый день Рождества.

Хозяин. Ну?

Гость. Рождество, говорю.

Хозяин. Так-с.

Гость. Как же не надеть фрака!

Хозяин. А зачем?

Гость. Да с визитами-то — не в пиджаке же ездить?

Хозяин. Ах, да! Вы с визитом? Так, так. Бывает. (*Задумывается; подходит к окну, глядит в него. Гость стоит против хозяина и всем своим видом показывает, что он чего-то ждет. Молчание.*)

Хозяин (*с усилием*). Ну-с... вот, так, значит.

Гость. Да-с. Праздничек, что называется.

Хозяин. А вы, значит, с визитом?

Гость (*со вздохом*). С визитом. (*Стоят. Молчат. Гость с неискусно сделанной рассеянностью хлопает себя по коленке шапокляком и вздыхает.*)

Хозяин. Да-а! Дела!

Гость. Гм!.. Как поживаете?

Хозяин. Да так все. Ни шатко, ни валко. А вы?

Гость (*в сторону*). Совру-ка я ему что-нибудь... (*Вслух.*) Да что я! Был сейчас с визитом у Будаговых... Ну, конечно, дело праздничное, — по рюмочке того сего, закусили.

Хозяин (*оживившись*). Ах, вы значит, уже закусили?

Гость (*испуганно*). Очень, очень мало. Самую малость. Почти ничего не ел. Так, только рюмку коньяку выпил, рюмочку водки.

Хозяин (*угрюмо*). Да, позвольте, где они, Будаговы эти, могли достать коньяку, водки? Не может этого быть.

Гость. Не знаю, но нынче все достают. У Краткополовых я был, — там все есть, у Широполовых... тоже... есть... Все так меня просили, угощали... А я все не хотел... «Нет, говорю, не хочу, — увольте. Берегу себя!» «Ах что вы, Сергей Николаевич, для чего вы себя так бережете?» — «А вот, говорю, берегу себя для уважаемого, достойнейшего Николая Памфилыча». Это — вы, стало быть.

Хозяин (*оглядывая потолок*). Н-да-с. Так-с. Вот оно что. Спасибо на добром слове. А только, согласитесь сами,

какой же нынче праздник, когда напитков — ни синь пороха нет? Одна грусть.

Гость. Да. Печально до чрезвычайности. А я, знаете, — мне предлагают и то, и сё, а я говорю — нет-с! Не хочу обижать милейшего Николая Памфилыча...

Хозяин. Ну, чего там... Я на это не обижаюсь.

Гость. Все-таки, знаете... «Скушайте, говорят, и того-то, и этого-то», а я себе думаю: «да мне приятнее у Николая Памфилыча скушать какой-нибудь кусочек ветчинки, чем все эти ваши разносолы»...

Хозяин (*угрюмо*). Пойдем. Так и подумали?

Гость. Так и подумал.

Хозяин (*сурово*). Я, конечно, никакого стола у себя не устраивал, но кусочек чего-нибудь найдется (*подводит гостя к маленькому столику, стоящему в углу.. Снимает салфетку: на столике хвост и голова селедки и обгрызок поросенка. Тычет пальцем на поросенка.*) Вот — ешьте!

Гость. (*взяв на вилку селедочную голову, ищет взглядом чего-нибудь спиртного... Вздыхает*). Селедка?

Хозяин. Селедка. Что ж вы?.. Есть-то хотели...

Гость. Я... сейчас (*оглядывает комнату, подходит к цветку на окне, нюхает его и говорит многозначительно поглядывая на хозяина).* Хороший цветочек. Одеколоном как будто пахнет.

Хозяин (*сухо*). Чего ему одеколоном пахнуть? Обыкновенный фикус.

Гость (*топчется на месте*). Да? Замечательно. Дожди все нынче были. Что это, как будто поросенок цветочным одеколоном пахнет. Одеколон, вероятно, тут на столе стоял, поблизости?

Хозяин. Нет, не стоял.

Гость (*обнюхивая плечо хозяина*). А от вас чем-то тоже хорошо пахнет. Это уж, конечно, одеколон.

Хозяин (*сухо*). Да.

Гость. Хороший. Персидская сирень?

Хозяин. Черт его знает. Неважно.

Гость. Ага... А у меня, знаете, с утра голова болит, так что ужас.

Хозяин. Дома бы вам посидеть нужно, не выходить. Еще простудитесь.

Гость. Да нет: я думаю, если виски одеколоном потереть, так пройдет.

Хозяин (*злобно поглядывая на гостя*). Дать?

Гость. Чего?

Хозяин. Одеколону-то. Виски натереть.

Гость. Дайте, дайте мне, пожалуйста! Я немножко...

* * *

Хозяин (*приносит пульверизатор с какой-то мутноватой жидкостью в бутылочке, и говорит угрюмо*). Дайте, побрызгаю голову.

Гость (*держа на вилке селедочную голову, открывает рот*). Брызгайте.

Хозяин. Так чего же вы рот-то открываете? Еще в рот попадет!..

Гость. Нич... чего. У меня и это... И зуб тоже болит. Брызгайте, брызгайте!..

Хозяин (*побрызгав*). Ну, что, легче?

Гость (*закусывает селедкой. Облизав губы, и повертев вилкой, со вздохом говорит*). Ну, вот и закушено. Пойду уж.

Хозяин. Куда ж вы так рано? Ну, до свиданья! Луша, проводи барина, всего хорошего, заходите когда-нибудь осенью...

Гость. Ну... до свиданья.

Хозяин. Что?

Гость. До свиданья, говорю.

Хозяин. Хорошо. Луша, проводи!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Луша провожает гостя в переднюю. Хозяин уходит в правую дверь. Слышны голоса хозяина и хозяйки за сценой:

Хозяйка. Ушел.

Хозяин. Убрался.

Хозяйка. Как это люди, ей-Богу, не понимают. Ничуть! Ни стыда, ни совести.

Хозяин. Фрак еще нацепил. Чего, что — спрашивается. А в руках кляк и перчатки — будто чучело огородное.

В это время гость, надев пальто, тянется привычным жестом к подбородку горничной, но под ее изумленным взглядом опускает руку. Вынимает полтинник, задумчиво вертит его в руках, почесывается и снова прячет полтинник. Горничная возмущенно поворачивается и уходит.

Гость остается один. Стоит, задумавшись, потом вынимает платок, утирает слезы. Поворачивается спиной к публике, уткнувшись лицом в угол плачет.)

Музыка тихо начинает играть тот же печальный меланхолический вальс. Занавес тихо опускается.

Вальс постепенно переходит в печальный щемящий душу марш...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

АПОФЕОЗ

При поднятии занавеса — видна улица. Медленно движется под звуки марша процессия. Два человека несут на носилках огромную бутылку. Сзади ведут под руки плачущего гостя. Еще сзади хозяин, хозяйка, горничная и двое красноносых пьяниц.

Гость (*плачет. Кричит истерически*). Пустите меня к ней! На кого она нас покидает?! (*Рыдает.*)

Первый пьяница. Воды, воды, скорее!.. Стакан воды.

Второй пьяница. Лучше стакан водки!

Первый пьяница. Тсс! Не надо говорить о покойнице. Это ее расстраивает.

Гость (*рвется вперед*). Пустите меня к ней!!! (*Его удерживают. Процессия скрывается под звуки марша.*)

Занавес

СИЛА КРАСНОРЕЧИЯ

Диалог в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Татарин, продавец апельсинов.
Пьяный прохожий.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса на сцене сидит татарин, перед ним корзина с апельсинами. Он что-то мурлычит под нос. Издали показывается фигура, спотыкающегося полного человека в соломенной шляпе. Приблизившись к татарину останавливается и долго смотрит в корзину мутным задумчивым взглядом.

Пьяный. Ап'сины пр'даешь?

Татарин. Канэшна... Можит, нужна?

Пьяный. Т'тарин?

Татарин. Разумайся, — которы человек, так он всякий что-нибудь имеет. Диствит'лна, бывает татарин, бывает грек, да?

Пьяный. Так, так, так, так... А скажи п'жалуйста, вот что: вы, татарин, водку пьете?

Татарин. Никак нит, мы ему не пьем, — потому нилзя.

Пьяный (*гордо*). Почему же это нильзя, скажите на милость?.. вредна она, эта водка для вас, или что?..

Татарин. Канэшна, почему что у наши законы говор'т, что водкам пить нильзя! Большой грех ему, да!..

Пьяный (*покровительственно*). Вздор, вздор! Что еще там за грех? Это вы, навирное, корана не поняли, как следует... Д'вай сюда коран! Я тебе покажу места, где можно пить......

Татарин (*обиженно пожимает плечами и долго думает, что бы возразить*). Которы человек пьяны, тот ходит — шатайся, — какой такой порядок?

Пьяный. Вот ты, значит, ничего и не по'нмаешь... «Шатается, шатается»... Разве он сам шатается? Это водка его шатаст. Он тут ни при чем.

Татарин. Сё равно. Идот, паёт — кричит, как осел, собакам, кошкам пугает, — разве можно?

Пьяный. А ежели весело, так почему же не пить?

Татарин. Которы пьет хорошо — так, канэшна, д'ствительна, — ничего; а которы пьяный, так прохожий даже обижается, да?

Пьяный. Мил'человек!! Послуш'те, татарин! Так наплевать же на прохожего! Понимаете? Лишь бы мне было весело, а прохожему если не нравится — пусть тоже пьет!

Татарин (*думает, потом торжествующе*). Ему, которы што — пьяный, лежат посреди улиса, спит, как мертвый, — а ему обокрасть можно, да?

Пьяный (*горячо*). Это неправда! Слыш'те, татарин!?! Ложь? Слыш'те? Если человек уже свалился, — его уже не могут обокрасть!

Татарин. Что такой — не могут? Он гово'рит не могут. Пачиму? Которы падлец вор, так он возмет да обокрал, да?

Пьяный. Как же его обокрадут, татарский ты чудак, ежели, когда он сваливается, так уже значит, все пропито!

Татарин. Сё равно. Вазмет, сапоги снимет, да?

Пьяный. Пажалста, пажалста! В такую-то жару? Еще прохладнее будет!

Татарин (*смотрит вверх, как бы отыскивая ответ на небе*). Началство, которы где человик служит да скажет ему: «почему пьяный морда, пришель? Пашол вон!»

Пьяный. А ты, пей с умом! Не попадайся!

Татарин (*с тупым упорством*). Нилзя пить!

Пьяный. Да почему? Господи, Боже ты мой! Ну почему?!!

Татарин. Ему... канэшна... диствит'ина... уразумийся... водка — очень горький.

Пьяный. Ничего это не разумеется! А ты сладкую пей, ежели горькая не лезет!

Татарин. Скажи, пажал'ста, гаспадин... Почему мини пить, если не хочется, да?

Пьяный (*изумленно*). Как так не хочется? Как так может не хотиться?.. А ты знаешь, как русский человек через «не хочу» пьет?.. Сначала, действительно, трудно, а потом разопьешься — и ничего!

Татарин. Ты мини, чурбаджи, скажи па совисти!.. Как луче здоровее чиловик — каторы пьет, или каторы — не пьет? — да?

Пьяный. В этом ты прав, мой замечательный татарин! Но только... что же делать? Тут уж ничего не поделаешь... Живешь-то ведь один раз!

Татарин. Адин! А если печёнкам болит, голова болит, ноги болит, — разве это хороший дело?..

Пьяный (*призадумавшись*). А ты — статистику читал?..

Татарин. Нит... Ми не читали...

Пьяный. Так вот, ежели бы ты читал, — ты бы знал, что и... по статистике на каждую душу человека народонаселения приходится в год выпить полтора ведра. Понял?.. Значит обязан ты выпить свою долю, или нет?.. Понял?..

Татарин. Можит, гаспадин, ти мою долю уже выпил!?!

Пьяный. Татарин! Это тебя не касается!

Татарин. Канэшна... дюйствит'лна... уразумийся...

Пьяный. То-то вот и оно! Ты у меня смотри, брат! (*Отходит, задумчиво смотрит на публику.*) А х'роший татарин попался! Правильный... рассудительный... верно! И, действительно, водка — это дрянь!.. Правильно он говорит. — И здоровье расстраивает, и деньги, и начальство тоже!.. Правильно!.. Ей-Богу! Чего там?.. Он...— молодец! Молодец, татарин!.. Я знаю, что я сделаю: я брошу пить!.. А?.. Прошу молчать!.. Не возражать!.. Кто возражает?.. Брошу, — и баста!.. (*вынимает из кармана полбутылки водки, сует в корзину татарина.*) На, татарская морда, уговорил! (*Уходит.*)

Т а т а р и н. (*Один. Долго смотрит на бутылку*). Дисвит'лна! Хорошо гаво'рт человик. Правильна. Раз я выпимши и мина хорошо — кому какой дело — да?.. Надо, разумийся, имить на свой получи удовольствие... Эх, адын раз попробовать, пачиму не попробывать, — да? (*Пьет, смотрит на публику виноватым взглядом.*) Угаварил, дыствит'лна!... (*Напевая, уходит.)*

З а н а в е с

МОСКВИЧКА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Диалог в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Москвичка.
Комендант константинопольского порта, француз.

Конферансье. Господа! От Москвы до Константинополя — дистанция огромного размера. Теперь все у них разное: психология, вкусы и привычки. И вот что получается, если столкнутся вместе эти совершенно различные два мира: теперешняя Москва и теперешний Константинополь. В этом произведении и москвичка говорит по-русски и француз говорит по-русски, но... француза вы понимаете больше, чем бабенку из сердца России.

Комендант (*на сцене один. Влетает москвичка*). Bonjour, Madam.

Москвичка. Вы паруслов?

Комендант. Pardon?..

Москвичка. Я спра: вы паруслов?

Комендант. Pardon, madame, я вас не понимай!

Москвичка. Ах, какой бестолковый! Я спрашиваю: и вы паруслов. Вы по-русски говорите? У нас в Москве все так говорят! Это совдепский язык!..

Комендант (*радостно*). О, да! Я немножко скажить по-русски!.. И я пунимай русски.

Москвичка. Ну, вот и прекра! Будь осмабаг на предмерек?..
Комендант (*растерянно*). Я вас не понимай!
Москвичка. Ну, чего тут не понять!?. «Буд осмабаг на предмерек», будете осматривать багаж на предмет реквизиции?!.
Комендант. О, что вы скажить, мадам! Разве можно!?. У нас багаж завершенно свободно!
Москвичка. Какое странное правило! Вы коменгор?
Комендант. Pardon?
Москвичка. Я спрашиваю: вы коменгор?
Комендант (*с отчаянием*). Я вас завершено не пунимай!
Москвичка. Вы комендант города?
Комендант. Oh, non! Я комендант тольки на эти Константинопольский порт!
Москвичка. Ну, это все равно. Комиссар значит! (Дает ему пачку бумаг.) Вот вам, позвольте.
Комендант. Что эти таки?..
Москвичка. Вот тут свидетельство об отбывании мужем воинской повинности, свидетельство об оспопрививании, квитанция об уплате промыслового налога, налог на мужа, налог на кухарку, налог на горничную, на уборщицу, налог на собачку Мими... все документы!.. Видите ли, я хочу выхлопотать разрешение на право хождения по городу позже 11-ти часов ночи...
Комендант (*удивленно*). Но, madame! Вы можеть ходить на наш город по улицам скольки хочет, до самый утра! У нас польный свобода на этот счет!..
Москвичка. Ну, у нас-то, в Москве, положим, свободнее!.. Там на каждую улицу выдается особое разрешение... на право ходьбы!.. Да... кстати... у меня есть еще одно заявление! Слушайте!.. У меня с собой есть пишущая машинка.
Комендант. Пи-шу-щий машинка? Это хорошо... Ну?
Москвичка. Ну, вот я и заявляю!..
Комендант. Что вы заявляй?!
Москвичка. Что у меня есть машинка!
Комендант. Pardon. Мне не надо ваши машинка.
Москвичка. Я знаю, что вам не надо!.. Но она у меня есть...
Комендант (*тупо*). Ну?

Москвичка (*кричит*). Машинка у меня есть!!! Пишущая!!!

Комендант (*вскакивает, как ужаленный*). Мадам!!! Вы меня завершенно с ума сводить! Зачем мни знать, какой у вас там машинка!?.

Москвичка. Да разве у вас нет регистрации пишущих машин. Какой смешной город!!! И рояли на учет не берут?!. Прямо комично! Ах, да! У меня к вам еще одно дело (*кокетливо*) слушайте... у вас таки красивые глаза...

Комендант (*смущенно*). О, что вы скажить, madame! Вы совершенно сконфузиль бедный молодой шелавик!

Москвичка (*вкрадчиво*). И губы красивые... и весь вы такой изящный... (*берет его за руку*), такой симпатичный человек не может быть недобрым!.. Слушайте... (*медовым голосом*), устройте мне разрешение на три бутылки вина!..

Комендант (*буквально потрясен*). Но, madame! На наш город вы может покупат вино сколько угодно. Завершенно звободно. Семи день и семи ночь покупай. Завсем свободно!

Москвичка. Свободно?.. (*отбрасывает его руку*) чего же вы лезете со своими любезностями!.. (*пауза, она вспомнила что-то*). Послушайте... еще одно... где ваша родина?

Комендант (*сентиментально*). О, эти — прекрасни замишательни город Марсель! Я и теперь ошень часто будит туда ездить...

Москвичка. Тем лучше! А у вас там есть родственники?..

Комендант. На Марсель? Скольки угодно! Что ли три штук.

Москвичка. А кто-нибудь из них ездит в Париж?

Комендант. Oui! Мой кузен Шарль Дюбоск кажни мюсяс!

Москвичка. Вот и прекра. Тогда я вам дам письмо, а вы, когда поедете — захватите с собой, передадите этому Шарлю, а он, когда поедет в Париж, захватит его и передаст на улицу Риволи, Марии Александровне...

Комендант (*совершенно оглушенный, машет руками*). Pardon, madame... a poste?

Москвичка. Какой пост?

Комендант. Ну, эти... poste...

Москвичка (*растерянно*). А разве в пост нельзя письма посылать?!.

Комендант. Non, madame, non! Я скажить... почему вы не посилайт письма по почти?

Москвичка. Я вас не понимаю... Как это посылать письмо по почте?..

Комендант. Pardon, madame! Вы не знай, что такой... почт? Вы видили такой красный ящишек на стена, на кажни улица? Сверху есть маленький, вы опускай, ваша шелошка письмо, и она идет, куда нужно.

Москвичка. Да что же там каналы под землей прорыты? Что ли?

Комендант (*обиженно*). Canaille!? Что вы сказать, madame? Какой canaille? Я вас не понимайт!?

Москвичка. Я говорю, каналы, что ли от этого красненького до того места, куда письмо? Воображаю, каких это денег стоило!!!

Комендант (*кричит раздраженно*). Madame! Вы мене с ума совсем сведеть!!! Какой каналь! Дело очень просто. К маленький красненький ящишек подходит почтови человек, забирай письма в мешок и на почта. Там их делай разборки и отправляй на поезд. Поезд возиль, куда нужно, там опяйт вынимал, разбирай, письмо несут на адресат — et voilà tout!

Москвичка. Боже ты мой! Как гениально просто! Как жаль, что у нас еще до этого не додумались!.. У нас, знаете, все больше с родственниками знакомых отправляют... (*нежно*) Ах!.. послушайте! Вы такой красивый, милый... (*недоуменно.*) Найдите мне комнату!..

Комендант. О, madame! Какой большой жаль! Только три дня как назад — отдаль один очень хороший комната на один знакомый одессит!..

Занавес

ОДЕССКИЙ ЯЗЫК

Сцена в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хозяин лавки.
Покупатель.

Хозяин стоит у прилавка, перебирает товары. Входит Покупатель.

Хозяин (*не видя его*). Чтой-то сегодня ни одна собака не заходит?..

Покупатель. Уже одна зашла.

Хозяин. А! Цедербаум! Бонжюр.

Покупатель. Бонжюр вам тоже. Коммон са ва?

Хозяин (*безнадежно*). М... и... я!..

Покупатель. Что слышно?

Хозяин. Что слышно? Ужас слышно! Вы знали Варшавчика?

Покупатель. Или нет? Какой дурак в Одессе не знает Варшавчика?

Хозяин. И подумать только: одесское общество такое порядочное — и вдруг этот скандал.

Покупатель. Нашли тоже в Одессе порядочное общество! Жулик на жулике. Вы лишь десяти человек не найдете порядочных.

Хозяин. В Одессе? Не найду 10 человек? Хотите сейчас 50 человек назову очень порядочных.

Покупатель. Ну-ну. Назовите.

Хозяин. Сейчас... Этот... как его... Раппопорт. Положим, он сейчас в тюрьме сидит, это не считается... Хорошо... я вам сейчас, хоть сто... Ну, этот, скажем... Мандель! Хотя он восемь лет уже, как умер... Пожалуйте! Еще хоть пятьсот. Сеня Шапошник. Нет, он из Житомира... Ну, этот Корольник... Замечательная личность!

Покупатель. Корольника вчера в клубе за накладку били.

Хозяин. Уже! Ну тогда к черту этого жулика... Ничего, я вам еще назову... Этот... как его? Ну, вот еще рыжий такой...

Покупатель. Кто-о?

Хозяин. Забыл фамилию... Потом этот...

Покупатель (*иронически*). Ну?

Хозяин. Слушайте, Цедербаум... вам обязательно одесситов назвать, или можно тоже из Кишинева...

Покупатель. Ну, вот видите. Бросьте. Слушайте, знаете новость? Соничка Кац купила замечательную собаку.

Хозяин. Чем же она замечательная?

Покупатель. Дрессированная!

Хозяин. Как же она дрессированная?

Покупатель. Понимаете, Соничка говорит ей: ша пойдет сюда или не пойдет сюда — так она действительно подходит или не подходит. (*Пауза.*) Слушайте, сделайте мне одно одолжение... Мне нужно написать адрес на письме — так чтоб не моя рука была. Напишите мне адрес. (*Вынимает из кармана бумаги.*) Где-то я его здесь приготовил!

Хозяин. Что это у вас за открытка?

Покупатель. Эта? Лина Кавальери. Видели вы такую красавицу?..

Хозяин. Покажите... (*рассматривает, потом с отвращением плюет в сторону*).

Покупатель. Вы с ума сошли? Что вы плюетесь? Это же самая красивая женщина в мире, а вы плюетесь!.. Неужели не нравится?!

Хозяин. Нет, очень нравится, но когда я посмотрел — свою жену вспомнил.

Покупатель. А! Кстати, можете меня поздравить: у моей жены ребенок родился.

Хозяин. А-а. Поздравляю, поздравляю. Слушайте! А кто отец?
Покупатель (*сердито*). Что вы такое спрашиваете?! Ей-Богу, вы совсем идиот!
Хозяин (*мягко*). Чего уж вы ругаетесь?.. Я думал — вы знаете. (*Пауза.*)
Покупатель (*напевает «Танец Анитры»*).
Хозяин. Что это вы поете? Грига?
Покупатель. Откуда я знаю. Я же приезжий.
Хозяин. Вы — приезжий?! Если вы приезжий — так я совсем еще не приехал!
Покупатель. Почему?
Хозяин. Если вы восемь лет как в Одессе и — приезжий, так я, который всего три года, я буду считать, что еще совсем не приехал. Где же ваше письмо для адреса?
Покупатель. О! Вот. Пишите: Розе Самойловне Мельник, город Житомир...
Хозяин. Слушайте... я лучше напишу... в Балту.
Покупатель. Что значит в Балту, когда она живет в Житомире?!
Хозяин. Нет... Ей-Богу, я лучше напишу в Балту.
Покупатель. Почему?
Хозяин. У меня буква «Б» замечательно красиво выходит.
Покупатель. А, ну вас! Я лучше пойду до Володи — так он мине напишет (*выхватывает письмо.*)
Хозяин. Ну, как хотите. Папироска есть?
Покупатель. Вы моих курить не будете.
Хозяин. Что, крепкие?
Покупатель. Нет, но вы их курить не будете.
Хозяин. Значит, такие слабые?
Покупатель. Нет, средние. Но вы их курить не будете.
Хозяин. Почему же?!
Покупатель. Я вам не дам.
Хозяин. Ой, вы замечательный шутник! Прямо, как говорится, Аверченко в юбке!
Покупатель. Слушайте, а вы знаете Аверченко?
Хозяин. Ну! Или я не знаю! Как самого себя!
Покупатель. Правда, он не похож на еврея?
Хозяин. А разве он еврей?
Покупатель. Нет, русский.

Хозяин. Что ж вы говорите — не похож не еврея?
Покупатель. Так я же и говорю: не похож. Если бы я сказал, что похож!
Хозяин. Ну?
Покупатель. Ну? (*Смотрят друг на друга.*)
Хозяин. М... да...! (*Смеются.*) Слушайте, я знаю зачем вы пришли! Вам нужно тросточку.
Покупатель. Наоборот: мне нужно ножницу.
Хозяин. Ну, я же вижу сразу: как вы зашли — я сразу догадался: этому Цедербауму нужно ножницу.
Покупатель. Вы прямо Шерлок Холмс. Имеете ножницу?
Хозяин. Мы имеем ножницу, но для постригания ногтей.
Покупатель. Покажите мне одну ножницу.
Хозяин. А вам какую: ручную или ножную?
Покупатель. Обоего пола. Покажите двух вместе.
Хозяин. Так вот вы слушайте, какой ужас. Вчера... заходит Варшавчик домой и видит, что у мадам Варшавчик сидит представитель золотой молодежи конторщик Моня Кугель. Так Варшавчик выхватывает револьвер — бац в Моню — наповал! Бац в жену — наповал, бац в себя — наповал. Прямо такую распродажу устроил всех трех — наповал. Вы можете представить что-нибудь ужаснее?
Покупатель. Ну! Могло быть хуже...
Хозяин. Что значит — хуже. Что же еще хуже может быть? Моню, жену и себя — наповал.
Покупатель. Це! Могло быть хуже!
Хозяин. Ой, вы с ума сошли! Что же может быть еще хуже?
Покупатель. Было бы хуже, если бы это случилось позавчера.
Хозяин. По-че-му?
Покупатель. Тогда у мадам Варшавчик я был!..
Хозяин. Какую вам ножницу? Со сталем внутри, с никелем изверху?
Покупатель. И тоего, и другоего.
Хозяин (*показывает*). Вот замечательная ножница.
Покупатель. Сколько стоит эта ножница?
Хозяин. Две рубли.
Покупатель. Ну, довольно полторох.

Хозяин. А рубль семьдесят вы больной заплатить?

Покупатель. Я не больной заплатить рубль шестьдесят.

Хозяин. А! Что мне с вами драться, что ли? Хорошо. Сейчас я вам завертаю эту ножницу. Кассир! Получайте деньги. Что вы мухов ловите ротом? Ну давайте, я сам от вас получу (*берет деньги*).

Покупатель. Прощайте. Завтра еду в Москву.

Хозяин. Вы разве сами москвич?

Покупатель. Нет, я не москвич, но часть живу в Москву. (*Уходит.*)

Хозяин (*к публике*). Замечательно интеллигентная личность! (*Рассматривает полученные 3 рубля.*) Замечательно... интеллиг... Ой, жулик! Фальшивые деньги дал! (*Убегает вслед.*)

Занавес

ВИЗИТ ПО САМОУЧИТЕЛЮ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хозяйка. } У них все время
Гость. } в руках самоучитель

Гость (*входя*). Мадам, я честь имею раскланяться вам.

Хозяйка. Здравствуйте, господин. Садитесь пожалуйста. Будьте любезны сесть. Возьмите этот один стул. Садитесь на него. Вы уже сели на него.

Гость. Да, я уже сел на него.

Хозяйка. Сидите на этом стуле. (*Пауза. Она ищет что-то в самоучителе.*) А! Вот. Как вы поживаете?

Гость. Я вам благодарен, сударыня, я хорошо поживаю, а ваше здоровье хорошо?

Хозяйка. Я немножко попростудилась, но теперь мое здоровье хорошо.

Гость. Это хорошо, когда здоровье хорошее.

Хозяйка. О, да, господин. А когда здоровье плохое — так плохо.

Гость. Я очень рад, что вы поправили свое здоровье.

Хозяка. Это очень любезно с вашей стороны.

Гость. Я уже несколько раз бывал у вас, но никогда не имел счастья вас встретить.

Хозяйка. Да, я встречаемая редко, господин. Я не была домой, чтобы вас принимать.

Гость (*роется в книге*). Чтоб я имел мой насморк.

Хозяйка. Чтоб ты имел свой гребень. Чтоб он имел свою рубашку.

Гость. Чтоб ты имела свою рубашку.

Хозяйка. Чтоб ты не имел крыс. Чтоб он не имел тетрадку.

Гость. Не купил ли бы он, не выбрал ли бы он, не продал ли бы он эту оранжерею.

Хозяйка. Пусть он покупает, пусть он выбирает, пусть он продавает все, что хочет.

Гость. Он желает, чтоб я купил, выбрал, продал его белье.

Хозяйка. История, когда она хорошо преподаваема — есть нравственная школа.

Гость. Я был уведомлен об этой новости.

Хозяйка. Я была любима моими наставниками, потому что была очень хорошо характерная.

Гость. Как поживает ваш отец?

Хозяйка. Он нездоров действительно. Он не выходит из комнаты.

Гость. Я очень сожалею. Имею надежду, что это ничего?

Хозяйка. Но, господин, смотря на его лежа, нужно беречься!

Гость. У вашего брата здоровье хорошее?

Хозяйка. Его здоровье, как железо.

Гость. Знаем цену здоровью, когда его потеряли. Ваша сестра как поживает?

Хозяйка. У нее никогда два дня здоровья рядом, но она очень осторожная.

Гость. Люди, которые берегут здоровье осторожно, потеряют его скорехонько.

Хозяйка. Я думаю, вы правы, но трудно беречь во всем самую середину.

Гость. Вот почему здоровье от всех сокровищей самый драгоценный, но и плохо хранит.

Хозяйка. Вы много об этом говорите? У меня здоровье хорошее, но между тем я часто прихворнувшая.

Гость. Я бы не сказал, вы всегда имеете бодрую видимость.

Хозяйка. Это комплимент для меня. Это комплимент для тебя, для нас, для вас.

Гость. Позвольте мне уже удалить себя.

Хозяйка. Вы уже удаляете себя?

Гость. Да, уже мое удаление будет иметь место отсюда. Будьте уверены, что я сожалею, что не могу вести дольше приятную беседу.

Хозяйка. Я тоже сожалею, что ваше одолжение так короткое.

Гость. Если позволите, я вознаграждусь в другой раз.

Хозяйка. Вы доставите большое удовольствие моему отцу. Он так любит вашу беседу.

Гость. Я его собеседую потом. Будьте любезны припоминать ему меня.

Хозяйка. Я ему припомню, он мне припомнит, мы вам припомним.

Гость. Где моя шляпа?

Хозяйка. Вы имеете шляпу?

Гость. Я имею шляпу, вы имеете дом, они, они имеют инфлуэнцу.

Хозяйка. Прощайте, господин. Не передадите ли что моему брату?

Гость. Пусть он будет любим своими родителями, пусть мы, вы, они, он полюбятся своими родителями.

Хозяйка. Вы есть замечательно благородный человек через ваш добрый характер.

Гость. Если бы тщеславие не управляло миром, истина была бы больше многоуважаема.

Хозяйка. Спасибо вам за это мудрое замечание. Кланяйтесь родственникам.

Гость. Я кланяюсь родственникам, вы кланяетесь знакомым, они откланяются незнакомым. (*Закрывает книжку, уходя.*) Кажется, мир не видел такой дурищи, как эта хозяйка.

Хозяйка (*смотрит в книжку*). Приятно вести разговоры с образованными умными людьми и неприятно вести разговоры с необразованными, неумными людьми. Сей господин молодой дает счастье своим родственникам, а также и знакомым. (*Захлопывает книжку.*) О, Господи! Наконец-то эта липкая гадина уползла.

Занавес

НАХАЛ

Сцена в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вера Николаевна. } Школьные
Нюра. } подруги

Нахал.

Действие происходит в будуаре Веры Николаевны. При поднятии занавеса Вера Николаевна *читает книгу.*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дверь тихо открывается, показывается Нахал. *Он на цыпочках подкрадывается сзади к читающей* Вере Николаевне *и закрывает ей глаза ладонями.*

Вера Николаевна (*испуганно*). Боже!! Кто это?! А-а. Ты, Нюра? Ну, не дурачься — пусти. Мне так хочется расцеловать тебя... (*Нахал наклоняется и целует ее.*) Радость моя! Еще!! (*Он целует ее еще.*) Так ты не забыла свою старую школьную подругу. Ну, поцелуй еще!

Нахал. Вот вам последний поцелуй — и довольно. Здравствуйте Вера Николаевна (*отнимает руки от ее глаз, отходит в сторону, вежливо раскланивается*).

Вера Николаевна (*вскакивая, возмущенно*). Вы?! Да как вы смели?! Как вы осмелились меня поцеловать?!!

Нахал. Вот тебе раз! То сами говорили «целуй, целуй, еще, еще» — а теперь кричите на меня...

Вера Николаевна. Вы нахал! Я это не вам говорила!! Я думала — это моя институтская подруга Нюра! Я ее двенадцать лет не видела и ждала к себе сегодня. Разве я могла подумать, что вы осмелитесь...

Нахал. Гм! Тяжелое недоразумение. А ведь я думал, что вы меня узнали.

Вера Николаевна. Как? И вы осмеливаетесь предположить, что я, узнав вас, разрешила целовать меня?! Вы слышали, как я сказала «это ты, Нюра»?

Нахал. Слышал. Я думал, это ко мне относится.

Вера Николаевна. Да какая же вы Нюра?!

Нахал. Производное уменьшительное от Владимира, Вольдемар, Марочка, Мара, Мура, Нюра... Да чего вы волнуетесь? Ведь никто не видел, как я вас целовал?

Вера Николаевна. Убирайтесь! Я на вас сердита.

Нахал. Сейчас уйду. (*Прохаживается по комнате.*) Хорошенькая?

Вера Николаевна. Кто?

Нахал. Да эта ваша Нюра. Наверное, толстая попадья какая-нибудь?

Вера Николаевна. Почему попадья? Что вы за глупости говорите. — Нюра — чудная. Она сейчас должна быть. А вы — убирайтесь! Слышите?

Нахал. Уйду, уйду. (*Садится.*)

Вера Николаевна. Пожалуйста, не рассаживайтесь! Горничная сейчас вам пальто подаст. Позвоните!

Нахал (*берет со стола звонок, зажимает его в руке, звонит глухо чуть-чуть слышно. Хладнокровно*). Сейчас придет. (*Пауза.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Влетает Нюра. На ходу сбрасывает на пол манто, шляпу, бурно бросается хозяйке в объятия. Несколько времени только и слышны поцелуи, восклицания: «Нюра! Радость моя!! Верочка, ангел ненаглядный! Двенадцать лет!»... Расходятся в стороны, потом опять бросаются

в объятия: «Нюра! Верочка! — Чудная моя девочка!!» Нахал во время этой довольно длительной сцены аккуратно поднимает манто, шляпу, кладет на стул. Подходит к гостье.

Нахал. Разрешите представиться!

Нюра. Верка, да какая же ты красавица! (*Снова бросается в объятия.*) Подумать только! Двенадцать лет!!

Нахал. А мы вас ждем, ждем! Разрешите познакомиться...

Вера Николаевна. Нюра! Я прямо задыхаюсь от радости (*Бросаются в объятия, поцелуи.*)

Нахал. Гм! История затяжная, я вижу. (*Отходит к дивану, садится, вынимает из кармана газету, делает вид, что читает.*)

Вера Николаевна. Ну, садись же, моя радость, рассказывай!! Ну, вы тут расселись, подвиньтесь.

Нахал. А мы вас ждали, ждали! Позвольте представ...

Нюра (*небрежно*). Кто это?

Нахал. Помилуйте, как же... Я...

Нюра (*небрежно, не глядя на него, сует руку.*) Очень приятно!

Нахал. Еще бы! Конечно, приятно!!

Нюра. Что-о-о?

Вера Николаевна. Да брось ты его; рассказывай лучше. (*Берет ее за руки, усаживает на диван с другой стороны, усаживается посредине. Смотрят любовно друг другу в глаза.*) Так вот ты какая! (*Вдруг обе разражаются смехом.*)

Нюра. Ты чего?

Вера Николаевна. Ах, я вспомнила наш пикник у родника. А ты чего засмеялась?

Нюра. Мне вспомнился Кузик! Ха-ха-ха! Помнишь, как он кричал: «Медам, ви должни вьзать на себе смелость...

Вера Николаевна. А где сейчас Лиля?

Нюра. Ну, как же! Она вышла замуж за Севосю Брыкина.

Вера Николаевна. Что ты говоришь? Вот не думала. А Жужуточка?

Нюра. На войне убили. Алик во Владивосток уехал.

Вера Николаевна. А помнишь француза в ящике? Ха- ха!

Нахал (*пытаясь вступить в разговор*). Какой это француз?

Вера Николаевна. Ах, этого вам нельзя знать. Неприлично. А, знаешь, Костя Лимончиков сделался таким интересным, что не узнать! На виолончели играет!

Нахал. Что вы говорите?! Неужели на виолончели играет? Кто бы мог подумать?!

Нюра. А вы его знаете?

Нахал. М. м... м. Нет.

Нюра. Ну, так и не суйтесь не в свое дело! А где сейчас Григорий Кузьмич?

Вера Николаевна. Ну, как же! Он ведь до сих пор живет там, на Почтовой, 82. Послушай, а где сейчас тот студент, который, помнишь, за тобой ухаживал?

Нюра. Адя Берс? Не знаю.

Нахал. Адя Берс?! Неужели, вы о нем ничего не знаете?!

Нюра. А вы с ним знакомы?

Нахал. Ну! Друзья! Мне его так жалко, что и рассказать невозможно.

Нюра. А что с ним?

Нахал. Ну, как же. Сварился. В мыле.

Нюра. В каком... мыле?

Нахал (*развязно*). Целая история. Жуткая. Вы этого... Костю Драпкина знаете?

Обе (*заинтересованно*). Нет, нет...

Нахал. Ну, еще бы, Костя, племянник Кулькова (*строго*) Кулькова не знаете?

Обе. Нет, нет! Ну?

Нахал. Ну, так вот у этого Кости Драпкина был мыльный завод. Как-то раз осматривали они с Адей чан, в котором варилось мыло, Адя нечаянно оступился, да и вниз! Буль! Я до сих пор не могу опомниться от этого кошмара. Как только умываюсь, так и поглядываю на мыло: вдруг найду Адину пуговицу или клок волос...

Вера Николаевна. Какой ужас! Воображаю горе его сестры Людмилочки...

Нахал. Ей все равно. Раздавлена.

Вера Николаевна. Кто?!

Нахал. Людмила. Сенокосилкой раздавлена. Обе руки и нога начисто. В имении графа Келлера. В пьяном виде.

Вера Николаевна. Что за вздор! Разве Людмила пила?

Нахал. Как лошадь. Алкоголизм. Наследственность. Вместе с Жужуточкой и пили.

Нюра. А вы и Жужуточку знаете?

Нахал. Как свои пять пальцев. Его повесили в Харбине. Организовал шайку хунхузов. Поймали в опиокурильне. Отбивался, как лев. Семь человек!

Вера Николаевна. Смотрите-ка. А он действительно всех знает. А Катю Басину знаете?

Нахал. Катю-то?!

Вера Николаевна. Да!

Нахал. Басину?

Вера Николаевна. Ну да!

Нахал. Тяжело мне о ней говорить, но плохо кончила: пошла в шантан и теперь с партнером-негром ту-степ танцеут.

Нюра. Совершенно невероятно! А что же ее муж?

Нахал. Ах, вы не знаете? Муж ее сгорел в кинематографе во время пожара.

Нюра. Что вы за ужасы рассказываете!

Нахал. Вот вам и ужасы. Вытащили, а он ни папа, ни мама. На Троицком кладбище похоронили.

Вера Николаевна (*задумчиво*). Да... Вот она — жизнь! А ты, Нюра, помнишь Катину Липовку. Что с ним?

Нахал (*храбро*). Я знаю! Я! Он женился на цыпочке из хора Шишкина, и она его от ревности отравила. Совсем на днях. Предстоит громкий процесс.

Вера Николаевна. Кого?!

Нюра. Кого, кого?

Нахал. Что — кого?

Вера Николаевна. Кого отравили?!

Нахал. Этого самого... Липовку, как вы его... гм! Назвали. Катиного Липовку отравили.

Вера Николаевна (*вскакивает, зловеще*). А вы... знаете, что такое Липовка?!

Нахал. Это... он. Такой... Липовка... По прозвищу... Брюнетик такой.

Вера Николаевна (*яростно*). Послушайте, вы! Нахал вы этакий! «Липовка» — это Катино имение. и оно не могло жениться на цыпочке из хора и его не могли отравить!! Я уже давно заметила, что вы совершенно

запросто безо всякой церемонии отправляете наших знакомых на тот свет...

Нюра. Верочка, прогони его, прогони вон...

Вера Николаевна. Уходите!!!

Нахал. Жаль! А я только что развеселился. А то вы все о Кузьмиче, да о Жужуточке — смертельно это скучно третьему лицу.

Вера Николаевна. Вот вы и проваливайте, третье лицо!

Нахал. Жаль. На Липовке сорвался. Ну, прощайте. Поклон от меня Адю Берсу. Адью! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же без Нахала.

Вера Николаевна. Видали вы такого наглеца, Нюра, а что твоя Кися?

Нюра. Кися уже в седьмом классе. Из нее хорошая хозяйка выйдет.

Вера Николаевна. Ха-ха-ха! А я плохая хозяйка. Даже ничего тебе не предложила. Посиди минутку. Я распоряжусь. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Нюра одна. Потом дверь приотворяется, выглядывает Нахал.

Нюра (*негодующе*). Вы еще здесь?

Нахал (*входя*). Тсс! Сейчас уйду. Кстати, что с вашей ногой?

Нюра. С какой ногой?

Нахал. Сделали уже операцию? Вера Николаевна говорила мне, что у вас одна нога короче другой и что вы давно собирались сделать операцию.

Нюра. Она? Это? Говорила?

Нахал. Ох, я кажется проговорился. Хотя тут, собственно, ничего такого нет. Она еще и пошутила: «И как это она, говорит, с короткой ногой за всеми учителями успевала». Опыт. Она говорит.

Нюра (*нервно прохаживается по комнате*). Ах, вот что?! Не ожидала я, она же... И это о своей подруге!!

Нахал. Нет, она вас любит. Нюся, говорит, всегда ходила голодная, как волк, и я ей все свои завтраки отдавала!.. Очень, говорит, голодная.

Нюра. Ах, вот что... (*Пауза.*) Дайте мое манто! Скажите ей... передайте ей... что у меня тут есть одно дело... я выполнила...

Нахал. Ну, конечно — раз дело — не смею удерживать. Дело, как говорится, важней всего... До приятного (*Нюра с оскорбленным видом уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входит с подносом в руках Вера Николаевна.

Вера Николаевна. Вы?! Как вы смогли вернуться?!! А где Нюра?

Нахал. Обиделась, что вы ее одну оставили и ушла. Я ее удерживал, говорю, — посидите — нет, говорит, если со мной обходятся, как с просительницей, оставляют меня одну... В то время, как когда-то за мной бегали, как собачонка, ища моей дружбы...

Вера Николаевна. Я?! Искала ее дружбы!? Много она о себе воображает! Ушла — и пожалуйста. Плакать не буду! Хотите чаю?

Нахал. Еще как хочу.

Вера Николаевна. Ну-с... так на чем же мы остановились, когда эта так называемая «подруга» помешала нам.

Нахал. На чем остановились? На этом, что ли? (*Обнимает ее.*)

Занавес

КРАТКАЯ ЛЕКЦИЯ О МУЗЫКЕ

Наслаждение гармоничными звуками доступно не только высоким изысканным, избранным натурам, но даже самым низшим организмам. Если Орфей укрощал своей игрой зверей, то что можно сказать о поклонниках Вагнера?

Ошибочно мнение, что музыка является привилегией только слуха... Наоборот, в музыкальных восприятиях зрение должно участвовать наравне со слухом.

Иначе впечатление получится самое однобокое. Поясню примером: закройте глаза и прислушайтесь к одним только звукам — вам покажется, что подвыпивший господин на кого-то разобиделся и разносит столовую посуду в буфете. Откройте глаза и вы убедитесь, что это просто играет военный оркестр. Закройте глаза, навострите одни уши, и сердце ваше перевернется от сострадания:

— Кто?! — укоризненно вскричите вы. — Кто прищемил дверью кошку? Зачем мучить бедное животное?!

А попробуйте открыть глаза — и вы увидите, что все совершенно спокойно: просто ваш знакомый скрипач в порыве вдохновения наигрывает ноктюрн собственного сочинения.

Вообще, я должен сказать — скрипка самый странный инструмент: все усилия владельца скрипки сводятся к тому, чтобы перепилить ее пополам, но никому это не удавалось: опилки от смычка летят во все стороны, а скрипке хоть бы что!

Лично я нахожу, что скрипач среднего таланта легко может доставить слушателям удовольствие, смазав смычок свиным салом. С огорчением должен сказать, что самый плохой скрипач все-таки предпочтет салу — канифоль.

И тем не менее, в оркестре скрипка — самый главный инструмент.

Виолончель, например, больше скрипки, контрабас еще больше, а скрипка все-таки их совершенно отогнала на второй план.

Скрипка иногда разливается минут десять, слова никому не даст сказать, а виолончель только изредка вздохнет:

— О, Боже, как тяжко!

И барабан, всплеснув тарелками, угрюмо согласится с ней:

— Н-дас, н-да-с!..

Музыканты утверждают, что дирижер самый главный человек, что без него ничего бы не вышло.

И действительно: если над этими людьми не стоять с палкой, то никто бы из музыкантов и не пикнул.

Наблюдая жизнь оркестра, я могу сказать, что если и можно вымозжить из него какой-нибудь мотивчик, то только угрозой и террором.

Полюбуйтесь: все сидят, курят, разговаривают о разных пустяках... Наконец, дирижеру это надоедает.

Он хватает палку и начинает стучать ей по пюпитру, кажется, что от пюпитра ему ничего не стоит перейти к голове ближайшего скрипача.

Испуганные музыканты хватают свои дудки — и пошла потеха: дирижер пригрозит палкой тромбону и тромбон рявкнет, как лев, которому слон нечаянно наступил на ногу; дирижер покажет кулак контрабасу и контрабас сипло проворчит:

— Ладно, мол, видали...

Дирижер ткнет палкой по направлению к валторнисту: глаза тебе, нахал, выколю — только промолчи! — и валторнист ответит:

— Ой, матушки!

А не грози дирижер всей своей шайке палкой, не тычь во все стороны кулаком — никакой мелодии бы и не получилось.

* * *

Но я отвлекся. Вернемся к музыке.

Прежде всего — что такое музыка?

Музыка — это... такое, когда играют. Хотя — нет! Это не совсем точное определение. Мало ли кто и на чем играет... Вот и биржевики играют на бирже — нечего сказать, хорошая музыка.

Точнее — музыку можно определить так: музыкой называется искусство с помощью какого-нибудь инструмента — издавать звуки!

Гм! Нет, тоже не то. Пулемет тоже инструмент, который издает звуки. А кому эти звуки приятны?

Вернее будет сказать так: музыкой называется искусство извлекать из какого-либо инструмента звуки, приятные не только для себя, но и для других.

Зубоврачебные или плотничьи инструменты совершенно не годятся для извлечения звуков — в этом сходятся все музыкальные авторитеты — от Баха до Оффенбаха и от Страдивариуса до обыкновенного архивариуса из судебной палаты, играющего на окраине.

Знатоки рекомендуют для музыки — пианино. Это самое удобное животное: корму не требуется, а доить можно каждый день.

Устройство пианино известно даже ребенку... Это огромная деревянная коробка, внутри которой натянута целая прорва струн. Некоторые люди, не понимающие в музыке, ошибочно думают, что весь звук сидит в самой клавише... ткнет пальцем, а она и загудит. Это не так просто... От клавиши идет такой молоточек, который хлопает по струне при нажатии клавиши. Так что — гудит только струна.

Можно было бы даже обойтись и без клавишей: просто если вам нужно получить известный звук, вы открываете крышку пианино, суете внутрь руку и дергаете пальцем ту струну, которая вам нужна. Но это способ старинный, устаревший, очень хлопотливый и при быстрой игре неудобный.

Вероятно, всякий из вас обратил внимание, что клавиши бывают не только белые, но и черные. Эти последние имеют свое назначение: с помощью их можно играть печальные, похоронные произведения. Белые же — исключительно для веселых вещиц.

Учатся, обыкновенно, сначала по белым, а потом уже перед концом курса переходят на черные, и преподаватели за это берут дороже.

Клавиши изготовляются из слоновой кости, которая добывается из слонов. Эти огромные позвоночные млекопитающие водятся в некоторых местностях Африки и Азии и употребляются как на домашней работе, так и для фортепьянной игры. Питаются они преимущественно растениями, почему их и относят к классу травоядных, толстокожих...

Впрочем, я отвлекся.

Почему же клавиши изготавливаются из слоновой кости? Очень просто: ударьте слона кулаком по клыку — он заревет. Ударьте кулаком по клавишам слоновой кости — рояль заревет. Одна и та же причина вызывает одно и то же следствие.

Игра на пианино вообще заключается в том, что пианист ставит на рояль ноты, садится на стул и, посмотрев в ноты, тычет пальцем в ту ноту, которая указана ему композитором. Посмотрит ноты и ткнет, посмотрит — и ткнет. Так и выходит игра. (*Играет легкий мотив.*)

Многие из вас, вероятно, и не представляют себе, как трудно играть на рояли — клавишей-то много, а игрок один. В одно и то же время ему приходится правой рукой колотить по высоким нотам, левой — по низким, ногами наступать на педали, языком отсчитывать такт, носом переворачивать нотные листы, одним глазом читать ноты, а другим глазом косить назад, чтобы сзади кто-нибудь не ударил по затылку за плохую игру.

И ужасно обидно, что человек трудится, трудится, работает и руками, и ногами, и глазами, и зубами, а кончит — рецензент матерится и шипит: туше плохое. До туше ли тут? Это все равно, что требовать от человека, чтобы он во время пожара убегал из горящего дома, делая балетные па, глиссеры и батманы.

Итак, господа — вот что такое лирика!

Резюмируя, я могу сказать еще раз, что музыкой называется искусство при помощи особого инструмента извлекать звуки, приятные не только для себя, но и для другого.

Лично же для нас — для меня и для маэстро — самой лучшей музыкой будет извлечение вами звуков при помощи быстрого прикладывания ладони — одной к другой! Маэстро? Повторите...

ПРОЛЕТАРСКАЯ МУЗЫКА

(Лекция, прочитанная Никандром Хлаповым на собрании Колпинской комячейки)

Дорогие товарищи и те вот, что позади семечки лускают!

Я скажу несколько слов за пролетарскую музыку.

Как я четыре года проторчал сторожем при уборной в консерватории, то будучи назначен спецом.

И еще я скажу, что нигде нету такого буржуазного засилья, как у музыке.

Товарищи! Почему нам, пролетариату, они всучили балалайку об трех струнах, а себе позабирали рояли, где этих струнов натянуто столько, сколько у этого рыжего, что сидит супротив мене — и волосьев на голове нет?!

Почему?!

Да и то я вам скажу, товарищи, что с этими роялями у них одно жульничество. Как известно, у всякой музыке есть семь нот, так называемая гамма, а они, черти не нашего Бога, столько там нот понаделали, что другой — шустрый-шустрый — а еле двумя руками управляется! Да еще ногой чего-с жмет у низу. Где ж тут справедливость?!

Да ежели одно пианино поперек распилить, так из его для народа восемь штук узеньких можно наделать.

Нам, товарищи, этих Шубертов-Мубертов не нужно, а ты нам давай это самое наше, настоящее, пролетарское!

Опять же черненькие, которые сквозь по роялю пересыпаны! Нам три струны, альбо, как у гитаре, семь, а себе и черненькие, и беленькие?

Говорят — это полутоны. А что нам с их шубу шить, что ли? Как говорится — ни шерсти, ни молока.

Я онадысь пробовал по одним беленьким подбирать и «Понапрасну мальчик ходишь» и «Ой, не плачь, Маруся, ты будешь моя» — и одних беленьких совершенно предовольно! Здорово выходит. Для чего ж черные? Только зря затуманивать классовое самосознание пролетариата?!

Нам-то небось балалайки липовые или с какого-нибудь ясеню, а себе на слонячьей кости чуть не сто клавишей закатывают.

Ей-Бо, право. Убьют слона и делают из его клавиши. За что? А может слон такой же человек, как и мы с вами?! Одно зверство и безобразие!

А возьмите ихние ноты? Нарочно там такого напутано, что на стену полезешь, разбирамши!

И все ни к чему, все ни к чему.

Почему они свои закорючки пишут на семи линейках? Почему не на одной? Все от пьянства.

Потому пьяному по пяти половицам легче пройти, чем по одной — вот они и шпарют свои крючки, то вверх, то вниз — один смех. Прямо, как курица лапой по бумаге ходила. А ты мне на одной линейке все изобрази — вот тогда я посмотрю, какой ты музыкант!

Опять же диезы и бемоли... Он, сволочь, их семь штук с левого боку насует, а я это имей в виду? А если я не желаю? Вот буду жарить без бемолей — и конец!

Так этого им, видите, еще мало: бекары выдумали! «Какие такие бекары, позвольте вас спросить?!» — «Это, говорит, отказ». Почему отказ? Трудящему пролетариату ни в чем отказу быть не должно.

И все-то они, черти собачьи, крутят, все вертят как бы понепонятнее.

Видали, ребята, скрипичный ключ, что с левого боку стоит?

Этакую глисту закрутили, что ей ни начала, ни конца не видать? Нечто это ключ? Не видал я таких ключев!

А по-моему, так — ежели уж тебе нужно какую штуковину для блезиру поставить — так зачем заковыристый ключ? Ставь простую отмычку! И понятней, и легче. Правильно я говорю, товарищи? То-то и оно.

А ихние паузы! Ежели ты уж взялся играть — так играй честно, без жульничества, подряд, а нечего зря лапой по полу стучать, а то другого можно так стукнуть, что и свет замакитрится.

Заканчивая свою лекцию, я могу только одно сказать: русский пролетариат уже просыпается и, когда он проснется окончательно и без остатка — он такую музыку покажет, что все эти Чайковские, Маяковские, Мечниковы и Бечниковы — у гробах переворотются!

(*Бурные аплодисменты комячейки.*)

У ВОДЫ

Балет

1. Дуся, нас здесь совсем не видно.

2. Ничего, дуся, если нас здесь заметят, и здесь можно сделать ногами карьеру.

1. Какую там карьеру, когда публика только одну мою ногу и видит.

2. Ну и довольно. Недаром говорят, что нога — это зеркало души!

1. Посмотри, дуся, вон там сидит барон Поль, какой душонский.

2. Какой там барон, около барона лежал, барона не видал. Просто биржевой заяц.

1. Фи! Какой отврат!

2. Он массу заработал. Снял здесь окно в колбасной лавке, под комиссионный магазин и заработал целую бездну лиров.

1. А знаешь, если присмотреться, в нем есть что-то особенное.

2. Солитер. Сам мне жаловался.

1. Это бриллиант такой?..

2. Нет гораздо длиннее.

Кстати, знаешь, у нас в уборной горничная развела столько блох, уму непостижимо. И огромных. Вчера сама поймала вот такую блоху в полтора карата. Насилу убила.

1. Ты чем красишь волосы?

2. Сейчас ничем. Прежде мыла перекисью водорода для чистоплотности. Теперь перестала..

1. Почему, дуся?

2. Это не патриотично. Мне сказал один летчик-кемалист, что перекись нужна для войны, летчики надувают водородом аэропланы.

1. А с каких пор ты сочувствуешь этому кемалисту?

2. Недавно. У него такая некрасивая жена.

1. Дуся, ты знаешь, какой ужасный случай у Караулиных.

2. Нет, расскажи.

1. Караулин застал свою жену в объятиях корнета Мара.

2. Ах, как пикантно. Ну и что же?

1. Застрелился.

2. Ах, какой ужас. Навсегда?

1. Нет, на время. Пуля застряла, как-то на вылете.

2. Куда?

1. В голове.

2. Так это чушь! Ему сделают коронацию черепа, а потом заложат тампон, и он, пожалуй, выживет.

1. А если нет?

2. Ну что ж, тогда его похоронят гражданским браком.

1. Слушай, дуся, поедем сегодня ко мне ужинать.

2. А что у тебя на ужин?

1. Селедка. Картошка в мундире, а на сладкое семиты.

2. Не поеду. Я антисемитка. Картошка в мундире. Вот если бы у тебя был бы турецкий офицер в мундире.

1. А с каких пор ты стала антисемиткой. С тех пор как тебя бросил Шлейфер?

Дура.
Чертовка рыжая.
Сама такая.
Лошадь.
От коровы слышу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Из репертуара театра-кабаре «Гнездо перелетных птиц»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАС

Господа! Прежде чем сказать самое важное и нужное, я считаю необходимым сказать несколько слов pro domo sua...

Мы — то есть В.П. Свободин и я — мы никоим образом не хотели бы, чтобы вы, только потому, что мы с вами разговариваем — чтобы называли нас «конферансье».

Боже вас упаси и Боже нас упаси от этой клички.

Надо вам сказать, господа, что ни один конферансье не кончил своей смертью.

Вот краткий и недостаточный мартиролог конферансье, погибших при исполнении своих обязанностей.

1. Джон Уильям Кекс — конферансье театра Одеон в Сан-Франциско застрелен во время одного из самых остроумных выпадов рудокопом Санди Гилль-Ройс.

2. Элиазар Аддисон, один из самых остроумных конферансье штата Иллинойс, был окружен своими почитателями, облит керосином и подожжен при восторженных кликах заинтересованных лиц.

3. Женщина-конферансье Сьюки Скоббеч — на берегу озера Виктория в Средней Африке съедена простодушными дикарями, спутавшими конферансье с конферзи.

4. Алешка Рваные ноздри — конферансье народных спектаклей на Уральском горнообогатительном заводе — расплавлен в доменной печи за выдающееся остроумие.

И многие, многие другие.

Ужасом веет от этих правдивых строк, господа.

Единственно, кто остался в живых — это Никита Балиев. Но он в Париже, а вы знаете парижскую экспансивную публику.

Кто знает, может быть последние номера парижских газет принесут нам ужасную весть.

Вот почему мы и не хотим со Свободиным быть конферансье. Мы просто служба связи между публикой и сценой.

Теперь о гнезде. Я с гордостью могу сказать, что название «Гнездо перелетных птиц» принадлежит мне.

Нравится?

Теперь я должен представить нашу труппу.

Прежде всего госпожа Бучинская. Зовут ее Елена Александровна, но мама ее для сокращения зовет просто Гуля. Мама у нее Тэффи. Кстати, Бучинская ужасно не любит, когда я указываю, что она дочь знаменитой Тэффи. Но Бучинская сделала за последнее время такие огромные успехи, она так талантлива, что скоро не будут говорить: вот Бучинская, дочь знаменитой Тэффи, а наоборот: кто это? Тэффи — мать знаменитой Бучинской. Поет, танцует, сочиняет.

Твардовская. Она происходит по прямой линии от того знаменитого Твардовского, который продал черту душу. Конечно Твардовская себе этого не позволит, а совсем наоборот. (Что наоборот?). Ну, мало ли? Может черт ей свою душу продаст, почем я знаю.

Замира Тевус Германович. Вследствие известной вам претензии предлагали ей унитожить Германович и назваться Интералгезова — она отказалась. Если фамилия Германович кажется вам длинной, зовите ее просто по имени, это короче. Имя ее Арминия Германова.

1 Господа, вот талантливый маэстро Межуй, по преимуществу человек экспромта, неожиданности, человек-импровизация. Видите, он сидит скромно, опустив голову, и не знает, что ему придется играть. «Лунную сонату» Бетховена или «Во саду ли в огороде». В этом экспромте для меня самая большая прелесть нашего театра. Мы никогда заранее не готовимся! Мы не напоминаем того еврейского ученика, который известил школьного учителя:

— Слушайте, завтра я не приду в школу.

— Почему?

— У нас завтра будет пожар.

— Мы люди — неожиданности. Возможно, что сегодня маэстро лекция сочинится из вещей огромного художественного значения и ценности и растает в воздухе, исчезнет и никогда уж в этой роли не будет и ни в чем не возродится...

Поэтому каждое выступление важно — это все равно что сжигание на ваших глазах драгоценной картины.

ЛУКАВЫЕ ПЕСЕНКИ

Тэффи. Я не люблю женского творчества, Господи, это рукоделие, но Тэффи — единственная женщина, у которой все ее творчество проникнуто чисто мужской мощью в соединении с женским изяществом. Кроме того, Тэффи остроумна чисто по-мужски. Помню, однажды приехала она к нам погостить на неделю, и мы с ней сразу же начали своеобразное состязание. У меня была комната внизу, а у нее во втором этаже, как раз подо мной.

— Что вы мне пожелаете на ночь? — сказала она.

— Чтоб вы провалились — галантно ответил я.

Уложили ее на короткую, почти детскую постель и так как в окнах не было ни ставень ни драпировок, то Тэффи ночью не спала от яркого света белой ночи.

Утром спрашиваю:

— Как спалось, Тэффи?!

— Никак.

Коротко и ясно. Замечательный ответ!

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Как вам известно, в газете печатается так, что первая строка крупная, так называемая красная строка. Например, ищу в Константинополе. Хочу установить. Ищу место в банке. А уже дальше мелкий шрифт — это самые прозаические подробности.

ТОСКА

Предсмертная ария Каварадосси.

О, проклятие неба,
О, мучения ада.
Насущного нет хлеба,
Исчезла вся отрада!
Терзаньям нет конца,
Хоть трудимся в поте лица.

* * *

Пошел я на базар, а там за яйца
С меня — о драма!
Содрали 300 рубликов за штуку, хамы.
Исчезла вдруг вся русская свинина.
И нет картошки, нет даже сахарина.
Нет счастья больше в мире.
Уж сделать просто харакири
И сразу сдохнуть.

* * *

У нас холера.
Всюду вибрионы.
«Не пейте сырой воды» -
А ее и так нет и в помине.
Не лопайте фруктов
И огурцов не жрите.

* * *

Вчера мою квартиру уплотнили:
Шесть человек в единственную
комнатенку посадили.
И, как сельдей, нас в бочку понабили.
О, жалкий жребий! Ах, tutto eperdutto!
Приходится нам круто,
О, дайте мне скорей кусок веревки,
Повешусь — и капуто!

* * *

Есть в гнезде артистка Скокан,
Всем артисткам не в пример,
Распустив по щечкам локон,
Презирает букву «р».
В общем славная девица,
Много радости дает,
То танцует, как певица,
Как танцовщица поет.

* * *

Наша публика прекрасно
К нам относится всегда.
Смотрит весело и ясно
Без заботы и труда.
Но прекрасная программа
Заставляет всех забыть,
Что для нас большая драма,
Если гости станут мало пить.

* * *

РЕЦЕПТЫ БЕЖЕНСКОЙ КУХНИ

СУПЫ

Суп из старых пасьянсных карт

В каждом доме есть старые замасленные карты, которыми пользовались чуть ли не наши бабушки и дедушки для пасьянсов. Эти карты обыкновенно не бывают «белоснежные», а содержат в себе очень жирное вещество. Так вот из них можно приготовить суп.

Взяв обе колоды, разобрав их по мастям и отделив от тузов, из всех 8, 7, 6, 5, 4, 3, и 2 приготовить мелко нарезанную вермишель; налить в кастрюлю воды и, когда вода вскипит, опустить туда карточную вермишель. Из тузов приготовить на манер фрикаделек шарики, а из фигур — короля и валета — вырезать звездочки. Из дам можно сделать трубочки, свернув их и обвязав веревочкой.

Кроме девяток, все карты варить до тех пор, пока не получится навар. Оставшиеся девятки подавать к супу взамен пирожков.

Соль, лук, перец, известка и мелкий уголь прибавляется по вкусу.

Суп из пасьянсных карт иным манером

Мелко нарубить все наличные карты, кроме тройки червей, обдать их керосином, помазать сливочным маслом, поджарить на сковородке с луком, прибавить немного ванили и все залить кислым молоком. Из трех червей сделать вырезанные сердечки и варить все до ожирения.

Вместо пирожков к супу подавать мел.

Уха из беженской шляпы или фуражки

Налить в кастрюлю холодной воды и вскипятить ее на медленном огне. Когда кипяток будет хорошо бурлить, бросить в него шляпу или фуражку в целом виде, отнюдь не нарезая ее на кусочки. Варить все не более 15 минут; заправить мукой, посыпать перцу луку и соли по вкусу. Зелень можно класть: салат, помидоры и зеленый лук.

Перед подаванием из ухи вынуть положенную в нее шляпу или фуражку, выкладывая это на отдельное блюдо целым куском.

Суп с курицей

Суп варить просто из воды, куда можно бросить кореньев, картофель, лук, салату, шпинату, петрухи и пр. Соли, перцу и масла по вкусу; масло можно заменить свиным салом.

Варить до тех пор, пока не будет вкусно, прибавляя по временам только съедобные вещества.

Суп подаем всем в саду.

Курица привязывается отдельно от стола на веревке. На нее смотрят, когда едят. Это суп с курицей.

ЖАРКОЕ

Консервы по-беженски

Откупоривается банка обыкновенных старых беженских консервов и открывается рот, и консервы едятся холодными.

Консервы на сковородке

Откупоренную по предыдущему способу банку беженских мясных консервов надо выложить на сковородку, и не разогревая их, есть вилкой холодными прямо со сковородки.

Консервы по-беженски иным манером

Это блюдо очень простое. Сосед откупоривает банку и ест, а вы только смóтрите.

СЛАДКОЕ

Белый чай

Кипяченая вода или просто холодная и пьется по мере охоты.

ПРИВЕТСТВИЕ

От имени русской журналистики я счастлив приветствовать вас — наше ясное солнышко, столь согревающее нас своими яркими лучами в это тяжелое мрачное время!

Те образы, которые вы создали на сцене, останутся долго незабываемыми для нас, для всей России!..

Например, созданный вами чудесный образ Маргариты Готье (мужа Катерины Готье) в «Даме с камелиями», образ (мужа) Катерины Готье в «Грозе» Островского, Ларисы (мужа) в «Бесприданнице», Офелии (мужа) в «Гамлете» и много, много других обаятельных женских образов!..

В созвездии русских актрис (актеров) вы горите яркой звездой (ярким гвоздем), вы, которая (который) после смерти

Марии Гавриловны Савиной (Мария Гавриловна Савина) заняли такое почетное место на русской сцене!

Вы не блистали туалетами, на вас не было ни кружев, ни бриллиантов, ни дорогих дессу, вы не разоряли ваших поклонников, но когда звучало на сцене ваше дивное мелодичное сопрано (бассо), когда вы вся от кончика вашей маленькой ножки до ваших пышных волос сверкали как stella mori — кругом все шептали: это наша Сара Бернар. Это — наша (наш) Дузе (Дуз).

Но вы не только прекрасная актриса — вы и прекрасная мать!! Ваши дети, которых вы вскормили своей грудью — это лучший лавр во веки веков!!

Позвольте мне, вашему скромному поклоннику от лица русской литературы — поцеловать вашу изящную ручку, ту ручку, которая..........

Приложение 2

Вокруг «Гнезда перелетных птиц»

МЕНЯ НЕ ПОНЯЛИ!

НЕСКОЛЬКО СЛОВ СЕВАСТОПОЛЬСКИМ ВЛАСТЯМ

Сегодня мне не хочется смеяться.

Хотя на фронте все исключительно хорошо, хотя многие внутренние недоразумения улажены — у меня на душе исключительно скверно:

— Меня не поняли.

У меня сейчас чувство человека, который мужественно бросился в холодную глубокую воду и вытащил на берег утопающего, а его, этого мужественного человека, сажают в тюрьму за то, что он тащил утопающего за волосы.

Два дня назад я напечатал в «Юге» фельетон об актерах, поступивших на «Рион» кочегарами.

И вот сейчас до меня дошли слухи, что некоторые из властей не поняли, не так истолковали мой фельетон, написанный, несмотря на смешной сюжет, кровью моего сердца... Не поняли и решили, что это непорядок — быть безработным актерам судовыми кочегарами. Кем-то будто бы затребованы какие-то списки, наводятся какие-то справки — так мне, по крайней мере, передавали не на шутку встревоженные актеры.

Признаться, я всего ожидал — только не этого.

Льщу себя надеждой, что я никогда не был дураком, а если сообщаемое актерами — правда, то я первый раз оказался в положении медведя, согнавшего муху со лба пустынника увесистым камнем.

Но я думаю, что вся эта история урегулируется, если я информирую власть, а попутно и все севастопольское население, — что такое сейчас русский актер и каково ему живется.

* * *

В эти дни всем нам, русским, плохо, все мы бедны, ограблены, и неустроены, но русский актер — это нищий среди нищих, самый голый и голодный среди раздетых и недоедающих.

Все мы хоть имеем право на труд, а актер понемногу теряет и это право.

Ему, актеру, в общем, неважно жилось и тогда, когда вся территория России была к его услугам, когда жизнь была дешева, когда театров было сколько угодно, когда театральный налог еще не напоминал обычного махновского налета на мирного обывателя.

Каково же живется ему теперь, когда он прикован к месту, в которое забросила его судьба, когда, чтобы переехать из Севастополя в Ялту, — нужно иметь добрый десяток тысяч, а о более далеких крымских городах и мечтать нечего.

В таком случае, значит, сиди актер на месте, играй там, куда тебя судьба забросила и привинтила крепкой большевистской гайкой.

Значит, нужно искать театр, чтобы играть, ибо играть — значит спасаться от голодной смерти.

Все вы, конечно, знаете, что Летний театр до весны — Северный полюс, что театр Морского собрания реквизирован, что в Общественном собрании — лазарет. Не спорю: дело хорошее, нужное. Без лазарета нельзя.

Но ведь сознание этого не спасает актера от голодной смерти?

И вот актер начинает панически метаться по Севастополю в поисках помещения — артистка Марадудина установила даже прецедент: она устраивает свой вечер в зале института физич<еских> методов лечения.

Но это концерт, а для драматического актера нужна сцена — и ее нет.

Впрочем, предположим на минуту, что сцена нашлась, что актер даже объявил спектакль, что он даже сделал сбор — знаете ли вы, сколько у него из этого сбора отбирают, — тут же в кассе: 40 проц<ентов>!!!

Актер платит за помещение, за декорации, за реквизит, за костюмы, за библиотеку, за рекламу — газетную и афишную — он платит за все, чтобы только публика пришла и принесла ему деньги, вечером он мажет себе лицо плохим гримом (хорошего теперь нет), наконец, он играет, вынося на своей шкуре огромное нервное напряжение, а к концу вечера приходит податной инспектор и забирает из каждой собранной тысячи — четыреста рублей...

За что?!

Говорят, 20% идет городу, 20% Добровольческой армии...

Но почему именно с актера? И если уж он так безответен — почему с него не взять 60%, 70%...

Берите!

Все равно ведь смолчит. Все равно ведь заступиться за него некому.

Где же тут логика: спекулянты наживают сотни миллионов, и власть еще не изобрела способов взимать с них хоть какой-нибудь процент (самый малый — дал бы во сто раз больше).

Неужели вы не понимаете, господа, что вы с голого человека шапку снимаете.

Где это видано во всем мире, в какой это профессии слыхано, чтобы от человека отнимали 40 проц<ентов > его кровного заработка.

Я вас, читатель, удивлю еще больше — вы этого, конечно, не знаете, — слыханное ли дело, чтобы податной инспектор требовал от актера эти 40 проц<ентов> вперед, когда еще ни одного билета не продано, за неделю до спектакля, причем эти 40 проц<ентов> нужно внести полностью, как за полный сбор!

Ведь это безумие — кто-то из нас сумасшедший — или я, или... (Господин цензор, оставьте в покое ваш карандаш — это не политика).

И вот — резюмирую: актер загнан в тараканью щель, актер обобран ранее того большевиками, актер растерял свой гардероб в наше дикое большевистско-махновское

время, актер не имеет театра, у актера насильно отнимают 40 проц<ентов> его скудного заработка — я скажу прямо, актера поставили в безвыходное положение, столкнули лицом к лицу с курносым призраком Голодной Смерти. И вот, когда актер, спасая себя, бросился в судовую кочегарку (уверен, что свою работу он будет исполнять не хуже заправского кочегара — русский актер изумительно способен), когда он «пригрелся» у адской пасти пароходной топки — его хотят изгнать оттуда...

Куда?

Опомнитесь, господа!

* * *

Некоторые, может быть, возразят мне, что актеры под видом кочегаров хотят «удрать за границу».

А если бы даже и так?!

Я твердо верю, что Крым прочен, но — военное счастье переменчиво — это вам сам Слащев скажет...

Кто когда вспомнит об актере, кто вывезет его? До того ли будет?

А вывезти актера надо.

Знаете ли вы, что все те, которые служат кочегарами на «Рионе», все прекрасные первоклассные артисты, приговорены большевиками к смерти как активные помощники Добровольческой армии, знаете ли вы, что большинство их товарищей, застрявших в Харькове, уже замучены большевиками, — об этом было сообщено в том же номере «Юга», в котором я поместил свой «смешной» фельетон об актере-кочегаре.

Известно вам это?!

* * *

Если бы дело касалось только меня — я бы никогда ничего подобного нижеследующему не сказал, но во имя других, которые могут из-за меня пострадать — я скажу:

— Я, Аркадий Аверченко, отдавший целиком свое перо на светлую службу новой Светлой России, я, который при появлении здесь большевиков буду «в первой очереди», — я

не прошу, а требую: не трогайте актеров; оставьте их на своих местах.

Поймите же, что я не для этого писал свой «смешной» фельетон об актере-кочегаре!

ОТВЕТ ТРЕМ ПОДАТНЫМ ИНСПЕКТОРАМ

Три богини спорить стали
(*«Прекр<асная> Елена»*)

В ответ на мою статью «Меня не поняли» — три податных инспектора выстроились в ряд и дружно ринулись на меня, угрожая «Письмом в редакцию», напечатанным в воскресном номере «Юга», и утверждая, что я в затронутом мною вопросе — мягко выражаясь — ничего не понимаю.

Их возражения таковы.

1. Налог взимается не 40 проц<ентов>, а 20 проц<ентов>... (а городской налог? Еще 20 проц<ентов>. Вы его не считаете, но актеру все равно — город ли у него забирает или вы).

2. Налог взимается с билета только дороже 10 рублей. (Скажите, какое благодеяние! А сколько сейчас стоит самый дешевый билет на галерке? 20–25 рублей! Так что причем здесь эти сказочные 10 рублей? Утешайте этим себя, а не актера).

3. Налог взимается в пользу казны, а не Добровольческой армии... (Вы думаете, актеру от этого легче? Наоборот, это только усугубляет нелепость закона).

4. Налог поступает непосредственно в казначейство, и податному инспектору не приходится самому забирать его из кассы. (Что это значит: «непосредственно»? Значит, актер должен сам своими руками отнести кровные деньги, Бог весть почему с него взыскиваемые? Если бы я шел с чемоданом по лесу и встречный прохожий потребовал чемодан — поверьте, г.г. податные инспектора, что мне легче отдать ему чемодан тут же на месте, чем тащить за ним до города...).

5. Три податных инспектора терпеливо разъясняют мне, что «податный инспектор является простым исполнителем требований закона» (Ошеломляющая новость. А я ведь,

знаете ли, думал, что этот налог — личный доход податного инспектора).

Вот и все возражения...

Что же от них остается? Ровно ничего.

Три инспектора обиженно заявляют, что «они — простые исполнители требований закона».

Да я разве говорю, что вы плохие? Закон плох. Закон никуда не годится.

Я ему подчиняюсь, как обязан подчиняться всякий гражданин, но требовать отмены этого жестокого, губящего театр и обрекающего актера на медленную голодную смерть — закона, требовать, чтобы вопиющая несправедливость была уничтожена — я должен, как писатель и гражданин.

И если бы вы были не точными исполнительными машинами, а живыми людьми с нервами, сердцем и живой кровью, вы бы мне не возражали, а составили бы вы докладную записку о негодности на практике закона о «сорокапроцентном» налоге, да и подали бы куда следует.

Но вы этого, конечно, не сделаете... Вы, как диккенсовский мистер Тикклытон в «Сверчке на печи» — только строго деловые люди.

ОТКРЫТИЕ «ГНЕЗДА ПЕРЕЛЕТНЫХ ПТИЦ»

В небольшом уютном помещении бывшей «Летучей мыши» Аркадий Аверченко и артист императорских театров Свободин свили свое гнездо, которое, судя по началу, должно сделаться излюбленным приютом русских константинопольцев.

Обширная веселая программа, экспромты Аркадия Аверченко, рассказы Свободина, крохотные пьески и инсценировки, много музыки и пения — все это так напоминает прежний беззаботный артистический Петербург и Москву, что публика хоть на два часа забыла унылое безрадостное настоящее.

Имели успех «Нестеровские настроения» Тэффи в передаче Бучинской и «Москвичка в Константинополе», диалог Арк. Аверченко в исполнении самого автора и г-жи Твардовской.

«ГНЕЗДО»

Так в обиходе называется одно из очаровательных мест ночного Константинополя «Гнездо перелетных птиц». Здесь русский талант сверкает своей самоцветной рудой. В зимнем саду бывшего «Русского очага» царит благодушное веселье. Ни одного пошлого слова, ни одного намека, который сближал бы этот уголок с обычным грязным воздухом кафешантана. А.Т. Аверченко и В.П. Свободин ведут с публикой собеседования, пересыпанные шутками. Они знают всех своих гостей; многие сделались друзьями «гнезда», посетив его раз, многие связаны прежними отношениями к артистическим кружкам Петрограда и Москвы. В «гнездо» заходят иностранцы, воспринимающие художественность исполнения, не понимая даже русского языка.

«ГНЕЗДО ПЕРЕЛЕТНЫХ ПТИЦ»...

Все мыслящие русские должны проводить праздничные вечера в «Гнезде перелетных птиц».

Это времяпрепровождение очень проясняет мысли и накладывает на все лица отпечаток истинной осмысленности. «Гнездо перелетных птиц» смело можно назвать — Академией Изящного Вкуса, Истинной Красоты и Прекрасного Интеллекта.

Человек отличается от животного главным образом тем, что он улыбается. Мы заставляем улыбаться — значит мы (т.е. «Гнездо») совершенствуем всякое человекообразное, возводя его на высшую ступень...

ИЗ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ «ГНЕЗДА...» В ГАЗЕТЕ «PRESSE DU SOIR»

Исключительно пышная программа, что делается — уму непостижимо. Участвует Арк. Аверченко, В.П. Свободин и вся труппа (28 человек). Лучшие номера репертуара, сопровождаемые задушевными разговорами. Просят публику не опаздывать и так далее...

* * *

Следите за «Кунигундой»! Когда пойдет она — идите и вы. Редкое по красоте и трагизму зрелище, не считая вокальной стороны. В этой опере Арк. Аверченко впервые исполнит партию злодея-отравителя!

* * *

Во избежание давки и сопряженных с ней несчастных случаев — просят на представление оперы «Кунигунда» записываться заранее.

* * *

Сегодня и завтра последние два дня новой программы. Кто не увидит, тому самое лучшее — пойти и утопиться в Босфоре.

В понедельник, 7-го февраля, после 20-ти репетиций, наконец, будет поставлена «Кунигунда». Лучшая опера в мире.

* * *

Кто не видел «Кунигунды» — тот вообще недолговечен!

* * *

Весна в Константинополе.

Птицы, доселе в подвале, — с первыми лучами весеннего солнца выпорхнули на воздух и свили гнездо почти в лесу — в саду «Русского очага».

Их щебетание звучит по-новому, по-весеннему.

Около очага — тепло, возле птиц — весело.

Летите к нам, пока мы сами не улетели.

* * *

Друзья «Гнезда»! Повесьте уши на гвоздь внимания!

* * *

Завтра в «Гнезде» Татьянин день. Этот культурный праздник русской интеллигенции можно достойно отпраздновать только в «Гнезде», где собирается все русское писательство, ученость и театр, где можно вспомнить наше яркое прошлое и помечтать о сверкающем будущем. В Татьянин день все в «Гнезде» по-студенчески: песни, пьесы и общий тон. Гарантируется изящный шум и мелодичный грохот.

* * *

Сердце дрогнет от ужаса и боли у всякого чуткого константинопольца, когда он узнает, что «Гнездо перелетных птиц» дает в «Медведе» свои последние спектакли. Традиционная газетная фраза — «Горе несчастных родителей не поддавалось описанию» — будет совершенно уместна. Спешите же в «Гнездо» сломя голову (конечно, не нашу, а посторонних прохожих).

Приложение 3

Аверченко в Чехословакии

К ВЕЧЕРУ АРК. АВЕРЧЕНКО

Наш сотрудник попросил у А. Аверченко дать подробности о его вечере.

— Центральной вещью вечера я считаю «Как меня приглашают на благотворительный концерт». Это такая трагическая история, что все зрители пожалеют меня, а у нас в России существует понятие, что пожалеть — значит полюбить. Вот каким способом я ищу у Праги взаимности!

— Что такое «Москвичка в Константинополе»?

— Это тоже трагическая печальная история. Диалог настоящей москвички с французом-комендантом порта. Публика очень хорошо понимает ломаный русский язык француза, а современный совдепский язык русской москвички так же непонятен, как и готтентотский.

— Говорят, пьеса «Макс» — ваша любимая?

— Да, но в ней я выказываю такие свойства своего характера, что после этой пьесы ни в один хороший дом меня не пригласят. Вообще, вся программа моего вечера очень печальная, и любителям поплакать — в «Обецном доме» будет полное раздолье.

Наш сотрудник поспешил прекратить этот душу раздирающий разговор и — откланялся.

ВЕЧЕР АВЕРЧЕНКО*

Вечер сценок и инсценированных рассказов Аркадия Тимофеевича Аверченко представил Праге вечером в понедельник, 3 июля лично русского автора, который около десяти лет может считаться у нас одним из самых популярных. В переводную чешскую литературу его привел, кажется, в 1910 году Ст. Минаржик в своей «Библиотечке славянских авторов», то есть вскоре после того, как имя А. Аверченко на родине стало быстро проникать в широкие слои и заполнило собой все... С тех пор не было ни одного чешского журнала, ни одного переводного сборника славянских авторов или юмористического содержания, в котором бы не появилось имени Аверченко.

<...> Когда на Руси начался книжный голод, каждый, у кого была коллекция книг Аверченко, становился богачом. Я сам убедился в этом в 1919 году в Сибири, наблюдая, как местные букинисты умудрялись оценивать книги Аверченко, даже зачитанные до неприличия, с оторванной обложкой и без последней страницы. И этот остаток еще можно было продать втридорога.

<...> Насколько популярен Аверченко у русской и чешской публики, можно судить по совершенно заполненному залу Сметаны при его вечере в понедельник, в душный летний день, в мертвый сезон. К сожалению, зал оказался абсолютно не приспособленным для программы маленьких одноактных пьес; импровизированное юмористическое представление с сатирическими выпадами и словесными играми — все это предполагает более интимную сцену и меньшую аудиторию. Но несмотря на это, слушатели были благодарными и терпеливыми, и если удавалось что-то расслышать — были этим вознаграждены. В обширном репертуаре вечера в трех отделениях преобладал злободневный материал, а именно он был наиболее благодарно встречен. Аверченко сам как актер и рассказчик стоит многого: улыбается в основном лишь уголками рта, изредка глазами — и все равно его юмор не является «сухим». Наоборот, его герои и героини говорят внезапно, почти лавиной, и при этом шутят, часто очень комично. Его партнеры, в частности дамы Раич и Рейнгарт,

* Статья приводится в сокращении.

также имели большой успех. А образцы «старого» репертуара (старым является все, что было до революции) — имели в инсценировке этой труппы, несмотря на то, что были смешными, оттенок какого-то элегического воспоминания: воспоминания о безвозвратно ушедших временах «оладушек», за которыми все прекрасно видят полные чаши, благосостояние, вольный воздух.

РАЗГОВОР С АРКАДИЕМ АВЕРЧЕНКО*

На вопрос сотрудника «Русспресса», как долго он собирается задержаться в Праге, писатель ответил:

— На этот вопрос точно ответить не могу уже пять лет. До обновления России я — космополит. Весь земной шар к моим услугам. В Прагу я приехал намного проще, чем в прежние времена ездил к знакомым на дачу.

— В какой стране из всех, где Вы побывали, Вам больше всего понравилось?

— Больше всего в Сербии, меньше всего в Болгарии. Не могу простить болгарам то, что они сделали с русскими.

— Но Евангелие учит нас прощать врагам своим...

— Да, конечно... Но я стараюсь поступать так, чтобы моим врагам было что мне прощать, а не мне — им.

— Вам нравится Прага?

— Скажу Вам по секрету (печатать это не обязательно): я влюблен в Прагу, но поскольку я не признаю любви без взаимности, буду скрывать свои чувства в глубине сердца до той поры, пока Прага не проявит своих чувств ко мне.

— А что Вам больше всего нравится в Праге?

— Позвольте, но я же не могу любимое существо исследовать по частям, как лошадь. Здесь на всем отдыхает взгляд — но среди прочего меня порадовало, как хорошо Прага закопчена. Думаю, что не одна дюжина городов многое бы отдали за то, чтобы могли так прокоптиться и приобрести благородный налет старины. Но искусственным путем этого никому не удастся достичь. Некоторые прожженные антиквары нарочно покрывают не имеющие ценности медя-

---

* Из интервью.

ки ржавчиной и патиной, но Прага — прекрасная золотая монета, подчерненная прошлым, и это — настоящая красота.

— Говорят, что Вы не только писатель, но и актер?

— Ох, играю, но только в собственных пьесах. Если уж моему детищу суждено быть покалеченным, то лучше я покалечу его сам — но не доверю этого никому другому. Ну, скоро сами получите возможность об этом судить.

БОЛЬШОЙ СМЕХ НА СЦЕНЕ

В странный день приехал Аверченко. Сидя в поезде, он мог наблюдать через широкие окна в сумерках опустошенные берега и кучи обломков в диких изгибах реки. А он пока ехал, чтобы нас развеселить, чтобы прокричать нам, что мы глупцы, если бродим по улицам, повесив головы, без надежды на просветы в тучах. Он приехал, когда по телефонным линиям звучали мрачные новости об ужасе, который сковал страну от западных областей до восточных, к северу от Брно. И в Брно приехал Аверченко со своим смехом. Не странно ли?

Нет. Он дико хохотал до войны и смеется еще более дико после нее. А если вы пробежитесь по его последним строкам, увидите не только громкий смех, но и нечто заглушенное, что-то — да, это страх, страх с которым он смотрит на ту, что больше всего любит. С которым смотрит на то, как несчастна та, которую он любит более всего. Возвысившись над шовинизмом и галдежом о политике, он разбередил свое молодое сердце, полное большой любви, разбередил его беспокойством о России и наполняет его горячей, обжигающей страстью, с которой человек, изгнанный, со смертью, дышащей в затылок, раскрывает объятия в поисках когда-то великой и прославленной родины.

Но смех не умер на устах Аверченко даже тогда, когда другие прятались в каморки пятых этажей парижской богемы, где просидели долгие месяцы и годы, зажав виски в ладонях, с молчаливым и тупым отчаянием из-под бровей. Мог бы его смех умереть сегодня?

Когда поезд загудел и остановился, раздались выкрики нескольких десятков бегавших по перрону русских. Разве

не приехал тот, кто хочет помочь сменить их скудные обеды из Новобранской улочки на более полные тарелки? Он, чья диккенсовская любовь к таким маленьким людям, которые, незаметно для остального мира, живут своей жизнью, переживают свои романы и свои библиотеки романов! Ему нет нужды указывать, какие они великие, достаточно того, что он отдает им свое сердце в своих рассказах и хочет поведать свету, какие это люди.

Говорить с Аверченко и трудно, и легко. Трудно потому, что можно сделать что-нибудь смешное и оказаться во всей красе в строках его рассказа, после чего мне придется провозгласить, что Аверченко пишет из рук вон плохо; трудно еще и потому, что по-чешски он умеет сказать только: «Едно пиво, просим!» А легко, потому что его глаза говорят: «Я люблю тебя, потому что люблю весь мир!» И говорят об этом не только глаза, но и черная оправа пенсне, и золотая дужка над переносицей его добродушного носа, и маленький синий камушек в его галстуке, и эта мягонькая складочка под подбородком. И если бы даже застенчивый журналистский щенок запутался и вместо даты рождения и «общих взглядов» стал спрашивать о фирме, поставляющей ему воротнички, Аверченко бы все пояснил так же любезно и благородно.

Лицо Аверченко — это лицо необходимо, когда толпа сомневается в себе. И если бы меня кто-нибудь поставил перед незнакомцем и сказал: «Представляю тебе Джакомо Леопарди», — я бы рассмеялся и ответил: «Не обманывай, это Аверченко. Ни у кого нет такого носа, такого пенсне, таких ушей и такого камушка в галстуке, как у Аверченко. Поэтому это он». И смеялся бы я в голос, как смеется ребенок, когда мама его еще не щекочет, но уже делает подозрительные движения пальцем у него под ножкой или плечиком.

И когда заскрипела ступенька подножки вагона под стройным телом Аверченко, и когда загремели аплодисменты перед глазами удивленных железнодорожников, я думал...

Я не думал о том, что из вагона выходит гигант или воплощенный смех, или опровержение всем вымыслам, или элегантный человек с добродушным лицом, — я видел, как сходил на перрон человек с огромным чистым сердцем.

На сцене говорили Монин, Раич, Искольд, Монина. Мы редко видим у нас актеров, способных быть больше чем актерами. Людьми. А эти четверо ими были. А что же Аверченко?

Перед битком набитым залом он с улыбкой принял два букета, белых, как его манишка длиной более метра, как его душа. И играл. Я видел дам, которые в антракте глотали жаропонижающее, терли себе виски и утверждали, что пойдут домой, что у них от смеха болит голова и что им плохо. Но они возвращались в зал, и Аверченко снова играл, а мне хотелось встать и что-нибудь ему прокричать. Благодарю Бога, что я не понимал его речь и смеялся только над его движениями. А во время аверченковских сцен я наблюдал за животом своего соседа, который старательно расстегивал пуговицы на жилете и орал высоким голосом.

Аверченко великолепен. Тот, кто от него ожидал очень многого, был удивлен, кто многого — поражен, кто малого — был ошарашен его великим искусством. Он был человеком на сцене.

Перед театром, сворачивая влево внутрь, я увидел человека, рассматривающего рельсы и мостовую. Теперь я знаю, что хотел ему закричать. Вот это:

— Дяденька, поворачивайте сюда! Дяденька, поворачивайте сюда!

Эдвард Валента

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

(*в рубрике «Из культурной жизни»*)

Аркадий Аверченко у нас, в колонках чешских газет и книжных изданиях, уже давно известный и дорогой гость. Он обжился у нас за несколько лет до того, как был по политическим причинам изгнан из советского рая и приговорен к горькой судьбе беженца. Прошло уже 12 лет с тех пор, как Станислав Минаржик издал объемный томик его юморесок, тем самым представив читателю новое имя, звучавшее затем все чаще: если принять во внимание, что Аверченко начал писать в 1906 году, чешский перевод вышел довольно

быстро, тем более что речь шла о 30-летнем тогда писателе (род. в 1881 г.). Затем, как в России, где его сатирический еженедельник «Штык», а особенно знаменитый «Сатирикон», быстро приобрели необыкновенную популярность, а неизвестный до того помощник в канцелярии угольной шахты стал выдающимся литературным деятелем, приобрел Аверченко множество поклонников и у нас. Юмористические журналы публиковали его бойкие, бегло набросанные юморески, в фельетонах ежедневных газет появились его оптимистические сценки, выходили книжные сборники, к примеру, сборник в серии «Всемирная библиотека» или в серии «Библиотечка «Златой Праги», при этом издатели и переводчики даже не заботились не только о разрешении автора, но и о каком-либо гонораре. Характерным штрихом стало в последние дни в ежедневной печати сообщение о том, что Аркадий Аверченко подписался в посвящении на книгу с чешским переводом своих произведений: «...от ограбленного автора», намекая на то, что чешский писатель (вероятно, имеется в виду Сватек) выпустил его книгу, даже не поинтересовавшись, как на это смотрит писатель. Но под этим посвящением могли бы подписаться также Чириков и другие современные русские писатели...

Что же является наиболее важной приметой этих бесчисленных рассказов, юморесок, этюдов и анекдотов Аркадия Аверченко? Конечно же, их невозможно охарактеризовать одним словом. Но что приходит в голову в первую очередь — их жизненность и непосредственность: каждодневная рутина стала для него неисчерпаемым источником персонажей, ситуаций, мотивов. Он выбирает одну черту, одну сцену как самостоятельную, а затем характеризует ею своего персонажа. Это по сути свой прием карикатуриста, и талант Аверченко тоже более всего тяготеет к карикатуре; как карикатурист хватается за какую-то внешнюю примету, больше всего характеризующую фигуру персонажа, и увеличивает ее настолько, что она вытесняет все остальные черты, так и у Аверченко все наброски становятся виртуозными карикатурами, изображающими человеческую комичность, неразумность и ничтожество. Карикатурист делает набросок небрежными, быстрыми движениями карандаша, более намекая, чем подчеркивая, не задерживаясь на подробном вырисовывании теней,

так и Аверченко легко набрасывает персонажей и действия, фиксирует их живой, театральной речью. Не случайно с его пера сошло такое множество театральных сценок и этюдов; в большинстве своем это драматизированные юморески, в которых и без того был избыток театрально-подвижного, в частности, диалогов. Этими драматизированными сценками, рассказами и сольными выступлениями он заработал себе в России имя не меньше, чем своими печатными этюдами, и теперь, когда он организует в крупных городах нашей республики свои вечера — это по большей части легкие, веселые театрализованные сцены.

Для чешского читателя, привыкшего в основном к несмелому провинциальному юмору, приглушенному и простодушному, этот русский юмор кажется, на первый взгляд, несколько суровым, безжалостным, гротескным. Порою кажется, что в нем, на наш вкус, есть и немного грубости. Нас овевает абсолютно новый воздух — но не раз при веселой сцене вспоминается, что где-то рядом, очень близко, живет болезненная человеческая трагедия. Слезы, которых мир не видит, прикрываются смехом. И Аверченко смеется над людьми, но не над их словами, а скорее изображает комический тип, чем мечет впустую словесные остроты. И там, где он использует старые, проверенные юмористические средства, замены персонажей, ошибки, недоразумения (да и невозможно, чтобы в сотнях его произведений было все оригинальным и свежим), он способен оживить ситуацию и без размазывания подчеркнуть ее главные черты.

Но карикатурист может быть хищным, безжалостным разрушителем, мстящим обществу тем, что указывает на его неправильность и никчемность. В зарисовках Аверченко нет этой хищной беспощадности: в них присутствует скорее доброжелательная улыбка над человеческой комедией, примиряющая и прощающая. Мир сам по себе достаточно несчастный, комический, извращенный — зачем еще повышать его безумство, стремясь рубить с плеча и утомлять себя трагическими движениями? Не лучше ли усмехаться над всем жизненным убожеством? Ломоть теплого хлеба приятнее съесть, если он посыпан сахаром, а не крысиным ядом.

М.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО: О ЕГО ТЕАТРЕ ЮМОРА*

Гладко выбритое лицо с чувственными, по-гурмански шевелящимися губами, с которых, вполне соответствуя выражению лица, слетают чаще всего нежно-льстивые, даже по-женски тонкие, по-сибаритски мягкие звуки. Он играет с оттенками в интонациях слов, так сказать, холодно, не меняя выражения лица, с усталым разочарованным взглядом измученного рутиной комедианта, но если изредка улыбка и оживит эту маску, на ней замирает привычная гримаса любителя наслаждений. Он смотрит на привлекательную женщину, с которой он завязывает знакомство на скамейке в парке, так же, как искушенный пьяница смотрит на бокал доброго вина, и твердый отказ, который он услышит от нее, вызывает на его лице смешное выражение человека, у которого неожиданно сорвалось запланированное и уже заранее прочувствованное удовольствие. Таков и есть настоящий Аверченко, принесенный волной русской эмиграции пред наши очи и полностью отвечающий представлению, которое мы составили по его слегка импровизированной юмористической продукции, попавшей в нам задолго до войны, — представлению о веселом собеседнике, использующем весьма расчетливо все слабые стороны своей публики.

Но все же при создании его образа мы кое о чем забыли. На носу его сидит старомодное пенсне, которое уже давным-давно не носят и которое у конферансье из кабаре сегодня может быть лишь намеренным анахронизмом. Такое пенсне носил когда-то достопамятный А.П. Чехов, и кажется, что так Аверченко кокетничает с образом своего великого предшественника. Это пенсне в черной костяной оправе могло быть единственным, что объединяет Аверченко и Чехова. Но Аверченко, похоже, унаследовал и чеховские стекла для наблюдений за человеческими смешными чертами и слабостями, но сквозь них смотрят отнюдь не те серьезные, задумчивые глаза, которые мы знаем по портретам Чехова, под ними внизу, под прямым, благородной формы носом не смыкаются плотно те нежные, будто бы всеми произне-

* Рецензия на вечер А.Т. Аверченко в Сословном театре 26 сентября 1922 г..

сенными одухотворенными словами отшлифованные губы патриарха современной русской литературы... В этом-то и заключается вся огромная разница!

Аверченко в Сословном театре представил нам себя как рассказчика анекдотических мелочей, а также как актера в инсценировках юмористических эскизов, которые показал вместе с несколькими другими актерами. После гастрольных представлений Московского Художественного театра и московской Студии этот вечер в духе кабаре может стать аналогией в сравнении, каким является сам Аверченко по отношению к Чехову. Для актеров игра не представляла особых трудностей, поскольку инсценированные эскизы развивались почти монологически. Из программы заслуживает особого внимания забавная идея «Самоубийцы», где для излечения самоубийцы его приятель начинает зариться на его имущество, будто бы тот уже умер, и приводит его при помощи данной методы к отчаянному решению не лишать себя жизни, и легкая сценка «Старика», где хозяин и слуга меняются ролями пьяного, требующего деликатного обхождения. В целом оказалось, что юморески Аверченко лучше читать, чем слушать, даже если на сцене выступает сам автор. К слову, даже к случаю сочиненный «Мученик», где Аверченко говорил по-чешски, был бы совсем не смешным.

ВЕЧЕР АВЕРЧЕНКО

(В Сословном театре 26 сентября 1922 г.)

Аркадий Аверченко организовал в Сословном театре вечер своих коротких драматическх сценок и этюдов, в качестве введения к которому или рекламы написал в «Prager Presse» короткое юмористическое эссе о чехе. Очень характерное для него. Там идет речь о том, как он хотел вывести из равновесия миролюбивого приятеля чеха и как пытался рассердить его, несколько раз опорочив. Ничего не хотелось Аверченко столь сильно, как того, чтобы чех в ответ вспылил, а он бы мог спокойно реагировать на вспышки его гнева. Действительно, все юмористические сценки и этюды, попавшие в программу Аверченко в Сословном театре имеют эту типичную черту: против возбужденного, возмущенного,

выведенного из равновесия человека выступает другой — невозмутимо спокойный — и унимает его или берет над ним верх безопасностью своего самообладания.

...Спокойствие аверченковских людей имеет разный характер и природу; иногда это спокойствие взрослой умудренности, которая научилась прощать чужие ошибки и слабости, иногда — спокойствие душевной надменности, горделиво взирающей на разгоряченную болтовню; временами — спокойствие неразумной самоуверенности, чересчур полагающейся на собственный ум; спокойствие внутреннего равнодушия, которому ни до кого и ни до чего нет дела; спокойствие развлекающегося наблюдателя, который человеческое возмущение и раздражение воспрнинимает как увлекательное театральное представление. Но всегда в этом спокойствии есть абсолютная уверенность в том, что возмущение утихнет, что возбуждение и вспыльчивость — это нечто мимолетное, суетное, неразумное, а если бы мы углубились в психологию произведений Аверченко, то нашли бы в лучших из лучших его рассказов уверенность во всепобеждающей жизни, которая сама по себе сглаживает заблуждения, грехи и обиды. Этой уверенности предшествовало глубокое изучение человеческой натуры во всех ее проявлениях, изучение выпестованной столькими десятилетиями русской литературы; но все же Аверченко не должен слишком долго задерживаться у своих людей, потому что они уже все давно вдоль и поперек изучены. Однако в «Мученике» Аверченко приписал чеху спокойствие, которое невозможно нарушить заманиванием соблазнительной прелестницы, перенес на него всю лучшую суть своей юмористической трактовки. Он вложил в чеха часть собственного личного идеала.

Его драматические сценки, взятые из обычной ежедневной жизни, не требуют участия особенно выдающихся актеров, а всяких там жоржиков, парковых франтов и «мучеников» вполне может играть и сам Аверченко — стройный, мужественный, статный, красивый, немного похожий на нашего Эдуарда Басса, только более холодный и серьезный, менее подвижный, скорее, со скрытой веселостью. Из помощников Аверченко стоит упомянуть г. Владимирова, который играет отчаявшегося Билевича, г. Бичурина, как он проводит роль взъерошенного Берегова с его купеческой оценкой

окружающего мира, г. Искольдова в роли сухого, черствого Перепелицына, г. Минина — ярко представляющего старого чванливого Макосова. Из дам действительно выделяется брюнетка г-жа Раич — нежным образом суетливой, мятежной писательской жены, в ней, как внутренний прибой, до издевательского изображения поднимается удовлетворение, и в быстрых колебаниях расходится в двойном потоке: по отношению к мужу и по отношению к воображаемому любовнику.

В целом вечер был не особенно блестящий, но освежающий и поучительный.

Приложение 4

Петр Пильский

Аркадий Аверченко

Аверченко приехал к нам три года тому назад. Это было в феврале 1923 г. Вместе с актером Искольдовым и его женой, актрисой Раич он совершал театральное турне: ставил свои пьесы, сам в них играл, со сцены читались его рассказы. Вечера проходили с успехом. Потом тотчас же по приезде он пришел в редакцию. Мы встретились после многих лет разлуки, не видав друг друга более пяти лет. Аверченко был все тот же.

Ах, конечно, я говорю не о человеке, не о друге, не о писателе. Тут не могло быть никаких неожиданностей, никаких превращений и утрат. Но и внешне он оставался таким же, каким я знал его 17 длинных лет.

Между прочим, за весь этот период судьбе было угодно сводить нас в самых неожиданных местах. В 1909 г. я попал в Харьков, туда приехал Аверченко. Потом, через несколько лет мне пришлось пожить в Киеве, и тут опять произошла наша встреча. Через некоторое время мы снова сидели в его номере в одесской гостинице «Лондонская» . Затем я жил в Москве, но судьба занесла Аверченко ко мне и сюда.

Теперь последнее свидание произошло уже в Ревеле, и опять все дни его пребывания здесь мы провели, не разлучаясь, вместе.

Ни выражение лица, ни общий тон речи и отношений к жизни, ни доверчивая искренность, ни веселый, чуть-чуть

лукавый смех, ни его льющееся остроумие ничего не утратили в своем прежнем облике и своей светлой красоте.

Эта неделя мне особенно памятна. Ему Ревель понравился. Его прельщала старина, эти узкие улицы, древние здания, ратуша, люди. Но и ревельцы сумели окружить его лаской, теплом и любовью. Аверченка приглашали наперерыв.

Потом, когда он уехал, о нем долго и много вспоминали, и я часто получал поручения посылать ему поклоны и приветы в письмах и однажды две милые дамы приказали мне передать ему «поцелуй в лоб». Я ему об этом написал. В своем юмористическом ответе (все его письма ко мне носят юмористический характер) он выражал недоумение: «Ты пишешь: "Н. и Н. целуют тебя в лоб"» (?!) ... Милые старомодные чудачки! Не могли найти другого места. О, как они выгодно выделяются на нашем разнузданном фоне, и т.д.

Мой глаз приятно подмечал в Аверченке ту мягкую естественную, природную воспитанность, которая дается только чутким и умным людям. Его очарование в обществе было несравнимо. Он умел держать себя в новой и незнакомой среде легко, в меру свободно, неизменно находчивый, внимательный, ясный, равный и ровный со всеми и для всех. Это большое искусство, им может владеть только талантливая душа, и Аверченке был дан дар пленительного шарма. Он покорял. Но рядом с этой веселостью, внешней жизнерадостностью теперь в его отношения к людям вплелась еще одна заметная нить: он был внимателен и заботлив к другим. Правда, отзывчивость всегда была одной из его прелестных черт. Теперь она стала углубленной, преобразившись из готовности откликнуться в искание возможности понять, помочь и услужить. Прежде он не мог отказывать, сейчас он не мог отказать себе в удовольствии быть полезным.

Из его писем я знаю, какие хорошие воспоминания он сохранил о Ревеле. Через год я его звал сюда для общей работы в газете. Между прочим, я прибавлял, что крупного аванса ему не вышлют. Он ответил мне все в том же юмористическом тоне: «...Письмо твое получил, но что я мог ответить, если в главном месте своего письма ты тихо

и плавно сошел с ума. Будь еще около тебя, ну... пощупал бы лоб, компресс приложил, что ли. А что можно сделать на расстоянии? Ты, конечно, с захватывающим интересом ждешь: что же это за место письма такое? А место это вот какое (ах, ты ли это писал?): «Разумеется о том, чтобы выслать тебе большой аванс, — не может быть и речи». Скажи: друг ты мне или нет? Как же у тебя повернулась рука написать такое? Да где же это видано, чтобы человека с моим роскошным положением и телосложением приглашали, как полубелую кухарку?»

И заканчивал тоже юмористически: «Эх, брат, горько мне! А получи я гарантию — да я бы к тебе на бровях дополз...»

Тогда он уже был очень недурно устроен в Праге и все-таки это согласие перебраться в Эстонию у него было не простым словом вежливости, а действительно выражением самого искреннего желания.

И в смысле художественном, и в смысле материальном выступления Аверченко проходили с отличным успехом и завидными результатами. Он сделал несколько прекрасных сборов и в Ревеле и в Юрьеве, отовсюду унося с собой самые отрадные впечатления. Слегка, чуть-чуть его огорчила только Нарва. Ему показалось, что с его спектакля взяли слишком большой налог. И с своей обычной беззаботностью, добродушно подсмеиваясь, он написал об этом фельетон, а в нем говорил: «Все знают, что я известен своей скромностью по всему побережью. Но вместе с тем не могу удержаться, чтобы не похвастать: есть такой город, который я содержу на свой счет! Этот город — Нарва. Я приезжаю в город, привожу свою труппу, выпускаю афишу, снимаю театр, в день своего вечера играю пьесы, читаю рассказы, получаю за это деньги и потом... все деньги аккуратно вношу нарвским отцам города. На мои деньги эти отцы благоустраивают мостовые, проводят электричество, исправляют водопровод и... ах, да мало ли у города Нарвы насущных нужд! И обо всем я должен позаботиться, все оплатить. Хлопотливая штука!»

Конечно, и тут не было никакой гневности. Аверченко шутил. Нарвцы это так и поняли. Кто-то прислал оттуда ответную полемическую статью, но и она тоже была не-

злобной, а веселой. Редакция не поместила ее, не желая длить полемику между нашим гостем и городом, взыскавшим все же совершенно законный налог.

Во всяком случае турне по Эстонии для него не было утомительным. Для него эта неделя прошла незаметно. Его не беспокоили, к нему не стучались, ему не надоедали. Но вообще эта новая профессия, временная профессия актера для него была тяжела.

Всю свою жизнь Аверченко провел независимо, оставаясь вольной птицей, издатель и редактор собственного журнала, широко расходившегося, приносившего большие и легкие деньги. Как страстно ни любил Аверченко театр, — крепко связанный с ним многоразличными узами автора, зрителя, друга, — доля кочующего актера была не по нем и не для него.

Перед началом первого спектакля я зашел к нему в уборную. Он был почти готов к выходу и стоял, оправляясь перед зеркалом. На нем был чудесно сшитый фрак. Когда я ему об этом сказал, он с улыбкой, поправив свое неизменное пенсне, ответил:

— Да, все воспоминания прошлого хороши. Теперь уж такого не сшить.

И вот тут, в эти короткие минуты, оставшиеся до поднятия занавеса, он пожаловался мне на свою актерскую тяготу. Ему были неприятны эти однообразные повторения одних и тех же пьес, эти переезды, упаковки и распаковки чемоданов, номера гостиниц, афиши, хождения за визами. Особенно надоедало играть свои собственные вещи.

Последний раз мы пообедали в «Золотом льве», там же, где он остановился. Все было уже уложено. Чемоданы стояли внизу, в передней. Поезд отходил в 6 вечера.

Мы поехали на вокзал и там простились.

Смеясь, он, между прочим, сказал мне:

— Лучший некролог о тебе напишу я. — И шутливо прибавил: — Вот увидишь.

— Подожди меня хоронить, — ответил я. — Мы еще увидимся.

Но увидеться было не суждено, и некролог пришлось писать не ему обо мне, а мне о нем.

Сейчас я смотрю на его карточку. Сильная кисть правой руки чуть-чуть собранная в полукулак, уперлась в подбородок; сквозь пенсне без шнурка смотрят задумчивые, добрые глаза; милая голова милого человека чуть-чуть склонилась вниз. На другой стороне карточки смелая и правдивая надпись, продиктованная верным сердцем.

КОММЕНТАРИИ

В настоящий том входят драматургические произведения Аверченко, созданные им в 1916–1924 гг., а также сочинения этого периода, так или иначе освещающие обстоятельства творческой жизни писателя, особенно в эмигрантский период, когда он находился в странах Европы, преимущественно в Чехословакии.

Издательство и составитель приносят глубочайшую признательность за помощь и участие в настоящем издании исследователей творчества А. Аверченко В.Д. Миленко (Севастополь) и А.Е. Хлебину (Прага).

ПОД ХОЛЩЕВЫМИ НЕБЕСАМИ (1916)

Сборник составил т. V! Театральной библиотеки «Нового Сатирикона», вышедший в 1916 г., в Петрограде. Печатается по указанному изданию.

ДВОЙНИК

Пьеса в 2-х действиях

В основе пьесы одноименный рассказ, впервые напечатанный в журнале «Сатирикон» (1909, № 22), а затем вошедший в сборник «Рассказы (юмористические)». Кн. 1, СПб., 1910.

Пьеса входила в репертуар Литейного театра в Петрограде.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

Пьеса в 1-м действии

Пьеса была сыгнана в симферопольском летнем театре Городского сада 16 апреля 1920 г. при участии автора и М.С. Марадудиной (Таврический голос, 1920, 13 апреля, № 193 (343)).

Пьеса входила в репертуар Троицкого театра в Петербурге.

С. 29. *Здравствуй, ночь, молодая вакханка, как говорил Надсон.* — Подобной фразы у поэта С.Я. Надсона, разумеется, нет.

С. 37. *...красивый обман, фата моргана...*— Фата-Моргана (лат. — фея Моргана) — мираж, при котором из-зи горизонта возникают изображения предметов, обычно сильно искаженные. По старинной легенде, фея Моргана жила на морском дне и обманывала путешественников призрачными видениями.

ЖОРЖИК

Трио в 1-м действии.

На сцене севастопольского «Гнезда перелетных птиц» пьеса впервые поставлена 23 апреля 1920 года, в рамках юбилейного вечера Аркадия Аверченко, при участии автора (Юг России, 22 апреля, № 21 (214)). Ставилась в Симферополе, в летнем театре Городского сада 23 июня 1920 г. (в главной роли автор). Премьера в Константинополе состоялась 17 февраля 1921 года на сцене «Гнезда перелетных птиц», в главной роли выступил автор («Presse du soir», 1921, 17 fevrier, № 39). В Праге показана 26 сентября 1922 г. в Сословном театре, в главной роли — автор (афиша выступления, Архив Национального театра в Праге).

ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

Сцена в 1-м действии

В основу пьесы положен рассказ «День госпожи Спандиковой» (впервые: Сатирикон, 1909, № 18). Позже рассказ вошел в сборник «Рассказы (юмористические)». Кн. 1. СПб., 1910.

Пьеса входила в репертуар Троицкого театра в Петербурге.

С. 54. *...сарпинку за ситчик принимать.* — Сарпинка — полосатая или клетчатая хлопчатобумажная ткань из окрашенной пряжи.

...зонтик у нее... алипаговый...— Очевидно, имеется в виду — альпака — тонгая плотная шелковая ткань с гладким матовым фоном и блестящим рисунком в виде цветов или геометрических фигур.

СЕРДЦЕ МОЛОДОЙ ДЕВУШКИ

Пьеса в 1-м действии

Была опубликована в нескольких сборниках писателя и ставилась в различных театрах под названием «Макс». В Севастополе шла 1 и 2 января 1920 г. в рамках гастролей А.Н. Вертинского в театре «Ренессанс» (Юг, 1920, 1 января, № 128). Рецензенты писали: «В новогодней программе приятно отметить довольно остроумную шутку Аркадия Аверченко «Сердце молодой девушки». Шумский пользуется вполне заслуженным успехом. Выделяется стройная пара гг. Лорэн и Князев» (Вечернее слово, 1920, 3 января, № 7). В Константинополе и во время европейских гастролей пьеса шла под названием «Макс», в главной роли всегда выступал автор. Вошла в программу первого вечера юмора Аверченко в Праге, состоявшегося 3 июля 1922 г. в Муниципальном доме (K večeru Arkadije Averčenka//České slovo (Praha), 1922, 30. červenrec).

В Праге вошла в программу второго вечера юмора Аверченко, состоявшегося 26 сентября 1922 г. в Сословном театре (афиша выступления, Архив Национального театра в Праге).

Пьеса входила в репертуар Троицкого театра в Птербурге.

С. 63. *Настоящий Муций Сцевола...* — Согласно античному преданию, римский герой, — юноша, пробравшийся в лагерь этрусков, чтобы убить царя Порсену. Его схватили. Желая показать презрение к боли и смерти, Сцевола сам опустил правую руку в огонь.

ГАЛОЧКА

Инсценированный рассказ в 1-м действии

Рассказ «Галочка» впервые был опубликован в журнале «Новый Сатирикон», 1915, № 8. Позже рассказ вошел в сборник «О маленьких — для больших» (1916).

Пьеса входила в репертуар Троицкого театра в Петербурге.

ЧУДАКИ НА ПОДМОСТКАХ
Новая книга пьес и скетчей для сцены и чтения (1924)

Впервые сборник вышел в Петрограде в 1918 г. в издательстве «Новый Сатирикон» с подзаголовком «Сборник пьес и монологов».

В настоящем собрании сочинений печатается по изданию, выпущенному издательством «Просвещение», София, 1924.

Пьесы из данного сборника «Птичья головка» и «Телефон номер такой-то» не включены в данный том, поскольку они входили в состав сборника «Без суфлера» (первая под названием «Когда женщина захочет» и вторая — под неизмененным названием). Они напечатаны в томе 7 настоящего собрания сочинений.

Многие пьесы и скетчи из настоящего сборника, впервые были поставлены в театре-кабаре «Гнездо перелетных птиц» — небольшом театре, организованном еще в Севастополе, затем переместившимся в Константинополь. Кто был его основателем и душой, сомнения не вызывает. Конечно, Аркадий Аверченко, хотя, быть может, существовали и другие претенденты на эту роль.

О театральной деятельности Аркадия Аверченко в Крыму 1919–1920 гг. свидетельствуют анонсы и рецензии в севастопольских газетах «Юг» (с 24 марта 1920 г. — «Юг России»), «Вечернее слово», «Крымский вестник», симферопольском «Таврическом голосе» и др. В Севастополе писатель выступал на сценах зимнего Городского собрания (ул. Большая Морская, 2), Морского собрания (пл. Нахимова), театра «Ренессанс» на Нахимовском проспекте 2 апреля 1920 года в прессе впервые упоминается театр «Гнездо перелетных птиц» в связи с проводимым в этот день бенефисом М.С. Марадудиной, актрисы разговорного жанра (Юг России, 1920, 2 апреля, № 5 (198)). Театр работал по адресу: ул. Екатерининская, 8 (ныне ул. Ленина, 4). Аверченко был связан с этим театром последние крымские месяцы 1920 г., а затем возродил его в Константинополе и руководил им совместно с В.П. Свободиным, бывшим артистом московского Малого театра. К моменту ликвидации предприятия труппа

состояла из 10 актеров, вместе с которыми руководители театра отправились на гастроли в Софию, затем в Белград. В Прагу Аверченко прибыл в сопровождении двух актеров «Гнезда перелетных птиц»: Евгения Искольда (сценическое имя Искольдов) и его супруги Раисы Павловны (сценическое имя Раиса Раич). Они выступали вместе с писателем во время гастролей по Чехословакии, Прибалтике, Польше, Румынии в 1922–1924 гг.

ПРИГЛАШЕНИЕ В КОНЦЕРТ

Варианты названия пьесы: «Приглашение на благотворительный концерт», «Как меня приглашают на благотворительный концерт».

В Севастополе ставилась в театре «Ренессанс» на вечере юмора писателя 13 января 1920 года. Была разыграна самим Аверченко и М.С. Марадудиной (Юг. 1920. 12 янв. № 136). Входила в репертуар константинопольского «Гнезда перелетных птиц». В Праге была включена в программу первого выступления Аверченко, состоявшегося 3 июля 1922 г. в Муниципальном доме, с автором в главной роли (K večeru Arkadije Averčenka// České slovo (Praha), 1920, 30 červenec).

С. 78. *...когда бы жизнь домашним кругом...* — не точно цитируется строфа XIII четвертой главы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

С. 80. *Уж полночь, а Германа все нет...* — искаженная фраза из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама», написанной на сюжет повести А.С. Пушкина.

С. 81. *А как у вас хорошо выходит «Русалка»!* — «Русалка» (1855) — опера Александра Сергеевича Даргомыжского (1813–1869), написанная на тему драмы А.С. Пушкина «Русалка» (1828–1832), напечатанной уже после смерти поэта.

СЕРДЦЕЕД

Диалог

Премьера спектакля в севастопольском «Гнезде перелетных птиц» состоялась 1 июня 1920 г. В главной роли — автор (Юг России, 1920, 31 мая, № 51 (244)). В Симферополе

прошла 25 июня 1920 г. на сцене летнего театра Городского сада в рамках вечера юмора «Симферополь в гостях у писателя». В главной роли автор. Входила в репертуар константинопольского «Гнезда перелетных птиц» (в ролях автор и Е.В. Бучинская, дочь Н.А. Тэффи). В Праге была показана 26 сентября 1922 г. в Сословном театре (афиша выступления, Архив Национального театра в Праге).

ДРАМА В ДОМЕ БУКИНЫХ

Ставилась в севастопольском «Гнезде перелетных птиц» во второй половине июня 1920 г. Входила в репертуар константинопольского «Гнезда перелетных птиц».

САМОУБИЙЦА

Комедия в 1-м действии

В основе пьесы лежит рассказ «Лошадиное средство», опубликованной в сборнике «Синее с золотом» (1917).

В Севастополе комедия впервые поставлена при участии автора в кабаре «Дом артиста» 29 сентября 1919 г. под названием «Лекарство от глупости» (Юг, 1919, 29 сентября, № 53). Затем ставилась в ходе вечера юмора писателя 13 января 1920 г. в театре «Ренессанс» под названием «Самоубийца». Анонсировалась как «новая, еще не шедшая в Севастополе»: «Для участия в ней приглашены артисты бывших императорских театров Н.В. Ангаров и М.Я. Муратов» (Юг, 1920, 12 января, № 136). В Симферополе прошла 25 июня 1920 г. на сцене летнего театра Городского сада в рамках вечера юмора «Симферополь в гостях у писателя». В Праге вошла в программу второго вечера юмора Аверченко, состоявшегося 26 сентября 1922 г. в Сословном театре (афиша выступления, Архив Национального театра в Праге).

ЗНАМЕНИТЫЙ ПАНОКТИКУМ

Скетч

Премьера под названием «Провинциальный паноптикум» состоялась на сцене константинопольского «Гнезда перелетных птиц» 2 марта 1922 г. («Presse du soir», 1922, 2 mars, № 35).

С. 103. *Паноптикум* (греч.) — собрание уникальных предметов, редкостей (восковых фигур, диковинных, причудливых

существ и т.п.). В дореволюционной России паноптикумы привлекали невзыскательную малообразованную публику и вместе с тем хоть в какой-то мере способствовали просвещению народа. Ловкие проходимцы пользовались простодушием посетителей и несли всякую чушь по поводу представляемых предметов, зачастую не являющихся вовсе редкостью. Скетч высмеивает один из таких балаганов.

С. 104. *...полюбуемся на тот гвоздь, которым его сиятельство князь Олег прибил щит на вратах Царьграда...*— Олег (ум. в 912 г.) — древнерусский князь. По данным летописи в 907 г. во главе большого войска совершил по морю и по суше успешный поход в Византийскую империю и повесил свой щит, «показующе победу», на воротах столицы Византии Константинополя (Царьград). О князе Олеге сложено много легенд, одной из которых воспользовался Пушкин в «Песне о вещем Олеге».

С. 105. *...когда Вильгельм Телль стрелял в голову своего сына...* Вильгельм Телль (ум. 1354) — швейцарский герой, крестьянин кантона Ури, стоял во главе тайного заговора против Габсбургов. Согласно швейцарской народной легенде был принужден габсбургским должностным лицом Геслером сбить стрелой из лука яблоко с головы своего маленького сына. Выполнив это, Телль убил Геслера, что послужило сигналом к народному восстанию. Легенда Вильгельма Телла легла в основу одноименной драмы Фридриха Шиллера (1759–1805), написанной в 1805 г.

Швейцарами назывался народ...— Швейцар — сторож у дверей подъездов гостиниц, ресторанов, учреждений и жилых домов. Швейцарцами называются жители Швейцарии.

...перо, которым Лестор Нетописец...— Директор паноптикума вообще не понимает, что говорит, искажая имя жившего в XI – начале XII в. в Киево-Печерской лавре Нестора, древнерусского писателя, монаха, прозванного Летописцем. Он был автором житий князей Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, «Повести временных лет» и др.

С. 106. *Онегин, я скрывать не стану...*— Бессмысленный набор искаженных фраз из арии Гремина, письма Татьяны Лариной Онегину и т.п. в опере «Евгений Онегин» П.И. Чайковского.

Люблю грозу в начале мая...— бессвязный набор фраз из различных произведений Ф.И. Тютчева, А.С. Пушкина.

КЛЮЧ

Комедия в 1-м действии

Комедия ставилась в севастопольском «Гнезде перелетных птиц» во второй половине июня 1920 г. Входила в репертуар константинопольского «Гнезда перелетных птиц». 26 сентября 1922 г. была показана в Праге в Сословном театре в программе «спектакля юмора» (афиша выступления, Архив Национального театра в Праге).

ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ КОСТЬ

Комедия в 1-м действии

Премьера состоялась 4 января 1920 г. в севастопольском театре «Ренессанс». Была написана для бенефиса артиста Е.А. Алмазова (Юг, 1920, 1 января, № 128). Бенефициант играл роль швейцара Чебурахова.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ «БОЧКИ КРАСНОГО ВИНА» И «ФЛИРТА РОЗЕНБЕРГА»

Две небольших пьески Аверченко счел необходимым снабдить небольшим предисловием, вероятно для того, чтобы его не могли упрекнуть в антисемитизме.

С. 128. *Есть «Самсон и Далила».* — Автором оперы «Самсон и Далила» (1876) был французский композитор Камиль Сен-Санс (1835–1921).

Рак? Красный? На море? — в море раки не водятся, кроме того, красными они становятся после того, как их отварят, живые раки имеют серовато-зеленоватый цвет.

БОЧКА КРАСНОГО ВИНА

Мозаика

Входила в репертуар константинопольского «Гнезда перелетных птиц».

ФЛИРТ РОЗЕНБЕРГА

Анекдот в 1-м действии

Пьеса была написана для рождественской программы константинопольского «Гнезда перелетных птиц» в январе 1922 г. (Presse du soir, 1922, 5 января, № 4).

ЖЕНЩИНА И ВОР

Пьеса входила ранее в сборник «Без суфлера» под названием «Женщина, достойная уважения».

В севастопольском «Гнезде перелетных птиц» впервые поставлена 9 июня 1920 г. (Юг России, 1920, 9 июня, № 58 (251)). Сыграна в Симферополе в летнем театре Городского сада 23 июня 1920 г.

ИГРА СО СМЕРТЬЮ (1919–1923)

Комедия в трёх действиях

Впервые напечатана в 1923 г. в Праге на чешском языке в авторизованном переводе Винценца Червинки.

На русском языке публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

При подготовке к печати учтены изменения, внесенные автором в чешском переводе.

Об обстоятельствах, в каких была написана пьеса, автор сообщает в кратком послесловии «Моя пьеса “Игра со смертью”». Это послесловие также публикуется впервые.

Осуществлению публикации на русском языке способствовали чешские коллеги: директор Национальной библиотеки в Праге доктор Лукаш Бабка.

Премьерный показ в Севастополе был приурочен к рождественским праздникам 1920 г. Пресса информировала: «Новая трехактная пьеса Арк. Аверченко «Игра со смертью» отдана автором труппе театра «Ренессанс». Пойдет пьеса после Рождества» (Юг, 1919. 21 декабря, № 162). Далее: «В новой пьесе Арк. Аверченко «Игра со смертью» роли распределены между первыми персонажами труппы театра «Ренессанс». Талдыкин — Е.А. Алмазов, Глыбович — Влад. Пе-

типа, жена Талдыкина — Туркестанова, Зоя — Скокан. Для роли писателя Казанцева приглашен артист б. императорского московского Малого театра — Скрябин. Режиссирует Влад. Петипа при сотрудничестве автора» (Юг, 1920, 2 января, № 129). Премьера состоялась 7 января 1920 года в театре «Ренессанс». Последний, четвертый показ прошел 20 января 1920 г. Премьера в Симферополе состоялась 24 июня 1920 г. на сцене летнего театра Городского сада. В Чехословакии состоялись две постановки на чешском языке: 16 ноября 1922 г. — премьера в Моравско-Силезском театре в Остраве, 29 ноября 1922 г. — в пражском Городском театре на Королевских Виноградах. В Праге пьеса шла 15 раз, в начале 1923 г. была поставлена в театре чешского города Турнов. Показывалась в рамках европейских гастролей Аверченко в рижском Театре русской драмы 23 января 1923 года, в ходе бенефиса Е.А. Маршевой.

МОЯ ПЬЕСА «ИГРА СО СМЕРТЬЮ»

С. 205. *Я ее написал в 1919 году, скрываясь от захвативших Севастополь большевиков...*— Писатель приехал в Севастополь в начале февраля 1919 г., а три месяца спустя, когда в Крым прорвались красные части под командованием П.Е. Дыбенко, оказался «под вторыми большевиками». Он имеет в виду период с середины апреля по 23 июня 1919 года.

С. 206. *Я очень счастлив, что перевод попал в руки талантливого В. Червинки...*— Винценц Червинка (Vincenc Červinka) (1877–1942) — известный чешский журналист, переводчик, театральный и литературный критик. Многие годы работал в чехословацкой газете «Народни листы». В 1919 г. находился в Сибири с чехословацкими легионерами. В 1919–1933 гг. в издательстве Отто руководил серией «Русская библиотека», где выпускались книги как русских эмигрантов, так и советских писателей. На чешский язык первым перевел произведения Л. Андреева, И. Бунина, Вас. Немировича-Данченко, В. Брюсова, М. Булгакова, В. Катаева, М. Зощенко и др.

И мне приятно, что пьесу впервые увидят при свете рампы чехи...— А. Аверченко, готовя чешскую постановку «Игры со смертью», создавал иллюзию того, что пьеса еще

не была инсценирована. За неделю до пражской премьеры автор заявил прессе о том, что «пьеса написана в этом году весной» и «эта комедия в русском оригинале до сих пор нигде не ставилась» (Averčenko do Berlina //Národni listy (Praha), 1922, 22 řijem).

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

В этом разделе собраны драматургические произведения, которые при жизни А. Аверченко не были напечатаны или же публиковались только в периодической печати.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ
(Дамское вышивание по бумаге)
Диалог

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

Представляет собой вариант пьесы «1812 год», входившей в сборник «Записки театральной крысы» (1915).

ЕВРЕЙСКИЙ РЕСТОРАН

Премьера пьесы прошла в константинопольском «Гнезде перелетных птиц» (в ролях В.П. Свободин и А. Салама) 24 января 1921 г. (Presse du soir, 1921, 24 janvier, № 18).

С. 217. *...у меня кушала... знаменитая... М.Г. Савина...*— имеется в виду Мария Гавриловна Савина (1854–1915) — знаменитая драматическая актриса; с 1874 г. — в Александринском театре С.-Петербурга; участвовала в организации Русского театрального общества; основала убежище для престарелых артистов (ныне Дом ветеранов сцены).

Она называется «Идиот»...— Имеется в виду роман Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868) и инсценировка романа.

...что представляли вчера... «Ольгу Николаевну»...— «Ольга Николаевна» (1916) — пьеса А. Аверченко; см. настоящий том, с. 26–37.

То — «Екатерина Ивановна». — Имеется в виду пьеса Леонида Николаевича Андреева (1871–1919), написанная в 1912 г. и поставленная во многих театрах России.

С. 218. *Но... хуже Юшкевича.* — Имеется в виду Семен Соломонович Юшкевич (1868–1927), прозаик и драматург, автор многих романов и пьес из еврейского быта. Его пьесы «Комедия брака» (1910), «Драма в доме» (1913), «Человек воздуха» (1915) и другие, пронизанные теплым юмором, пользовались большим успехом у зрителей.

СТАКАН ЧАЮ

Пьеса в 1-м действии

Написана на основе одноименного рассказа, впервые опубликованного в вып. 74 Дешевой юмористической библиотеки «Сатирикона» в 1912 г.; см. настоящее издание, т. 4.

Премьера прошла в севастопольском «Гнезде перелетных птиц» 11 июня 1920 г. (Юг России, 1920, 11 июня, № 60 (253)).

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

ХВОСТ ЖЕНЩИНЫ

Трагедия в 1-м действии и 2-х картинах

Пьеса написана на основе одноименного рассказа, опубликованного в сборнике «Синее с золотом».

В севастопольском «Гнезде перелетных птиц» впервые поставлена 9 июня 1920 г. при участии автора (Юг России, 1920, 9 июня, № 58 (251)).

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Мелодраматическое представление в 3-х картинах

Публикуется впервые. Пьеса написана на основе рассказа «Сухой праздник», опубликованного в сборнике «Осиновый кол на могилу зеленого змия» (1915).

СИЛА КРАСНОРЕЧИЯ

Диалог в 1-м действии

Публикуется впервые. Инсценировка одноименного рассказа из сб. «О хороших, в сущности, людях» (1914); см. наст. изд., т. 5.

Премьера состоялась на сцене константинопольского «Гнезда перелетных птиц» 2 марта 1922 г. (Presse du soir, 1922, 2 mars, № 35).

МОСКВИЧКА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Диалог в 1-м действии

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

В Севастополе ставилась на вечере юмора писателя 13 января 1920 года в театре «Ренессанс». Коменданта исполнял Аверченко, «москвичку» — М.С. Марадудина (Юг, 1920, 12 января, № 136). Входила в репертуар константинопольского «Гнезда перелетных птиц». Была в программе первого выступления Аверченко в Праге 3 июля 1922 г. в Муниципальном доме (рукопись: Averčenko Arkadij: K večeru. — Мемориал национальной литературы / Památník národního písemnictví, Прага).

С. 246. *Canaille!? Что вы сказать...*— Canaille (фр.) — негодяй.

...et voilà tout! — вот и все! (фр).

ОДЕССКИЙ ЯЗЫК

Сцена в 1-м действии

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

С. 248. *Лина Кавальери. Видели вы такую красавицу?..* — Лина (полное имя — Наталина) Кавальери (1874–1944) — итальянская оперная певица (сопрано) и одна из первых фотомоделей в мире; родилась в бедной семье, с 13 лет пела в маленьких кафе; затем в крупных кабаре, в частности в «Фоли-Берже» в Париже. Оперная карьера началась в конце IX в. Выступала на сценах многих городов мира — Парижа, Лондона, Милана, в Санкт-Петербурга и др. Написала несколько книг. Открытки с ее изображением выпускались миллионными тиражами. Считалась первой красавицей мира.

С. 249. *... напевает Танец Анитры.* — Норвежский композитор Эдвард Григ (1843–1907) написал две сюиты к драме драматурга Генрика Ибсена «Пер Гюнт». В одной из них отражается сюжет, когда перед глазами героя — Пер Гюнта во время его путешествия по Аравийской пустыне возникает образ дочери короля пустыни Анитры, танцующей перед путниками свой любимый танец. Музыка Эдварда Грига, в частности «Танец Анитры», была хорошо известна и популярна в России.

ВИЗИТ ПО САМОУЧИТЕЛЮ

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

Пьеса написана примерно в 1921 г.

НАХАЛ

Сцена в 1-м действии

Написана на основе раннего рассказа.

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

КРАТКАЯ ЛЕКЦИЯ О МУЗЫКЕ

Читалась автором в севастопольском «Гнезде перелетных птиц» 9 июня 1920 г. (Юг России, 1920, 9 июня, № 58 (251)).

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

ПРОЛЕТАРСКАЯ МУЗЫКА

Впервые опубликована в константинопольском журнале «Зарницы» 19 февраля 1921 г.

Премьерное чтение в «Гнезде перелетных птиц» состоялось 4 марта 1921 г. (Presse du soir, 1921, 4 mars, № 52)

Печатается по тексту газеты.

У ВОДЫ (*Балет*)

Премьера состоялась в константинопольском «Гнезде перелетных птиц» 4 марта 1921 г. (Presse du soir, 1921, 4 mars, № 52).

Печатается по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В этот раздел включены материалы, связанные с театральной деятельностью А.Т. Аверченко в последние годы на родной земле, а потом и в эмиграции. Некоторые из них никогда не публиковались, иные печатались в газетах. Большинство материалов связано с созданной писателем в Севастополе, театральной труппой «Гнездо перелетных птиц».

Приложение 1.
Из репертуара театра-кабаре
«Гнездо перелетных птиц»

В этот раздел помещены в основном не публиковавшиеся материалы. Разумеется, это лишь незначительная и не очень существенная часть репертуара, в который входили и пьесы Аверченко (напрнмер, «Москвичка в Константинополе»), и его лекции о музыке, и номера членов труппы.

Все материалы публикуются впервые по рукописи, хранящейся в фонде А. Аверченко в РГАЛИ.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАС

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в фонде А.Т. Аверченко в РГАЛИ. Название дано в редакции. Текст, очевидно, исполнялся в качестве вступительного слова на представлениях в кабаре «Гнездо перелетных птиц».

С. 273. *...сказать несколько слов pro domo sua.* — Pro domo sua (лат.) — в свою защиту.

...В.П. Свободин и я... — Владимир Павлович Свободин (1880–1935) до революции был актером московского Малого театра. В эмиграции в труппе А. Аверченко, один из наиболее активных сотрудников. Впоследствии играл в театрах Риги.

Вот краткий... мартиролог конферансье...— Перечисленные конферансье — плод фантазии Аверченко.

С. 274. *...остался в живых... Никита Балиев* — Никита Федорович Балиев (1876–1936) (наст. имя и фам. Мкртич Асвадурович Балян), актер, режиссер, конферансье,

театральный деятель, в 1906–1912 гг. — актер и режиссер в МХТ; в 1908 г. создал пародийный театр «Летучая мышь», переехавший в 1920 г. за границу. С этим театром Балиев объехал много стран.

С. 274. *Прежде всего госпожа Бучинская. Зовут ее Елена Александровна...*— Здесь ошибка Аверченко. Отчество Бучинской было Владиславовна. Младшая дочь Надежды Александровны Тэффи, Елена (1894–1967), Гуля (как ее звали дома), проявила таланты в самых разных областях: она была и танцовщицей, и рассказчицей, и актрисой, и писательницей.

Твардовская. Она происходит по прямой линии от того знаменитого Твардовского...— Имеется в виду польский дворянин XVI в., герой легенды; подобно Фаусту, продал душу дьяволу за сверхъестественные знания и могущество; спасся от уносившего его черта тем, что запел молитву, — но с тех пор до страшного суда должен висеть между небом и землей.

ЛУКАВЫЕ ПЕСЕНКИ

С. 275. *...Тэффи. Я не люблю женского творчества...*— (1872–1952) — одна из самых талантливых сотрудниц журнала «Сатирикон», прозаик, драматург, поэт. На протяжении почти двух десятков лет Аверченко сохранял с ней дружеские отношения и высоко ценил ее юмористический талант.

ТОСКА

С. 276. *Предсмертная ария Каварадосси.* — Одним из часто исполняемых номеров были пародийные куплеты на музыку оперы «Тоска» (1899) итальянского композитора Джакомо Пуччини (1858–1924). Куплеты отражали бытовые, а иногда и политические события текущей жизни и были всегда актуальны.

...tutto eperdutto (итал., испорч.) — все пропало.

РЕЦЕПТЫ БЕЖЕНСКОЙ КУХНИ

Эти рецепты, о которых говорили артисты с эстрады, всегда вызывали оживление в зале.

ПРИВЕТСТВИЕ

Это пародийное приветствие служило как бы «рыбой»,

каркасом, на который можно было нанизывать любые существующие и выдуманные факты, относящиеся к представляемому актеру.

Приложение 2.
Вокруг «Гнезда перелетных птиц»

В данном разделе помещены материалы, по которым можно проследить судьбу и проблемы, с которыми пришлось столкнуться театру «Гнездо перелетных птиц».

МЕНЯ НЕ ПОНЯЛИ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ СЕВАСТОПОЛЬСКИМ ВЛАСТЯМ

Впервые: Юг (Севастополь), 1920, 26 января, № 148. Печатается по тексту газеты.

С. 281. *...поступивших на «Рион»...*— «Рион» (грузопассажирский пароход-крейсер), построен в Англии в 1901 г. Работал на Восточной линии. С 1904 г. в составе 2-й Тихоокеанской эскадры использовался как крейсер-рейдер против Японии. Возвращен Доброфлоту в 1905 г. С 1907 г. обслуживал линию Санкт-Петербург — Нью-Йорк. В 1913 г. мобилизован в Черноморский флот в качестве учебного судна «Рион». В 1920 г. пароход ушел из Севастополя с эскадрой Врангеля. В 1922 г. был продан на слом.

С. 282. *Летний театр* — располагался на Приморском бульваре, был деревянным. На сцене этого театра в 1900 году выступала труппа МХТ, приезжавшая в Крым к А.П. Чехову. Здание не сохранилось (на его месте водная станция Черноморского флота Российской Федерации).

...театр Морского собрания...— Здание Морского собрания находилось в южной части площади имени Нахимова. Разрушено в годы Великой Отечественной войны (на его месте — мемориал в честь героических защитников Севастополя в 1941–1942 годах).

...в Общественном собрании...— Вероятно, речь идет о зимнем Городском собрании на улице Большая Морская, 2 (здание не сохранилось).

...артистка Марадудина...— Марадудина Мария Семеновна (1888–1960). Первая в России женщина-конферансье,

артистка разговорного жанра. С 1912 г. работала в знаменитом московском театре-кабаре «Летучая мышь», исполняла со сцены рассказы Аркадия Аверченко, Тэффи. С обоими была очень дружна. Друзья дали ей прозвище «Муха».

С. 282. *...в зале института физич<еских> методов лечения...*— Институт физических методов лечения им. Сеченова был открыт в Севастополе в 1914 г., находился на Корниловской площади. Здание сохранилось, ныне является Севастопольским дворцом детства и юности.

С. 284. *...это вам сам Слащев скажет...*— Слащев-Крымский Яков Александрович (1885–1929) — генерал-лейтенант, активный участник Белого движения на юге России. В описываемое время — начальник обороны Крыма. Прототип Хлудова в пьесе Михаила Булгакова «Бег» (1928).

После прибытия в Константинополь Слащев резко и публично осуждал генерала Врангеля и его штаб. В январе 1921 г. издал книгу: «Требую суда общества и гласности. Оборона и сдача Крыма (Мемуары и документы)». После объявления в РСФСР амнистии, вернулся на родину в 1929 г.

Преподавал тактику в школе комсостава «Вымпел».

...большинство товарищей, застрявших в Харькове, уже замучены большевиками... — Части Красной Армии окончательно заняли Харьков 12 декабря 1919 г.

ОТВЕТ ТРЕМ ПОДАТНЫМ ИНСПЕКТОРАМ

Впервые: Юг, 1920, 5 февраля, № 156. Печатается по тексту газеты.

С. 286. *Вы, как диккенсовский мистер Тиккльтон в «Сверчке на печи» — только строго деловые люди.* — Имеется в виду Теклтон — главный герой рождественского рассказа Диккенса, расчетливый коммерсант, интриган, отличающийся своей жестокостью.

ОТКРЫТИЕ «ГНЕЗДА ПЕРЕЛЕТНЫХ ПТИЦ»

Впервые: Presse du soir, 1920, 22 décembre, № 194. Печатается по тексту газеты.

«ГНЕЗДО» — Печатается по тексту газеты «Зарницы» (Константинополь), 1921, № 6.

«ГНЕЗДО ПЕРЕЛЕТНЫХ ПТИЦ»

Рекламное обращение к читателям (без заглавия), здесь оно дано редакцией «Рождественского Сатирикона» (январь 1921), выпущенного Аверченко.

ИЗ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ «ГНЕЗДА» В ГАЗЕТЕ «PRESSE DU SOIR»

Приводится подборка рекламных объявлений театра в газете «Presse du soir» за несколько месяцев 1921 г.

Приложение 3. АВЕРЧЕНКО В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Включает публикации, относящиеся к пребыванию А.Т. Аверченко в Чехословакии.

К вечеру Арк. Аверченко

Печатается по рукописи: Averčenko Arkadij: K večeru. — Мемориал национальной литературы / Pamatník národního písemnictví, f. Varia — Averčenko Arkadij Timofejevič (1881–1925), č. inv. 39, č. přiř. 49/69. Перевод Анны Хлебиной.

С. 290. *...совдепский... так же непонятен, как и готтентотский...* — Готтентотские языки — языки южноафриканских племен, до сих пор плохо изучены, они практически не имеют письменности.

...в «Обецном доме» будет... раздолье. — Обецный дом — Мениципальный дом — общественно-культурный центр в Праге, где 3 июля 1922 г. состоялось первое выступление Аверченко в столице Чехословакии.

Вечер Аверченко

Печатается по тексту газеты Národní listy (1922, 5 cervenec). Перевод Анны Хлебиной.

Скорее всего, автором рецензии является Винценц Червинка (Vincenc Červinka), который в 1919 г. был в Сибири с чешскими легионерами. В пользу его авторства говорит то, что ранее он переводил произведения Аверченко и был хорошо знаком с его творчеством.

Разговор с Аркадием Аверченко

Печатается по тексту газеты Národní listy (1922, 20 červen).

Источник: архив газетных вырезок МИД ЧР (výstřížkový archiv MZV — VA I, karton 2773 A. Averčenko, лист 39567).

Перевод с чешского языка Анны Хлебиной.

С. 292. *«Русспресс»* — информационный орган Русского телеграфного агентства и Прессбюро в Варшаве в 1921–1928 гг. Директором Пражского отделения был В.Ф. Швиговский.

...меньше всего в Болгарии. Не могу простить болгарам то, что они сделали с русскими. — Аверченко и актеры «Гнезда перелетных птиц» прибыли в Софию 15 апреля 1922 года. Гастроли в театре оперетты «Ренессанс» прошли с большим успехом. Однако Аверченко был немало огорчен тем, что лидер Болгарии, премьер-министр Александр Стамболийский, наладил тесные контакты с правительством Советской России. В результате в Болгарии против частей Врангелевской армии начались репрессии, которые ведут к ее расформированию. Солдат отправляют на горно-рудные разработки, на строительство дорог. Ходили слухи, что офицеров будут экстрадировать из страны.

Большой смех на сцене

Печатается по тексту газеты Lidové noviny (1922, 14 červenec). Перевод Анны Хлебиной.

С. 293. *...он мог наблюдать через широкие окна в сумерках опустошенные берега и кучи обломков в диких изгибах реки...*— Имеются в виду последствия сильного наводнения 1922 года.

С. 294. *Представляю тебе Джакомо Леопарди...*— Джакомо Леопарди (Giacomo Leopardi) (1798–1837) — граф, итальянский поэт. Пессимизм его поэзии во многом был созвучен «мировой скорби» Дж.Г. Байрона.

С. 295. *Эдвард Валента* (Edvard Valenta, (1901–1978) — известный чешский журналист, писатель. В 1920–1935 гг. работал в газете «Лидове новины» редактором, фельетонистом, судебным журналистом. В 1936–1937 гг. при финансовой поддержке Яна Бати, владельца знаменитой обувной фабрики, много путешествовал, затем издал ряд книг с путевыми заметками. Затем в качестве секретаря сопровождал Я. Батю в поездках по США. В газету вернулся только после Второй мировой войны, а после 1948 года,

когда в Чехословакии к власти пришли коммунисты, занимался исключительно литературой.

Аркадий Аверченко
(в рубрике «Из культурной жизни»)

Печатается по тексту газеты Moravskoslezský deník (Моравско-Слезски деник, 1922, 8 srpen). *Источник*: Архив газетных вырезок МИД ЧР (výstřížkový archiv MZV — VA I, karton 2773 A. Averčenko, лист 31951).

С. 296. *...в серии «Библиотечка «Златой Праги»«...*— «Злата Прага» («Zlatá Praha») — иллюстрированный журнал, издававшийся в 1864–1865 и 1884–1929 гг.

...имеется в виду Сватек...— Ян Сватек (Jan Svátek) (1883–1958) — издатель художественной и научно-популярной литературы из Чешских Будейовиц. Издательство существовало в 1909–1948 гг. Ян Сватек считается одним из наиболее выдающихся деятелей национальной культурной жизни. Вероятность того, что имеется в виду именно издательство Сватека, действительно велика. Выпущенный им в 1922 г. сборник «Нечистая сила» продавался с подзаголовком «В пользу страдающих русских» и маркой с портретом В.Г. Плеханова и надписью «Заключенным социалистам в России». В книге имеется примечание о том, что перевод сделан «с севастопольского издания 1920 года».

Аркадий Аверченко: о его театре юмора

Печатается по вырезке из неизвестной газеты, без даты. *Источник*: Архив газетных вырезок МИД ЧР (výstřížkový archiv MZV — VA I, karton 2773). Рецензия анонимная. Перевод Анны Хлебиной.

С. 298. *Сословный театр* — Stavovské divadlo в настоящее время является одной из сцен Национального театра в Праге. В мире этот театр известен, прежде всего, благодаря Моцарту, в 1787 г. дирижировавшему там оркестром на представлении «Женитьбы Фигаро», а также на премьере оперы «Дон Жуан», оконченной в Праге.

Вечер Аверченко
(в Сословном театре 26 сентября 1922 г.)

Печатается по вырезке из неизвестной газеты, без даты. *Источник*: Архив газетных вырезок МИД ЧР (výstřížkový

archiv MZV – VA I, karton 2773 A. Averčenko). Рецензия анонимная. Перевод Анны Хлебиной.

С. 299. ... *юмористическое эссе о чехе... как хотел вывести из равновесия миролюбивого приятеля чеха...*– Речь идет о фельетоне «Чехи» (сборник «Чехо-Словакия»). Он вышел также на немецком языке в газете «Prager Presse» в рубрике «Аверченко и мир».

С. 300. ... *похожий на нашего Эдуарда Басса...*– Эдуард Басс (Eduard Bass) (1888–1946) – известный писатель, журналист, фельетонист, актер, певец и конферансье. В 1922 г. – редактор газеты «Лидове новины», театральный критик. Также издавал тексты для кабаре и сатирический журнал «Шибенички» (чеш. Šibeničky – виселички, ассоциация с «виселичный юмор») (1905–1906).

Приложение 4.

Петр Пильский

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Петр Моисеевич Пильский (1879–1941) – критик, публицист, беллетрист, участник Первой мировой войны. После революции за антибольшевистские выступления был арестован. После освобождения жил в Бессарабии, затем в Таллине (Ревеле), с 1926 г. – в Риге. В 1929 г. в Риге была выпущена книга его очерков о современниках, которую высоко оценили А.И. Куприн, М. Осоргин, М. Алданов и др.

Публикуем очерк об Аверченко, которого Пильский хорошо знал.

С. 302. *Вместе с актером Искольдовым и его женой, актрисой Раич он совершал театральное турне...* – Евгений Искольдов в течение ряда лет был импрессарио Аверченко во время гастролей по Европе.

...произошло уже в Ревеле... – официальное название г. Таллина, в 1219–1917 гг. – столицы Эстонии.

С. 304. *...сделал несколько прекрасных сборов... в Юрьеве...* – название г. Тарту (Эстония). в 1030–1224 и 1893–1919 гг.

Содержание

ПОД ХОЛЩЕВЫМИ НЕБЕСАМИ
(1916)

ЧУДАКИ НА ПОДМОСТКАХ
Новая книга пьес и скетчей
для сцены и чтения
(1924)

ИГРА СО СМЕРТЬЮ (1919–1923)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

ПРИЛОЖЕНИЯ

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО
Собрание сочинений

Том 8

ЧУДАКИ НА ПОДМОСТКАХ

Редактор Е.Б. Егорова
Художественный редактор И.А. Шиляев
Технический редактор Т.В. Иванникова

Подписано в печать 16.05.2013.
Гарнитура «Petersburg». Формат 84×108 1/32
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 1000 экз. Заказ № ВЗК-02641-13.

ООО «Издательство «Дмитрий Сечин»
Ул. Ирины Левченко, 2. Москва, 123298, а/я 33.
Тел. 8(985)995-79-70
E-mail: sechinbook@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
E-mail: order@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-904962-26-5

